

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

82

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

82

*К VI Конгрессу INQUA
в Варшаве 1961*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), П. А. Раппопорт,
Д. Б. Шелов, В. П. Шилов

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЗАМЯТНИН

Посвящая этот выпуск новым большим открытиям по палеолиту, в частности — материалам Сталинградской палеолитической стоянки, редакция сочла нужным поместить краткую характеристику жизни и деятельности видного советского специалиста по палеолиту С. Н. Замятнина, исследовавшего эту крупнейшую в СССР стоянку.

Сергей Николаевич Замятнин был выдающимся полевым исследователем, раскопавшим и всесторонне изучившим более чем за 40 лет своей научной деятельности такие всемирно известные археологические памятники, как Яштух, Ильская, Сталинградская стоянка, Ахштырская пещера, Гагарино, Мгвимеви и множество других. Полевая работа была у Сергея Николаевича неразрывно связана с историческим осмыслением археологических памятников и групп их, с постановкой и разрешением больших теоретических проблем. Сергей Николаевич был настоящим советским историком-марксистом. В результате его исследований доказана заселенность южных районов нашей страны, начиная с шельской и ашельской эпох древнего палеолита, разработана проблема мустьерской культуры, открыты первые на территории нашей страны остатки постоянного палеолитического жилища, а также первые памятники пещерного искусства эпохи палеолита. Благодаря работам С. Н. Замятнина разъяснены большие, принципиально важные проблемы истории первобытного человечества, такие, как вопрос об образе жизни и хозяйстве древнейших людей, о времени возникновения локальных различий в развитии палеолитической культуры, о путях развития палеолитического искусства, о времени возникновения погребальной обрядности в древнем каменном веке и об ее этапах. Вместе с тем для Сергея Николаевича характерна исключительная широта научного кругозора. Хотя в основном его внимание привлекали проблемы палеолита и первобытной археологии Кавказа, он внес крупный вклад в изучение искусства неолита, в историографию археологии и в другие отрасли науки.

С. Н. Замятнин
(1899—1958)

Многолетняя плодотворная историко-археологическая деятельность С. Н. Замятина доставила ему широкую известность и заслуженное признание в Советском Союзе и за рубежом.

В настоящем выпуске «Кратких сообщений» мы впервые публикуем отчеты С. Н. Замятина о раскопках мустьерской Сталинградской стоянки в 1952 и 1954 гг. Этот выразительнейший памятник, вскрытый С. Н. Замятиным на площади более чем 600 кв. м и, несомненно, относящийся к числу наиболее интересных мустьерских поселений, до сих пор не был опубликован. После Сергея Николаевича остался ряд других законченных работ, посвященных мустьерским погребениям, палеолитическому искусству, отдельным археологическим памятникам. Они будут напечатаны позднее.¹

---

¹ Некрологи С. Н. Замятина и списки его печатных работ опубликованы в журналах: «Советская археология», 1959, № 2 и «Советская этнография», 1959, № 3.

С. Н. ЗАМЯТНИН

СТАЛИНГРАДСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА¹

Работы палеолитического отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1952 и 1954 гг. были посвящены исследованию одного объекта — Сталинградской палеолитической стоянки, исторического памятника большого научного значения.

Стоянка расположена в балке Сухая Мечетка, в двух километрах от впадения ее в Волгу, между поселками Спартановка и Рынок, примерно в 3—4 км к северу от Сталинградского тракторного завода (ныне эти поселки входят в состав Тракторозаводского района Сталинграда). Эта палеолитическая стоянка — древнейшее на Восточно-Европейской равнине поселение первобытного человека, относящееся к среднечетвертичному времени и залегающее в непотревоженном состоянии. Исключительны и условия залегания культурных остатков, обнаруженных в горизонте погребенной почвы, перекрытой двадцатиметровой толщиной отложений, верхнюю часть которых составляют морские осадки, оставленные позднечетвертичной (хвалынской) трансгрессией Каспийского моря.

Первые находки обитых первобытным человеком кремней и обломков костей ископаемых животных были обнаружены геологом А. И. Коптевым и переданы М. Н. Грищенко, проводившим здесь изыскания в августе 1951 г.

Найденное в осыпи на склоне каменное орудие привлекло внимание М. Н. Грищенко к этому пункту. При вторичном посещении места находки ему удалось обнаружить культурный слой, связанный с ископаемым почвенным горизонтом, залегающим в нижней части аллювиально-делювиальных ательских суглинков. Из культурного слоя было извлечено еще два орудия, ряд отщепов и осколков кремня и несколько обломков минерализованной кости.

Поскольку собранные здесь обитые кремни могли быть использованы для установления и уточнения возраста заключавших их отложений, М. Н. Грищенко передал находки мне в сентябре 1951 г. для археологического определения; мною был тогда же установлен мустьерский возраст кремней. Находка эта, как первое для Нижнего Поволжья указание на наличие остатков культуры человека четвертичного периода, связанная к тому же с весьма своеобразными условиями залегания, представляла исключительный научный интерес, и, естественно, немедленно были приняты меры для ее более полного изучения.

¹ Настоящая статья составлена посмертно из двух кратких до конца не обработанных С. Н. Замятниным полевых отчетов 1952 и 1954 гг.

В ноябре 1951 г. по поручению Института материальной культуры АН СССР место находки осмотрено мною и А. А. Формозовым. Содержавшиеся в погребенной почве Сухой Мечетки находки, подтвердившие полученные ранее данные, позволили, кроме того, установить, что здесь обнаружены следы первобытного поселения в коренном, непереотложенном состоянии. Дополнительные наблюдения выявили еще большую ценность этого памятника первобытной истории. Поэтому Сталинградской археологической экспедицией в план работ было включено исследование стоянки. Палеолитический отряд экспедиции провел здесь раскопки в 1952 и 1954 гг.²

По ходу работ приходилось встречаться с разного рода трудностями технического и организационного порядка, в преодолении которых мы получали неизменную помощь и содействие со стороны руководства Сталинградстроя. С благодарностью надо вспомнить внимательное отношение к нуждам отряда всего руководящего персонала Сталинградстроя, благожелательное внимание и повседневная помощь которого ощущались во все время работ.

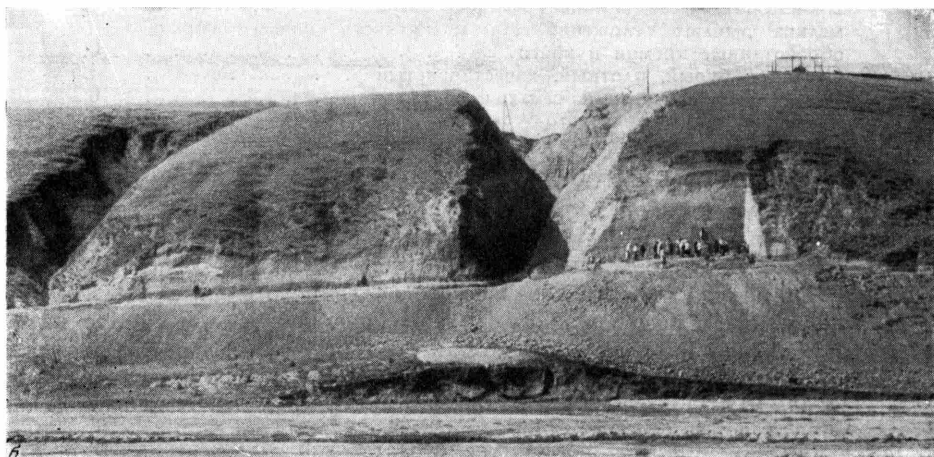
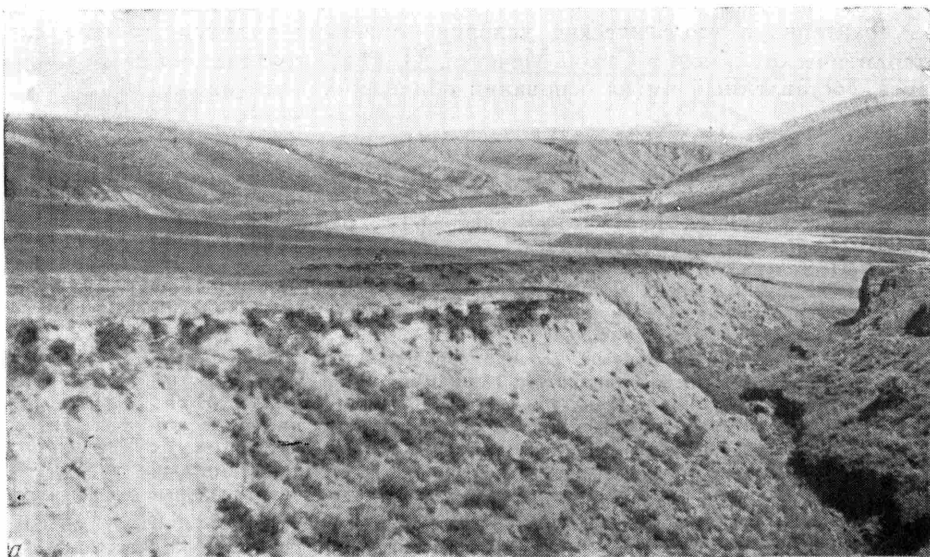
Находка мустьерских культурных остатков в Сухой Мечетке, сделанная в ясных стратиграфических условиях, открывает возможность использования стоянки в качестве опорного местонахождения для многих важных сопоставлений датированных этим путем отложений Нижнего Поволжья с отложениями других бассейнов. Это обстоятельство сразу же привлекло к открытию в Сухой Мечетке внимание геологов-четвертичников, и за время работы место раскопок посетили и осмотрели многие крупные специалисты по четвертичной геологии и палеозоологии³. Большой интерес, вызванный Сталинградской стоянкой, — залог того, что она получит в дальнейшем исчерпывающее геологическое освещение и истолкование.

Сухая Мечетка — это одна из многочисленных крупных и разветвленных балок, пересекающих высокий правый берег Волги в районе Сталинграда (рис. 1 — а). Протяжение балки равно примерно 15 км, направление — с северо-запада на юго-восток. Ширина ее близ мест находки, недалеко от устья, около 250—300 м. По дну соседних с Сухой Мечеткой балок, например южнее, по Мокрой Мечетке, или севернее, по Печуге, постоянно текут небольшие ручьи. По дну Сухой Мечетки постоянного потока нет, только ранней весной, во время таяния снежного покрова, или после сильных дождей здесь недолгое время течет мелководный извилистый ши-

---

² В работах отряда принимали участие: С. Н. Замятин (начальник отряда), М. Э. Паничкина, А. А. Формозов, Э. Р. Рыгдылон, В. А. Тихомирова, Б. Ф. Поршнев, Д. Д. Леонов, Д. А. Фадеев, С. М. Корнев, А. А. Крылова, Т. Г. Шеколадова, Г. М. Падва, В. Н. Назаров-Рыгдылон, Б. Ф. Холуев, А. А. Федоров, Н. Е. Химченко, Г. И. Харитонов, В. Ф. Межов, А. М. Логинов, П. И. Леников и М. М. Гусейнов. Лаборанты Э. С. Козлова и Е. А. Путилова, консультируемые геологом А. Д. Колбутовым, уже после завершения археологической части раскопочных работ производили дополнительно в районе расположения стоянки описание разрезов и отбор образцов для анализов. В 1954 г. кафедра морфологии и систематики растений Саратовского государственного университета командировала Н. Я. Хвалину для сбора образцов на пыльцевые пробы. Изучение этих материалов дало возможность получить заключение о характере растительности района во время существования первобытного поселения.

³ Место работ посетили: открывший стоянку М. Н. Грищенко, А. И. Москвитин, В. И. Громов, Г. И. Горещкий, Н. К. Верещагин, В. П. Гричук, М. Е. Зубкович и некоторые другие. См. М. Н. Грищенко. Краткое сообщение о геологических условиях залегания новой палеолитической стоянки в районе Сталинграда. — Бюллетень КИЧП, вып. 18, 1953, стр. 87—89; В. И. Громов. Первая находка древнего палеолита на Волге. — Бюллетень МОИП, отд. геол., т. XXVIII, вып. 3, 1953; Н. К. Верещагин и А. Д. Колбутов. Остатки животных на мустьерской стоянке под Сталинградом и стратиграфическое положение палеолитического слоя. — Труды Зоологического института АН СССР, т. XXII, 1957, стр. 75—89.

Рис. 1. Сталинградская палеолитическая стоянка:

а — долина Сухой Мечетки; *б* — правый берег Сухой Мечетки, прорезанный молодыми оврагами.
На переднем плане — начало раскопок палеолитической стоянки

рокий ручей. Во время половодья прибывшая вода, подпруживая устье балки, заливается в нее на расстояние примерно около 2 км, т. е. до места раскопок. Склоны балки, довольно крутые, почти повсеместно задернованные, рассечены многочисленными молодыми овражками (рис. 1—б), по направлению обычно перпендикулярными основному тальвегу; склоны их — отвесные, лишенные растительности.

Один из таких овражков правого склона (восьмой по счету к западу от насыпи на шоссе, связывающем поселок Рынок со Сталинградом) прорезал культурный слой стоянки (рис. 1—б; рис. 2), что и было причиной ее обнаружения.

Характеризуя геологические условия залегания культурных остатков палеолитической эпохи в Сухой Мечетке, М. Н. Грищенко дает следующий разрез, составленный им на основании обнажений всего оврага:

	Мощность в м
1. Почвенный покров	0,5
2. Суглинок бурый, сильноизвестковистый (карбонатный горизонт)	0,3
3. Песок бурый, неравномернозернистый, с фауной моллюсков (<i>Dreissensia</i> , <i>Didacna</i> и др.)	0,7
4. Переслаивание буровато-серой и шоколадной глины с суглинками, супесями и серым песком. В суглинке — обильные выделения углекислой извести в виде белоглазки и плотных конкреций. Слоистость горизонтальная	0,5
5. Песок серый, кварцевый, неравномернозернистый, косослоистый, с прослойками тонкозернистого глинистого песка. В песке встречаются раковины моллюсков	1,5
6. Суглинки бурые и красновато-бурые, грубые, тощие, известковистые, неслоистые	2,0
7. Суглинки красновато-бурые, песчаные, с тонкими прослойками глинистого песка. В обнажениях суглинки образуют вертикальные стенки. Через каждые полтора метра прослойки песка сгущаются, собираются в пачки, чем и обуславливается слоистость суглинков, по-видимому, соответствующая особой цикличности в осадконакоплении, особенно хорошо заметной в верхней части. Суглинки однородные, с редкой мелкой галькой	до 16
↓ 8. Погребенная почва темно-красновато-бурого цвета, сильноизвестковистая. Известь в почве распространена в виде прожилков и мелких рыхлых отложений. На поверхности почвы собраны обработанные кремни и кости	0,2
9. Суглинок бурый, плотный, известковистый	1,5
10. Погребенная почва темно-серая, иловатая	0,2
11. Суглинок светло-желтовато-бурый, рыхлый, тощий	2,0
12. Осыпь до тальвега балки Сухая Мечетка	0,6—8

В зачищенных стенках раскопов (рис. 3—I—V), на всем их протяжении, можно было хорошо наблюдать наличие, кроме двух указанных М. Н. Грищенко горизонтов ископаемой почвы (слои 8 и 10 приведенного разреза), еще одного хорошо выраженного почвенного слоя, делящего, примерно, посередине, выше лежащий слоистый суглинок (слой 7). По насыщенности гумусной окраски этот слой несколько слабее, нежели восьмой, содержавший культурные остатки, но интенсивнее нижнего, десятого. Как указывает М. Н. Грищенко, по приведенному разрезу стратиграфическое положение археологического слоя устанавливается с большой точностью, если учесть, что погребенные почвы приурочены к средней части ательских суглинков, перекрытых морскими осадками хвалынской трансгрессии Каспия (слои 2—5) и подстилаемых в полных разрезах отложениями хозарской трансгрессии.

Работы на палеолитической стоянке были начаты с прослеживания площади распространения культурных остатков. Для этого предприняли зачистку ископаемого почвенного слоя, к которому оказались приуроченными археологические находки (см. рис. 1—б).

Первые кремни обнаружены М. Н. Грищенко в устьевой части молодого овражка, с левой его стороны. Зачистки были начаты от этого пункта первых находок вдоль русла Сухой Мечетки, по обе стороны от устья оврага (рис. 2), а также вдоль тальвега оврага, по обеим его сторонам, от устья вверх. Вдоль русла Мечетки в зачищенном слое ископаемой почвы культурные остатки прослежены и налево (на запад) и направо (на восток) от овражка, всего на протяжении около 70 м, считая и участок, разрушенный оврагом. Проведенные работы позволили проследить простираение слоя с находками как вдоль берега Мечетки, так и в поперечном направлении, и примерно определить площадь поселения.

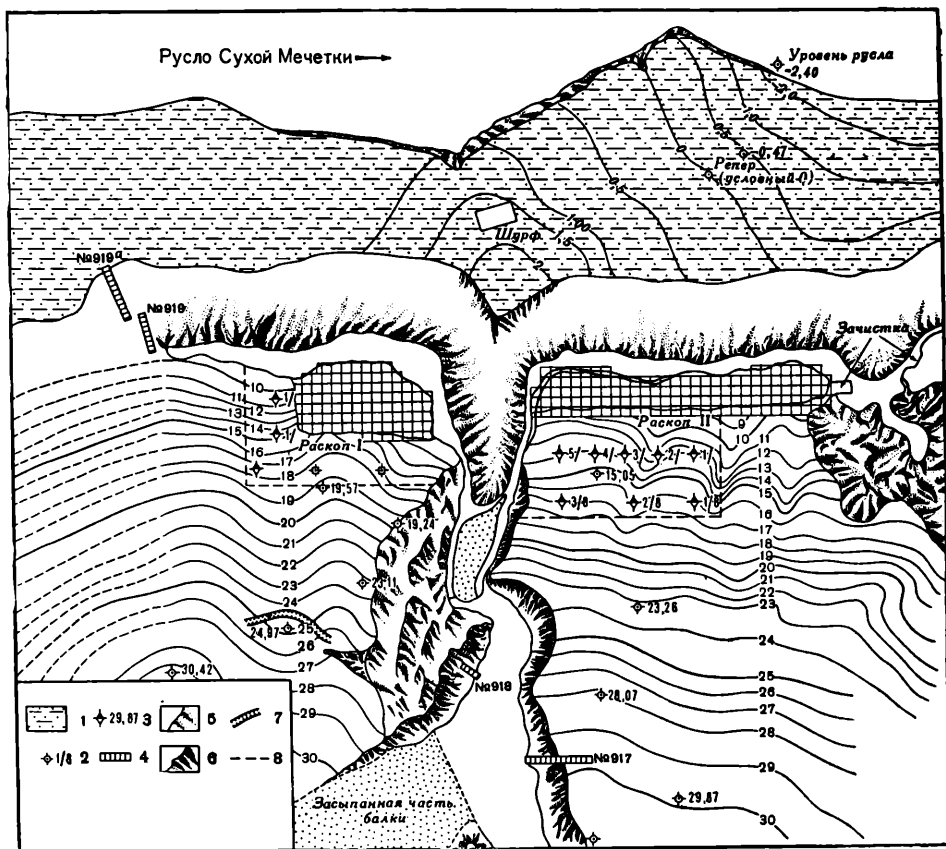

Рис. 2. Общий план места раскопок стоянки в долине Сухой Мечетки:

1 — конус выноса; 2 — высотные отметки; 3 — буровые скважины; 4 — зачистки для взятия пыльцевых проб; 5 — осыпи, отвалы земли; 6 — обрывы; 7 — остатки окопа; 8 — граница взрывной площади

Отмечена была неравномерность расположения культурных остатков на площади стоянки, причем установлено возрастание количества находок по мере удаления от Сухой Мечетки в глубь берега.

Содержащий культурные остатки ископаемый почвенный горизонт имеет заметное падение с запада на восток, по направлению к Волге (рис. 3—1). На протяжении 60 м зачистки это падение равняется 3 м.

Иная картина простираения слоя наблюдается в направлении, перпендикулярном руслу Сухой Мечетки, в глубь берега, по тальвегу овражка. Ископаемая почва с мустьерскими находками лежит здесь почти горизонтально, с малозаметным падением в сторону Мечетки. Напротив, дно молодого овражка, вскрывшего стоянку, падает круто в том же направлении, так что горизонт ископаемой почвы, пересекая дно овражка, уходит ниже его, и для того чтобы проследить распространение находок в глубь берега, понадобились зачистки вдоль стен овражка, углубленные значительно ниже его дна. Вследствие разности в крутизне падения дна современного овражка и слоя ископаемой почвы, содержащего находки, сохранились от разрушения участки культурного слоя, лежащие на площади, ныне занятой оврагом, но расположенные ниже его дна. Разрушенным оказался только относительно небольшой участок культурного слоя, непосредственно прилегавший к устьевой части оврага (рис. 2), не превышавший, видимо, 100 кв. м.

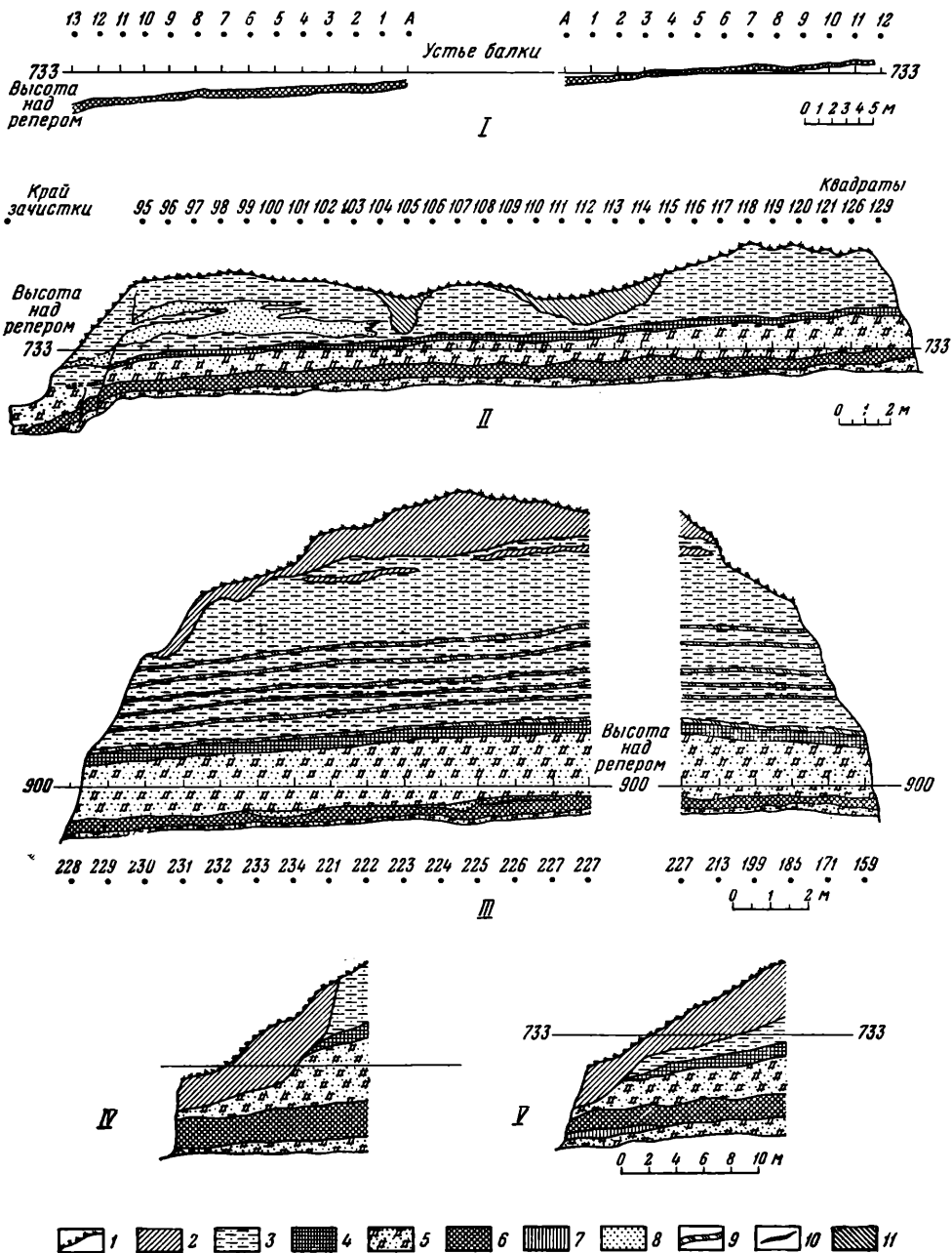

Рис. 3. Профили Сталинградской палеолитической стоянки:

I — падение культурного слоя вдоль русла Сухой Мечетки; II — раскоп 2, профиль по квадратам 95—129; III — раскоп 1, профиль по квадратам 228—227—159; IV — профиль по квадратам 28—109; V — профиль по квадратам 1—68;

1 — дерн; 2 — поздний делювий; 3 — горизонтально-слоистая супесь; 4 — погребенная почва I; 5 — плотная бурая глина; 6 — погребенная почва II с культурными остатками мустьерской эпохи; 7 — прослойка желтой глин; 8 — песок; 9 — песчаные прослойки; 10 — угольная прослойка; 11 — поздние промывы

Это подтверждается и незначительным количеством археологических находок, которые обнаружены в конусе выноса оврага. Несмотря на то, что были предприняты специальные поиски (вскопана поверхность выноса, заложен шурф), удалось найти только одно небольшое кремневое скребло (почти на поверхности выноса) и несколько незначительных осколков — отбросов при изготовлении орудий.

После подготовительных работ были заложены последовательно два раскопа, один к востоку от устья оврага, другой — к западу.

Уже первые осмотры места находки совершенно ясно показали, что более или менее полное раскрытие памятника невозможно, если ограничиться обычными при археологических исследованиях техническими средствами.

Огромная, почти 20-метровая, толща отложений, покрывавших культурный слой, делала недоступным вскрытие вручную. Поэтому уже с самого начала наметилась необходимость применения механизированных средств. После консультации со специалистами решено было произвести взрывные работы. Подготовка потребовала достаточно длительного организационного периода, и, для того чтобы не откладывать исследований памятника, одновременно начали вскрытие вручную тех участков, которые требовали меньшего объема вскрышных работ. Такими были участки, расположенные вдоль русла Сухой Мечетки, где перекрывающие наслоения наиболее сильно срезаны склоном.

Всего было вскрыто и исследовано около 250 кв. м площади стоянки. На остальной территории памятника балласт был разрыхлен и частично удален путем взрыва. Взрывными работами и последующей уборкой земли бульдозером раскопки 1952 г. были закончены. Часть разрыхленной породы оставили на месте, чтобы сохранить от повреждения культурный слой, подлежащий дальнейшему исследованию.

Работы 1954 г. пришлось начать с удаления бульдозерами разрыхленной взрывом земли.

Для разборки вручную над культурным слоем было оставлено не более 1 м породы. Разборка слоя, как и в предшествующем полевом сезоне, велась в основном поквдратным методом, причем все находки, до самых мелких осколков и чешуек кремня, фиксировались на отдельных планах метровых квадратов ($1/10$ нат. вел.), на которых помечались и высотные отметки каждой находки от общего репера и другие частные наблюдения. Эти планы заполнялись лаборантами под руководством старших сотрудников. Каждый лаборант вел наблюдения по одному или двум-трем квадратам одновременно, в зависимости от насыщенности слоя. По завершении разборки квадрата план его, с текстом пояснений, скреплялся подписью лица, ответственного за наблюдения. Сводку поквдратных планов производили уже в камеральных условиях.

На части западной половины раскопа, наиболее насыщенной культурными остатками, в виде опыта проведена единовременная расчистка довольно значительной площади. Однако это не дало более выразительной картины, нежели поквдратная разборка, скорее даже наоборот, так как при мощности слоя довольно существенно различалась высота залегания отдельных находок, и не все они обнаруживались на расчищенной площади в одно время. Притом расчистка одновременно большой площади сказалась резко отрицательно на темпах работы, вызвав их замедление, и сохранности расчищенных культурных остатков (в особенности костей).

Этот опыт показал, что расчистка большими площадями, совершенно обязательная там, где сосредоточены значительные скопления остатков, часто представляющих единое сооружение (например, сооружения из костей мамонта в верхнепалеолитических местонахождениях), мало целесообразна в относительно слабо насыщенных культурных слоях, в особен-

ности если находки, как в данном случае в Сталинграде, представлены преимущественно мелкими предметами и обломками.

Снятие кровли велось наиболее ускоренным способом, тогда как разборка культурного слоя производилась со всей возможной тщательностью, с закреплением хрупких объектов на месте консервирующими веществами и с обязательной фиксацией каждой, даже самой мелкой находки на плане. Высотные измерения брались от условной точки, показанной на общем плане раскопок. Постоянный репер в виде глубоко вкопанной металлической штанги с напилком на ней был установлен на нижней части конуса выноса (см. рис. 2), несколько правее устья овражка, по обе стороны которого был развернут раскоп.

Необычайная плотность культурного слоя, отвечающая плотности кроющих слоев отложений, делала очень затруднительной его разборку. Если для удаления балласта можно было использовать кирки, лом, стальные клинья и кувалду, то для разборки культурного слоя подобной плотности подобрать подходящие орудия было нелегко. Обычно применяемые инструменты, которые были запасены при выезде на работы (ножи, шпатели, мелкие лопатки, разного вида шилья и т. д.), оказались совершенно непригодными в этих условиях. Они ломались и гнулись в плотно сцементированной глине и быстро выходили из строя. Пришлось срочно подыскивать более подходящий инструмент. Таким оказался геологический молоток в виде небольшой кирки-мотыги (на одном конце — поперечное лезвие, на другом — четырехгранное острие). Использование таких молотков или, вернее, мелких ручных кирочек, сразу же устранило опасность поломки или повреждения каменных орудий при извлечении их из земли.

Сложнее было с извлечением костей, очень плохой сохранности и обычно менее плотных, нежели заключающая их порода. Чтобы сохранить их для последующего палеонтологического определения, приходилось вести расчистку постепенно и параллельно производить закрепление бутваром. Поэтому все же удалось собрать достаточное количество определимых костей.

Исходя из данных о простирании слоя с культурными остатками вдоль Мечетки и в поперечнике, т. е. по тальвегу овражка, можно всю площадь стоянки округленно оценивать в 1000—1200 кв. м, из которых около 100 кв. м разрушены оврагом. За два года раскопок Сталинградская палеолитическая стоянка исследована с большой полнотой. Раскопанная площадь равна примерно 650 кв. м.

Как видно из плана (рис. 4 — I и II) и разрезов отложений, зачищавшихся по овражку, нескрытыми остались только самые окраины местонахождения, расчистка которых не могла внести каких-либо существенных дополнений и изменений.

Сводный план (рис. 4 — I и II) расположения культурных остатков, полученный в результате раскопок 1952—1954 гг., дает интересную и выразительную картину⁴. Насыщенность исследованной площади находками, как это видно на сводном плане, далеко не равномерна по количеству и не однородна по характеру. На исследованной площади наиболее богатые находками участки непосредственно примыкают к разрушенной в древности части стоянки, к обеим ее сторонам — в западной и восточной частях раскопа. Как указывалось выше, культурный слой стоянки имеет равномерное падение в сторону Волги, т. е. с запада на восток. Падение это на протяжении раскопа, вдоль Сухой Мечетки, больше 3 м (рис. 3 — 1). Слой иско-

⁴ Необходимо отметить, что для памятников мустьерского времени подобная детальная фиксация расположения культурных остатков, позволяющая составить известное представление о планировке стоянки под открытым небом, была произведена впервые. (Для пещерного поселения такая фиксация была проделана в 1938 г. на верхнем мустьерском слое Ахштырской пещеры близ Адлера.)

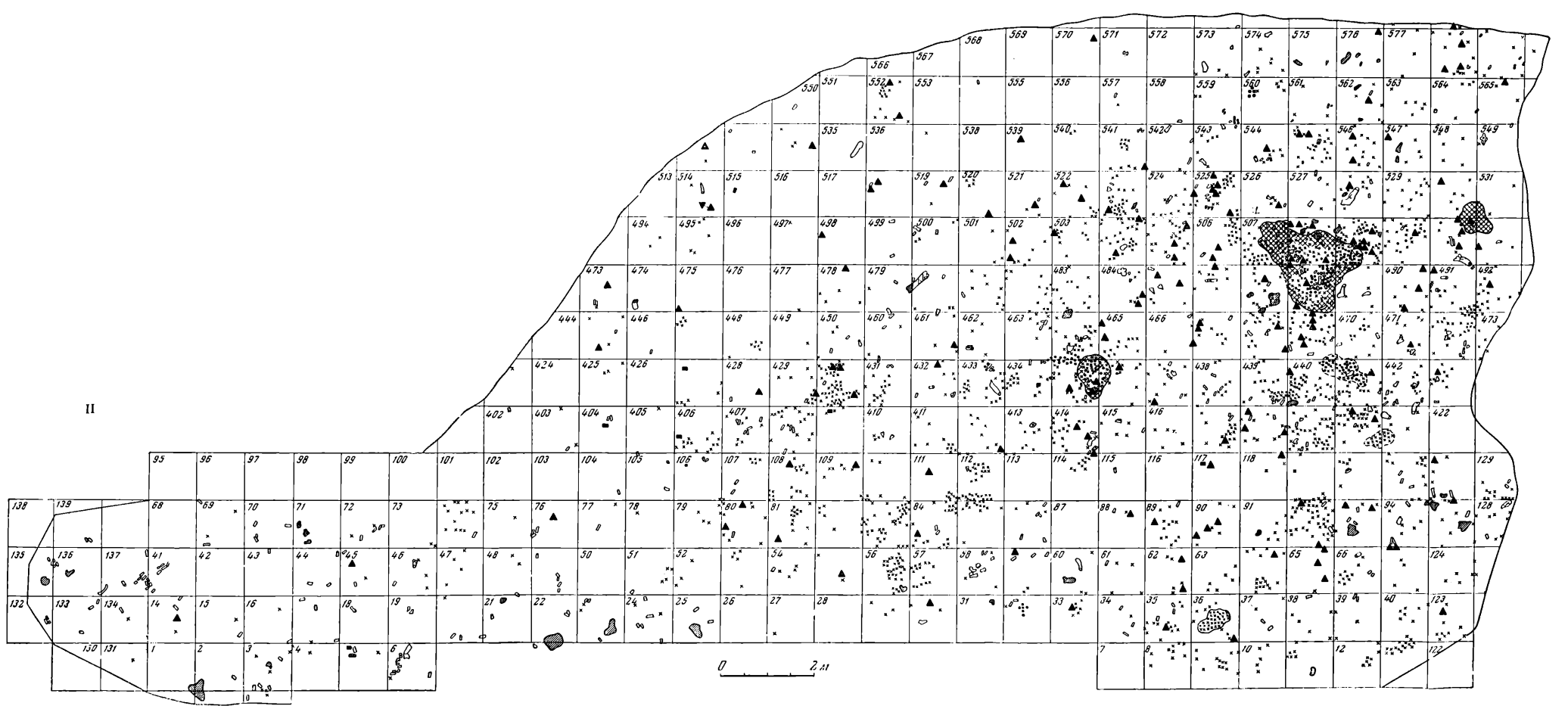
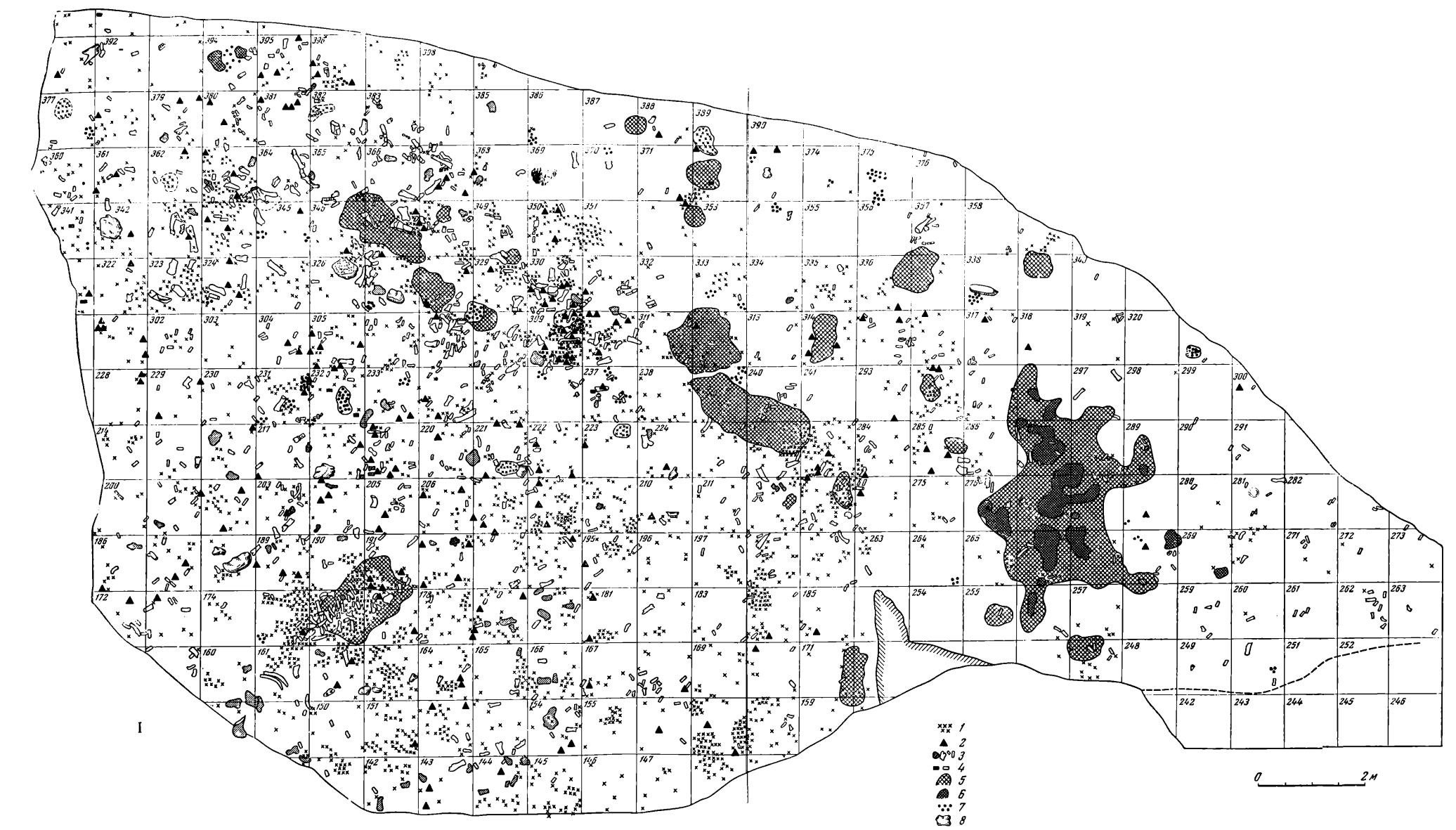

Рис. 4. План расположения культурных остатков:

I — западный раскоп; II — восточный раскоп; 1 — каменный отщеп, осколок; 2 — каменные орудия; 3 — обломки костей животных; 4 — охра; 5 — угольные пятна; 6 — утолщения угольного слоя; 7 — угли; 8 — крупные камни

паемой почвы, к которому приурочены находки, различен на повышенных и на пониженных участках стоянки: на пониженных участках он имеет интенсивную темную окраску и равномерную мощность, достигающую примерно 0,5 м; в западной, повышенной части раскопа гумусная окраска несравненно слабее, временами еле заметна, а мощность в среднем не превышает 0,20—0,25 м (рис. 3—III). Насыщенность карбонатами слоя на пониженной, восточной части раскопа также значительно больше. Скопление же культурных остатков заметно богаче на повышенном, западном участке (рис. 4—I).

Кроме каменных орудий, отщепов, ядрищ, осколков и костных остатков животных, были отмечены мелкие кусочки угля и следы золы, обычно находимые единичными пятнами, а в пяти случаях образовавшие заметные скопления — остатки костров. Встречено также несколько мелких кусочков красной охры, видимо, намеренно принесенных на стоянку первобытным человеком.

В западной половине раскопа обнаружены четыре крупных кострища (рис. 4—I)⁵. Кроме того, в этой же повышенной части отмечено около десятка небольших очажных пятен, не превышающих диаметром полуметра. Все кострища вытянуты в линию по наиболее высокому участку стоянки.

Единственное крупное кострище (рис. 4—II), встреченное в восточной половине раскопа, также приурочено к наиболее высокому участку и, по всей вероятности, было последним в ряду кострищ, частично уничтоженных оврагом. Кроме крупного кострища, обнаружены два несколько меньших очажных пятна⁶. К кострищам тяготела основная масса находок: каменных орудий и осколков — отходов при их изготовлении, а также обломков костей животных и др.

Группировка материала вокруг больших кострищ была неоднородной. Вокруг двух западных кострищ почти не было осколков и отбросов производства орудий, они были наиболее многочисленны у третьего и четвертого кострищ. В промежутке между ними, а также между вторым и третьим кострищами отмечены два наиболее значительных сосредоточения законченных каменных орудий. Интересно, что в восточной части раскопа вдали от кострищ встречено около дюжины законченных орудий при почти полном отсутствии осколков и костных остатков. Эта площадь удалена от края раскопа, обращенного к Мечетке, и несколько повышена⁷. Ниже, в восточном конце раскопа, собраны только немногочисленные осколки кремня и одно-два орудия.

Подобная неравномерность распределения культурных остатков, несомненно сохраняющих первоначальное положение, в каком они были оставлены первобытным человеком, отражает неоднородное использование отдельных участков поселения. Дальнейшие наблюдения, по-видимому, позволят проникнуть в такие стороны жизни древнейшего населения нашей страны, которые не отражены в других источниках.

Обращаясь к рассмотрению фаунистических находок, собранных на Сталинградской стоянке, следует отметить, что, несмотря на относительно небольшие по количеству сборы определяемых костей и скромный по видовому составу список животных, полученные материалы все же позволяют сделать вполне определенные выводы как об условиях древнего ланд-

⁵ Первое, самое крупное по площади кострище находилось на квадратах 295—297, 286—289, 276—278, 265—268, 256; второе — на квадратах 225—227, 238—241, 311—312, 333; третье — на квадратах 327—328, 346—348, 365—366; четвертое — на квадратах 175—177, 189—191.

⁶ Крупное кострище вскрыто в квадратах 487—489, 507—509; очажные пятна — в квадратах 435, 436 и 511 (первое) и 512—530, 531 (второе).

⁷ Квадраты 445, 473, 475, 478, 498, 514, 532, 534.

шафта — времени существования стоянки, так и о характере хозяйственной деятельности первобытного человека.

Встреченные в культурном слое остеологические материалы в большинстве случаев состояли из мелких обломков костей, чаще всего трубчатых, намеренно расколотых первобытным человеком. Более крупные фрагменты попадались относительно редко, при этом обычно раздавленными на мелкие осколки и сплюснутыми толщей лежащей выше породы. Количество костных остатков в культурном слое, их размер, а в связи с этим до некоторой степени и сохранность возрастали на участках, более удаленных от края стоянки, расположенного вдоль Сухой Мечетки. Определенные образцы, собранные с большим трудом, позволяют дать характеристику состава животных, являвшихся предметом звероловного промысла первобытных охотников Сталинградской стоянки.

Предварительные определения состава фауны производились на основе частичного просмотра материала еще во время работ. Детальное изучение собранных материалов было произведено в Ленинграде, в Зоологическом институте АН СССР Н. К. Верещагиным⁸.

В окончательном виде результаты палеозоологического определения остатков, собранных за два года работ, выглядят так:

I. Животные, являвшиеся охотничьей добычей человека

1. Волк (<i>Canis lupus</i> L. O.)	1
2. Мамонт (<i>Elephas</i> sp. cf. <i>primigenius</i> Blum)	51
3. Лошадь (<i>Equus caballus fossilis</i> L.)	42
4. Зубр (<i>Bison priscus</i> Boj)	366
5. Сайга (<i>Saiga tatarica</i> L. O.)	36
6. Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i> L.)	15
7. Северный олень (<i>Rangifer tarandus</i> L.)	1
8. Остатки крупных животных, преимущественно копытных, ближе не определимые	358

II. Животные, одновременные стоянке, но попавшие в слой без участия человека

9. Суслик рыжеватый (<i>Citellus</i> loc gr. <i>major</i> Pall.)	31
10. Тушканчик большой (<i>Allactaga jaculus</i> Pall.)	10
11. Земляной зайчик (<i>Alactagulus acontion</i> Pall.)	3
12. Пеструшка желтая (<i>Lagurus luteus</i> Eversm.)	12

III. Современные грызуны, занорившиеся в склон

13. Слепушонка (<i>Ellobius talpinus</i> Pall.) . . . . .
14. Лесная (?) мышь (<i>Apodemus</i> sp.) . . . . .

Как указывает Н. К. Верещагин, северный олень, определенный по одному астрагалу, найденному (квадрат 118) выше горизонта ископаемой почвы, вероятно, относится к несколько более позднему времени. Если оставить в стороне эту недостаточно точно определенную находку, а также волка (хотя и добыт человеком, но среди находок имеется всего одна кость), то остальные материалы будут характеризовать сталинградского неандертальца как охотника на крупных млекопитающих, преимущественно копытных. Интересно преобладание в охотничьей добыче остатков бизона, что сближает стоянку Сталинградскую и Ильскую.

Из анализа фаунистических остатков Н. К. Верещагин делает вывод, что в эпоху существования стоянки ландшафт района был преимущественно степной, а климат — засушливый и континентальный. Сходное заключение делают проф. А. А. Чигуряева и Н. Я. Хвалина на основе изучения растительных остатков из культурного слоя. По их данным, во время суще-

⁸ Н. К. Верещагин и А. Д. Колбутов. Указ. соч.

ствования стоянки в ее окрестностях должны были преобладать безлесные участки со степной и полупустынной растительностью, с преобладанием полыни и маревых. Лесная растительность, преимущественно хвойные, распространялась главным образом по склонам балок и речным долинам. «Липа, возможно, входила в состав подлеска хвойных лесов. Находки микроскопических остатков древесины с округлыми окаймленными порами в образцах с мест кострищ указывают на то, что человек использовал для костров древесину хвойных»⁹.

Как отмечалось выше, основным промысловым животным, составлявшим наиболее многочисленную добычу жителей стоянки, был зубр. По наблюдениям Н. К. Верещагина, кости этого животного принадлежали молодым и полувзрослым особям — телкам. Характерно, что и на другой известной у нас мустьерской стоянке под открытым небом, в станице Ильской, расположенной в предгорьях Западного Кавказа, между Краснодаром и Новороссийском, так же как и на Сталинградской, основным промысловым животным был тот же вымерший бык и отмечался возрастной отбор добытых особей, видимо, зависевший в какой-то мере от приемов лова. Следующей по многочисленности является сайга, затем мамонт и, наконец, лошадь. Все четыре вида — стадные животные, добыча которых в ту эпоху производилась коллективной облавой, видимо, с использованием благоприятных форм рельефа, которые могли существовать в окрестностях стоянки. Охоту вели в целях получения пищи (мяса) и шкур животных. На обработку шкур указывает наличие серии предназначенных для этого каменных орудий.

Кости и бивни мамонта еще не использовались в мустьерскую эпоху для изготовления изделий. Это подтверждается характером немногочисленных следов, оставленных человеком на костях животных. В пяти случаях отмечены следы и зарубки на поверхности кости (рис. 5—1—4, 6)¹⁰, возникающие при использовании костей для нанесения контрударной ретуши на каменные орудия, при помощи которой оформлялась рабочая часть — так называемые наковаленки или отжимники.

Нет сомнения в том, что число этих наковаленок, столь обычных среди находок на мустьерских стоянках, было бы значительно больше и в Сухой Мечетке, если бы поверхность кости подвергалась здесь меньшему разрушению. Кроме упомянутых наковаленок, на Сталинградской стоянке отмечено лишь несколько осколков трубчатых костей (быка), расколотых для извлечения костного мозга, со следами заглаженности на естественно приостренных концах. Эти удлиненные обломки, без дальнейшего приспособления их, были непосредственно использованы для выполнения какой-то работы, отчего и образовались в отдельных местах (на конце) потертость и заглаженность.

Каменные изделия встречены на Сталинградской стоянке в большом числе, в характерном наборе и в весьма выразительных образцах. Особо интересно то обстоятельство, что исходным материалом для изготовления каменных орудий здесь служили разнообразные пестро окрашенные валуны, происходящие из ергенинской толщи. Помимо кремня и кварцита, происходящих из ергенинских песков, использовался и местный палеогеновый песчаник, в изобилии имеющийся в естественных выходах в окрестностях стоянки, но менее плотный и поэтому реже применявшийся или, может быть, реже сохранявшийся до наших дней.

Выходы ергенинских песков отмечены неподалеку от стоянки, на водоразделе между Сухой и Мокрой Мечетками. Вероятно, именно здесь перво-

⁹ См. публикацию А. А. Чигуряевой и Н. Я. Хвалиной в настоящем выпуске, стр. 37.

¹⁰ По техническим причинам таблицы находок (рисунки 5—20) помещены в конце статьи.

бытный человек добывал материал для орудий. Кремень из этого местонахождения, кроме пестроцветности, отличается еще и яшмовидным рисунком — различной окраской отдельных прослоек. Помимо кремня, материалом для каменных орудий служил кварцит, также происходящий из валуновых включений в ергенинских песках. Окрашенный более однородно, кварцит все же встречается различных оттенков — белый, серый, зеленый, золотисто-желтый. Эта разнообразная окраска материала, служившего первобытным обитателям Сухой Мечетки для изготовления орудий, позволила с полной несомненностью проследить в ряде случаев, что орудия, собранные на стоянке, обнаружены именно на том месте, где они были изготовлены. В большинстве случаев осколки и мелкие чешуйки кремня, т. е. отбросы при изготовлении и вторичной подправке орудий, отчетливо различались по окраске и породе камня на отдельных участках исследованной площади. При этом однородный по окраске и породе состав осколков и чешуек нередко полностью соответствовал найденным здесь же законченным каменным орудиям, а иной раз нуклеусам и крупным кускам камня, хранившимся в качестве запасов сырья.

Таким образом, значительная часть собранных на стоянке орудий совсем не была (или почти не была) в употреблении и найдена там, где предметы были изготовлены и затем оставлены обитателями. Это в ряде случаев подтверждается и очень слабой сработанностью рабочих частей орудий.

За время раскопок на Сталинградской стоянке обнаружено свыше 300 законченных орудий мустьерской эпохи. Кроме того, собрано много отщепов, отделенных от ядрищ, но не подвергавшихся вторичной обработке, а представляющих как бы полуфабрикат для изготовления орудий; ядрищ, с которых эти отщепы отделялись; кусков камня, принесенных на стоянку как сырье для дальнейшей обработки и использования (каменные наковаленки, рис. 5—5, 7, 8), и, наконец огромное число разного рода осколков-отбросов, от крупных до самых мелких, не имеющих определенной формы.

Ядрища (рис. 6—3—5; рис. 7—3), кремневые и кварцитовые, представленные в коллекции, имеют характерную для мустьерской эпохи дисковидную форму и крупные размеры — около 10—13 см в диаметре. Края их при скалывании массивных отщепов с большим ударным бугорком (рис. 6—1, 2; рис. 7—1; рис. 11—2; рис. 14—5, 10) сильно деформировались в процессе работы и неоднократно подправлялись и выравнивались. Эта подправка краев нуклеуса хорошо видна на большом числе отщепов (рис. 7—4; рис. 14—2, 4; рис. 15—1), включая и те, которые были в дальнейшем оформлены как орудия. Однако на ряде отщепов ударная площадка совершенно гладкая (рис. 6—1, 2), особенно часто на кварцитовых.

Одним из хронологических показателей может служить чрезвычайно малое число отщепов, оставленных без вторичной обработки. Для более ранних стоянок эпохи нижнего палеолита характерен тем больший процент оставленных без вторичной обработки заготовок, чем глубже древность того или иного набора каменных орудий.

Иногда в качестве полуфабриката обитатели Сталинградской стоянки использовали не отщепы, сколотые с нуклеусов, а небольшие уплощенные гальки разных пород, по размерам или по форме приближающиеся к орудиям, которые человек собирался приготовить (рис. 8; рис. 10; рис. 11—1, 3—8). В соответствии с этим и орудия можно разделить на две группы: 1) изготовленные на отщепах и 2) изготовленные из гальки. Последние хотя и следуют более древнему техническому приему, которым обыкновенно приготавливались ручные рубила — орудия, свойственные ранним этапам нижнепалеолитической эпохи, однако несут характерные признаки мустьерской техники. Даже готовя орудия из гальки, обитатели Сухой

Мечетки стремились получить более привычную им заготовку, с характерными для отщепа признаками: одна сторона плоская, другая выпуклая (рис. 8—5; рис. 9—2; рис. 10—4, 5; рис. 11—1, 3—8). Для этого первобытный мастер, обрабатывая уплощенную гальку подходящего размера, отделяя сначала крупные и очень тонкие осколки, выравнивал одну сторону гальки, уменьшая одновременно ее толщину. Эта часть обработки соответствует отделению отщепа с нуклеуса. Последующую, вторичную, окончательно оформляющую орудие ретушь обычно наносили на сохраняющую естественную выпуклость и не затронутую при первичной обработке сторону гальки, подобно тому, как и на отщепе, сколотом с нуклеуса, вторичной обработке всегда подвергалась выпуклая верхняя сторона. Эти черты, присущие орудиям с двусторонней обработкой, собранным на Сталинградской стоянке, указывают, что здесь архаичная по существу техника органично сочеталась с более поздними приемами, свойственными мустьерской эпохе.

До известной степени могут иметь датирующее значение количественные соотношения орудий, изготовленных обычным путем, на отщепах, сколотых с дисковидного нуклеуса, и орудий, выработанных архаичным приемом стесывания гальки. В наборе орудий из раскопок Сталинградской стоянки двусторонне обработанные орудия, со стесыванием со стороны брюшка, встречаются лишь в единичных экземплярах, тогда как в инвентаре Ильской стоянки на Кубани и в находках из верхнего горизонта пещеры Киик-Коба в Крыму эти орудия представляют весьма заметное явление. Подобное соотношение, по-видимому, имеет хронологическое значение и может служить указанием на временную последовательность перечисленных местонахождений.

Среди двусторонне обработанных орудий есть превосходные крупные экземпляры листовидной формы (рис. 12; рис. 13). Орудия этого вида, как правило, единичные и там, где двусторонний прием обработки встречается чаще, чем в Сталинградской стоянке, известны не только на стоянке Ильской, но и в нижнем мустьерском горизонте Ахштырской пещеры близ Адлера.

Основная масса каменных орудий, собранных на Сталинградской стоянке, представлена главным образом двумя формами — скреблами и ручными остроконечниками. Эти две формы орудий, являющиеся лишь вариациями приспособления для работы широкого, подтреугольной формы отщепа, сколотого с дисковидного нуклеуса, — основные и наиболее характерные изделия мустьерской эпохи. В Сталинградской стоянке и те и другие орудия встречены во всех главных разновидностях.

В меньшем числе найдены скребла, представленные двумя сериями — с выпуклым рабочим краем (рис. 8—3—5, 6; рис. 11—6; рис. 14—5, 7; рис. 15—6, 10, 12, 13) и с прямым рабочим краем (рис. 6—1; рис. 7—2; рис. 8—2, 4; рис. 11—7; рис. 14—8, 9; рис. 15—7). Скребла вогнутые (рис. 7—1; рис. 14—6), двойные (рис. 7—1; рис. 15—9, 13) и с противолежащей ретушью (рис. 15—5, 9) представлены единичными экземплярами.

Остроконечники составляют наиболее распространенную группу орудий (рис. 14—1—4, 10; рис. 15—1—4, 11, 14; рис. 16; рис. 17—1—10, 12, 14).

Такое соотношение (что подтверждается и наблюдениями на западноевропейских местонахождениях) имеет то же хронологическое значение, что и соотношение простых и двусторонних орудий, и указывает на относительно поздний, в пределах мустьерской эпохи, характер каменных орудий.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение обширного собрания каменных орудий из Сухой Мечетки, дающего материал для многих частных наблюдений (это — дело последующего монографического описания), мы считаем необходимым остановиться здесь на некоторых чертах, которые можно

использовать как дополнительные доказательства для уточнения датировки стоянки. Прежде всего хочется отметить группу массивных режущих инструментов, морфологически примыкающих к остроконечникам, но отличающихся тем, что рабочий конец их находится не на средней оси, а сбоку от нее (рис. 15—14; рис. 17—11, 13, 15; рис. 18). Эти «боковые острия» служили для какой-то весьма энергичной работы, так как нередко несут следы сработанности и затем вторичной подправки. При этом подправка притупившегося рабочего края орудия производилась путем тонкого скола, наносившегося с нижней, плоской стороны орудия, в направлении от рабочего конца к рукояточной части (рис. 17—1; рис. 19—6). Скол приближается к резовым сколам некоторых видов верхнепалеолитических резцов.

Само по себе наличие резовых сколов, имеющих обычно достаточно случайный вид (рис. 19—12), не представляется большой редкостью в нижнепалеолитических местонахождениях и не свидетельствует о позднем возрасте (грубые резцы встречены, например, даже в ашельских слоях палестинской пещеры Умм-Катафа, не говоря уже о настоящих резцах в мустьерских слоях пещер горы Кармел). Однако, в отличие от единичных и случайных форм резца в других местонахождениях, прием подправки рабочего конца путем резового скола часто применялся обитателями Сталинградской стоянки к определенному виду орудиям, составляющим здесь достаточно устойчивую серию находок, что заставляет и в этом признаке видеть известный хронологический показатель. Наконец, необходимо отметить в серии орудий типа «бокового острия», хотя и единичные, но выразительные поделки, приближающиеся по характеру к верхнепалеолитическому острию типа Шательперрон, но отличающиеся от него исходной формой заготовки и массивностью (рис. 19—1—3).

Орудия, близкие остриям типа Шательперрон, Г. А. Бонч-Осмоловский отмечает в находках из пещеры Шайтан-Коба.

Все перечисленные признаки, взятые каждый порознь, были бы недостаточны для сколько-нибудь определенных выводов, однако, когда все указания идут в одном направлении, они уже могут служить достаточным основанием для ориентировочного заключения об относительно позднем, верхнемустьерском возрасте Сталинградского палеолитического местонахождения. Конечно, было бы совершенно неверно делать какое-либо заключение о финальном, переходном к верхнему палеолиту характере памятника. Никаких оснований для этого нет. Техника обработки камня еще всецело мустьерская. Безусловно, преждевременно пытаться вносить дальнейшую детализацию в это определение. Последующее изучение материалов, несомненно, позволит обосновать предложенные выводы.

Выше приведены сведения о наблюдениях над группировкой культурных остатков в слое. Следует остановиться еще раз на некоторых из них. В раскопках 1952 г. отмечены случаи вертикального положения отдельных орудий в культурном слое. Одним из посетивших раскопки геологов было высказано предположение, что это явление можно объяснить солифлюкционным смещением культурного слоя вниз по склону. Во время работ 1954 г. на положение отдельных находок в слое обращалось специальное внимание. Опять было зарегистрировано несколько случаев вертикального положения некоторых предметов, тогда как основная масса находок лежала в правильном горизонтальном положении. При фиксации группировки находок на плане не обнаружилось каких-либо смещений или разрывы. Нигде на вскрытой раскопками площади не отмечались неизбежные при сползании смятости и вспучивания отдельных участков слоя и т. п. Немногие кремни, найденные в положении, близком к вертикальному, отклоняются от него в разной степени и в различных направлениях, что вряд ли имело бы место, если бы это явление было обусловлено одной, общей

причиной. Наиболее вероятным и вполне достаточным объяснением этого факта могут быть различные неровности, кочки, рытвины, ямки, несомненно имевшиеся на поверхности, занятой первобытным поселением.

В ходе работ сделаны и другие наблюдения, выявляющие черты бытовой и хозяйственной деятельности первобытного человека.

Уже отмечалось, что найденные орудия были иногда оставлены неиспользованными на месте их изготовления; они не несут следов сработанности и лежат в окружении осколков и чешуек камня той же породы. В других случаях на орудиях заметны следы сильной изношенности. Встречаются такие изделия уже вне окружения отходами — отщепами камня. Уже в камеральных условиях удалось обнаружить несколько разломанных в древности каменных орудий, части которых найдены во время раскопок на разных участках стоянки. В одном случае части орудия находились на расстоянии 16 м одна от другой, в раскопах, разделенных ныне оврагом.

Чрезвычайно интересный факт отмечен при внимательном просмотре материалов. На двух каменных орудиях обнаружена патина трех разных видов, что свидетельствует о одновременной обработке отдельных участков поверхности. Большая часть орудий не отличается по внешнему виду от основной массы находок; местами сохранилась заглаженная поверхность необработанной кремневой конкреции и, наконец, — участки с интенсивной черной патиной, блестящей, как бы лакированной (пустынный загар). Очень интересно, что на одном из орудий эта блестящая черная патина перекрывает плоскость, на которой можно ясно видеть несомненную древнюю обработку — несколько крупных фасеток и вторичную ретушь по краю (рис. 10—4). Мустьерский обитатель стоянки в балке Сухая Мечетка нашел в окрестностях древнее нижнепалеолитическое орудие, принес на стоянку и использовал как сырье для изготовления нужных ему изделий. Это любопытнейшее свидетельство заселения края в более древние времена, нежели период существования мустьерской стоянки (и, видимо, значительно более древние), требует особого внимания и организации специальных поисков.

В 1952 г. на квадрате 33 найдены два фрагмента крупного, тщательно изготовленного остроконечника, лежащих на расстоянии 0,5 м один от другого. Орудие было поломано в древности и обломки его покрылись толстым слоем известкового натека; сложить их вместе удалось лишь после того, как с трудом был удален этот натек (рис. 20 и 21). Остроконечник сделан из яшмовидного кремня темно-розовой окраски, с прожилками табачно-желтого цвета. Того же цвета были и многочисленные мелкие осколки, собранные на этом участке и, несомненно, представляющие отбросы, полученные при изготовлении орудия. Нижняя часть остроконечника отсутствовала. Ее удалось обнаружить (по окраске) позднее, на квадрате 36, в расстоянии 3 м от места находки остальных частей, где осколки оказались совершенно иного цвета. Становится ясной картина изготовления орудия первобытным мастером: это самое большое орудие из числа найденных на стоянке было разбито при завершении работы, причем два обломка упали тут же и остались в окружении осколков, полученных в процессе изготовления, нижний же конец орудия человек в досаде отбросил в сторону.

Несколько наблюдений аналогичного характера удалось сделать и на других участках стоянки. Наиболее обильное скопление кремневых осколков и изделий отмечено на периферии кострищ, вокруг которых, видимо, группировались обитатели во время работы.

Выше уже упоминалось о хорошей сохранности каменных орудий Сталинградской стоянки. Относится это не только к тем орудиям, которые, как, установлено, почти или совсем не использовались, но и к тем на которых можно обнаружить следы длительного, энергичного употребления, неоднократно приострения затупленных или выщербленных рабочих частей.

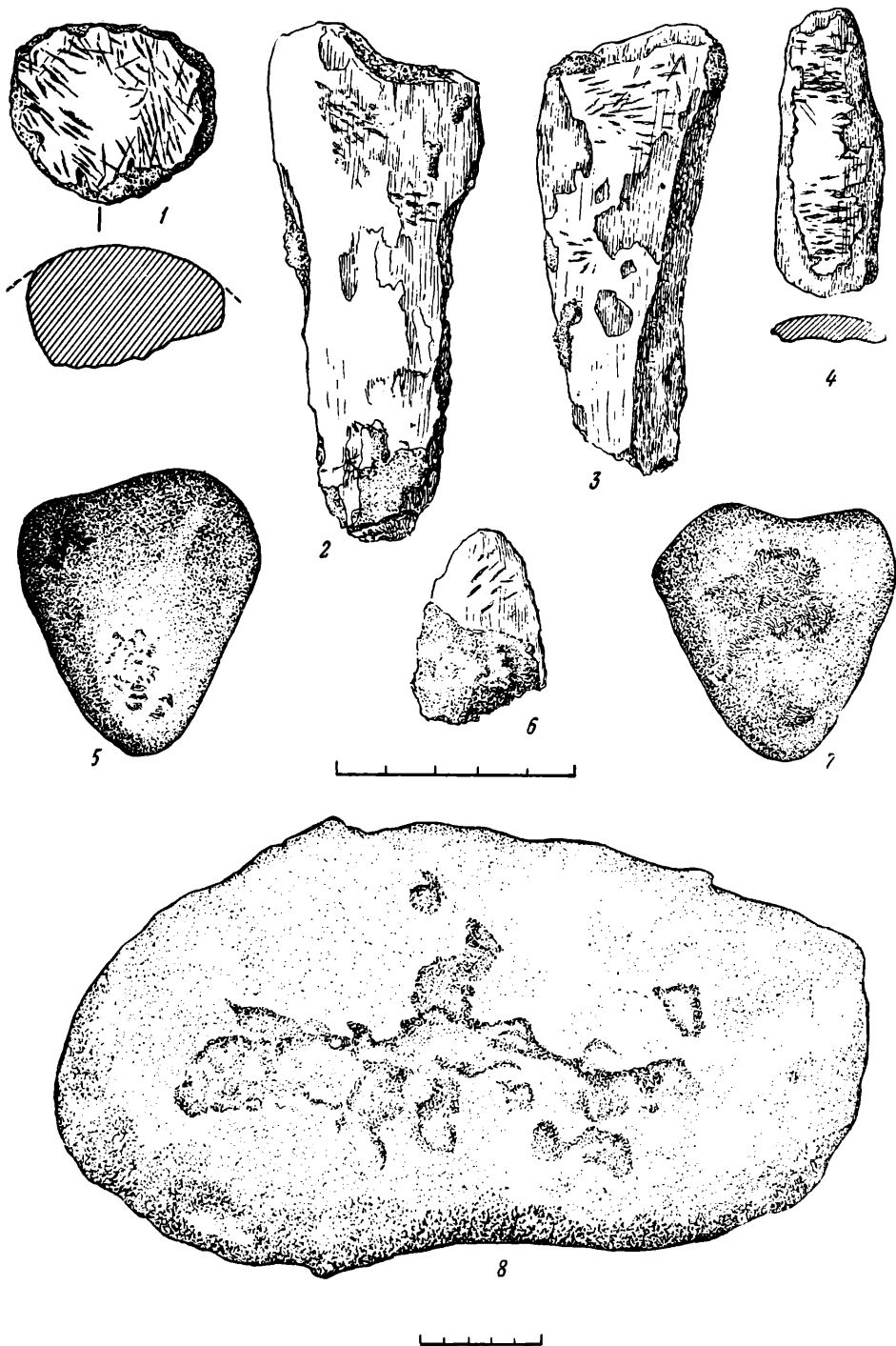

Рис. 5. Сталинградская стоянка. Наковаленки.

1—4, 6 — кости; 5, 7, 8 — камни

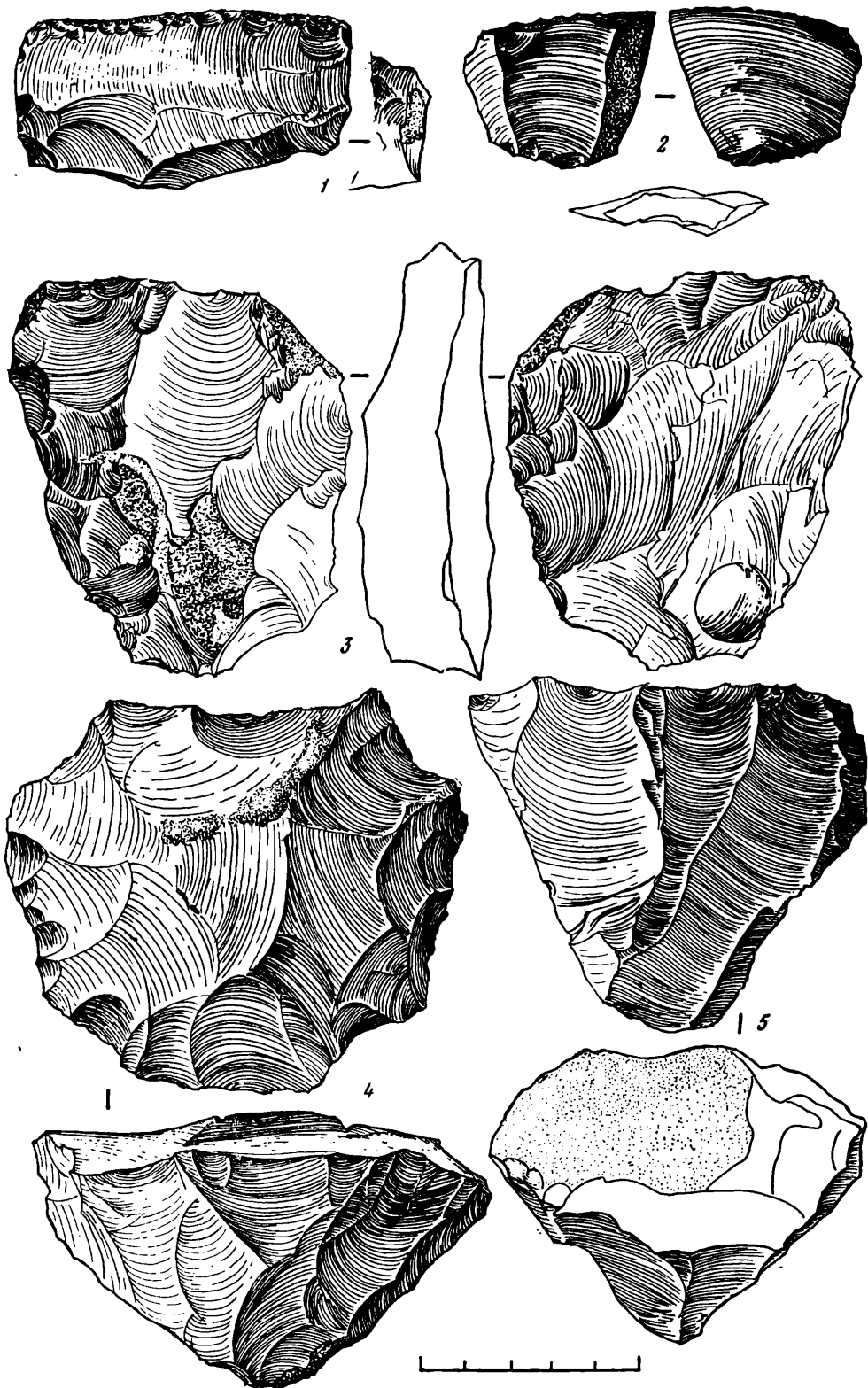

Рис. 6. Сталинградская стоянка. Кремневые орудия.

1 — скребло; 2 — отщеп; 3, 4 — дисковидные нуклеусы; 5 — треугольный нуклеус

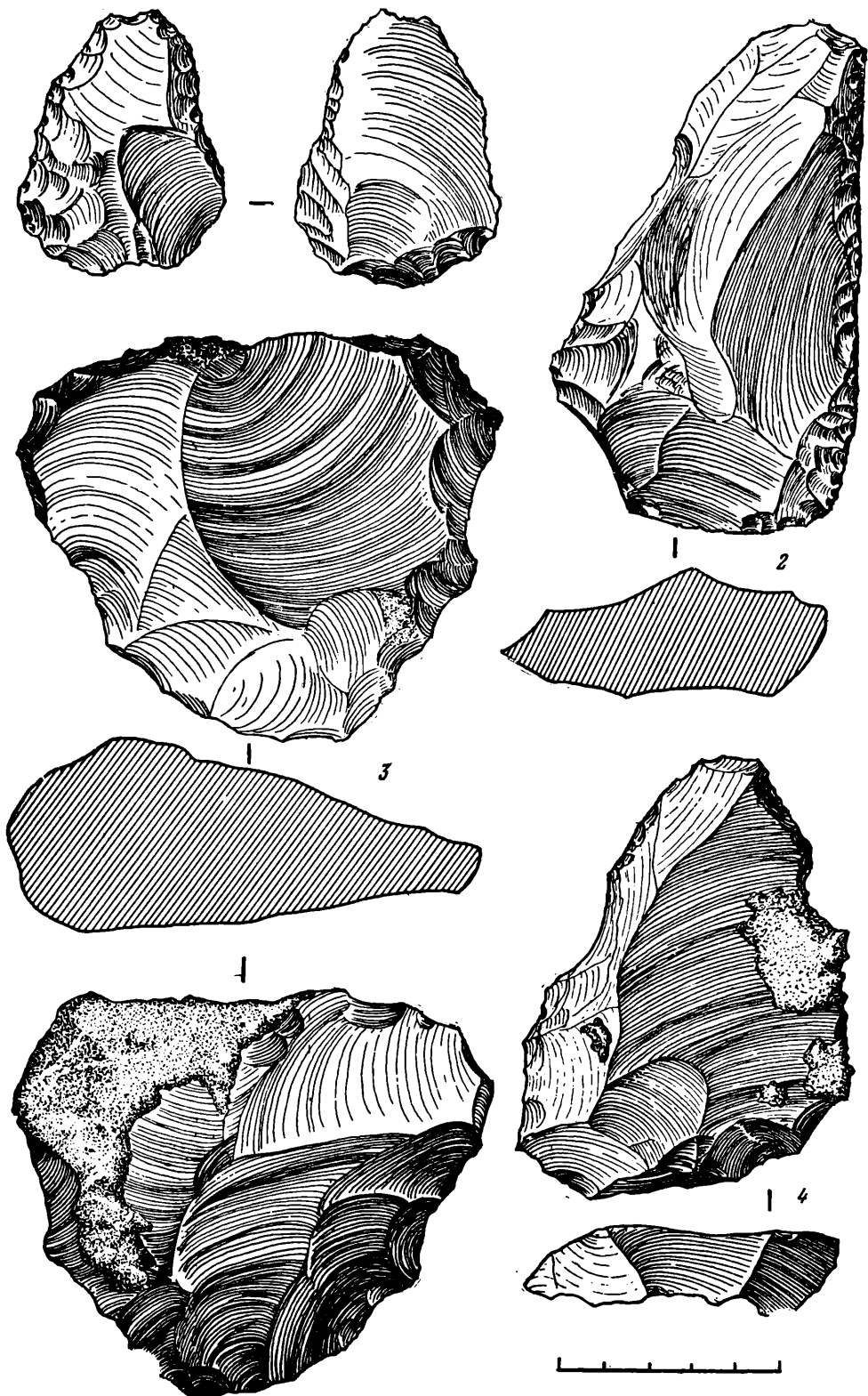

Рис. 7. Сталинградская стоянка. Кремневые орудия.

1, 2 — скребла; 3 — дисковидный нуклеус; 4 — отщеп

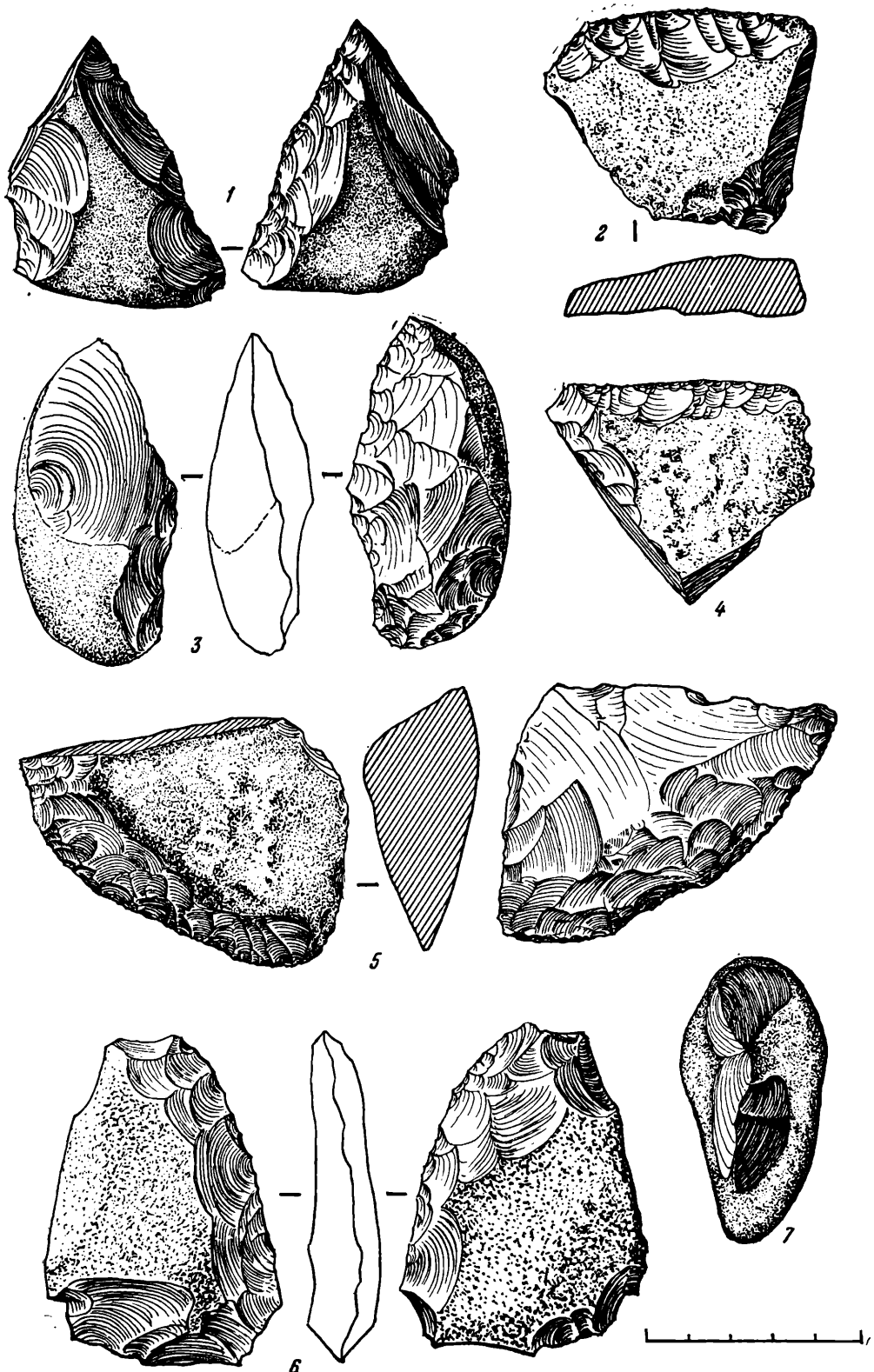

Рис. 8. Сталинградская стоянка. Двусторонне обработанные орудия, изготовленные из галек (1-7)

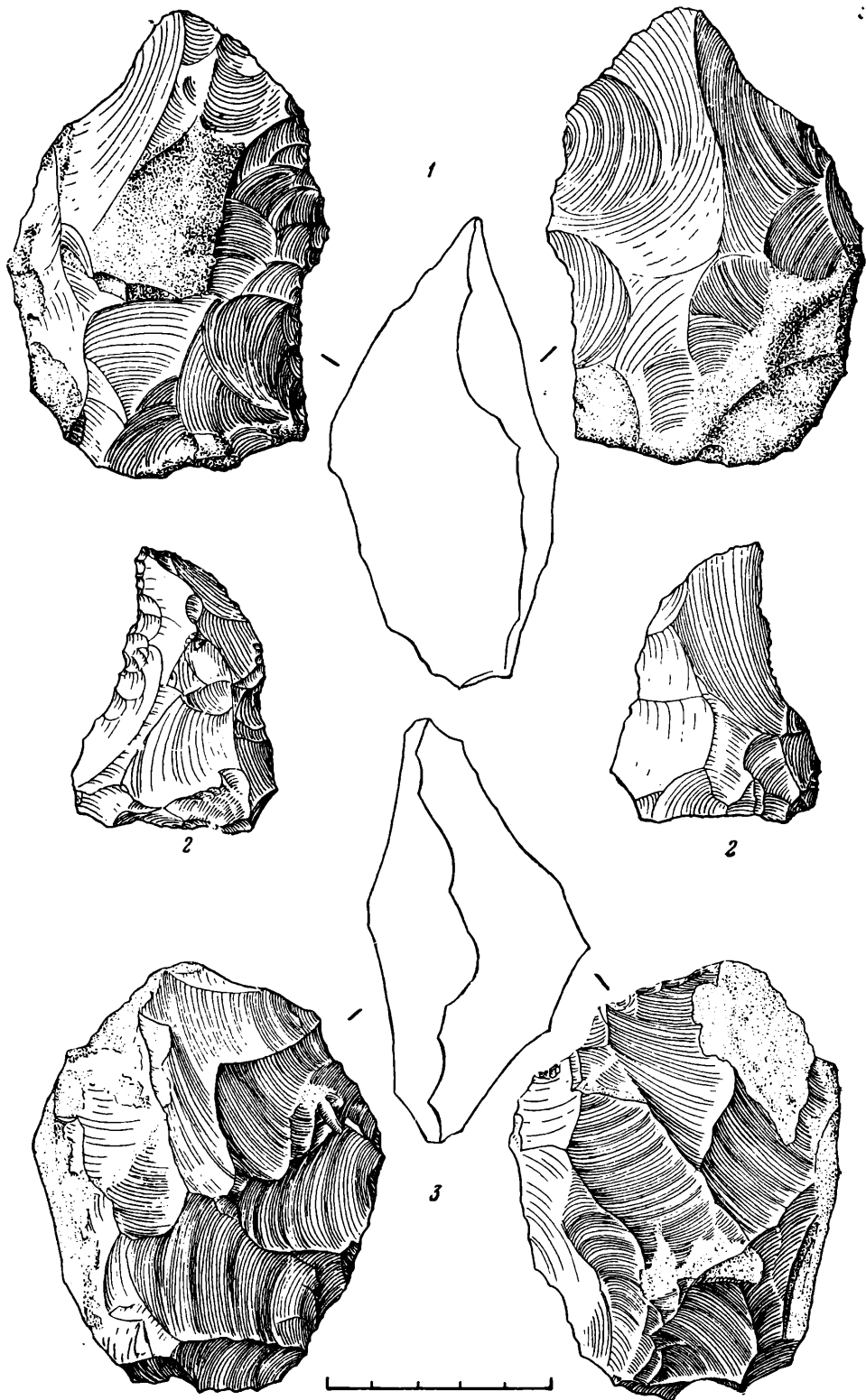

Рис. 9. Сталинградская стоянка. Ручные рубила (1—3)

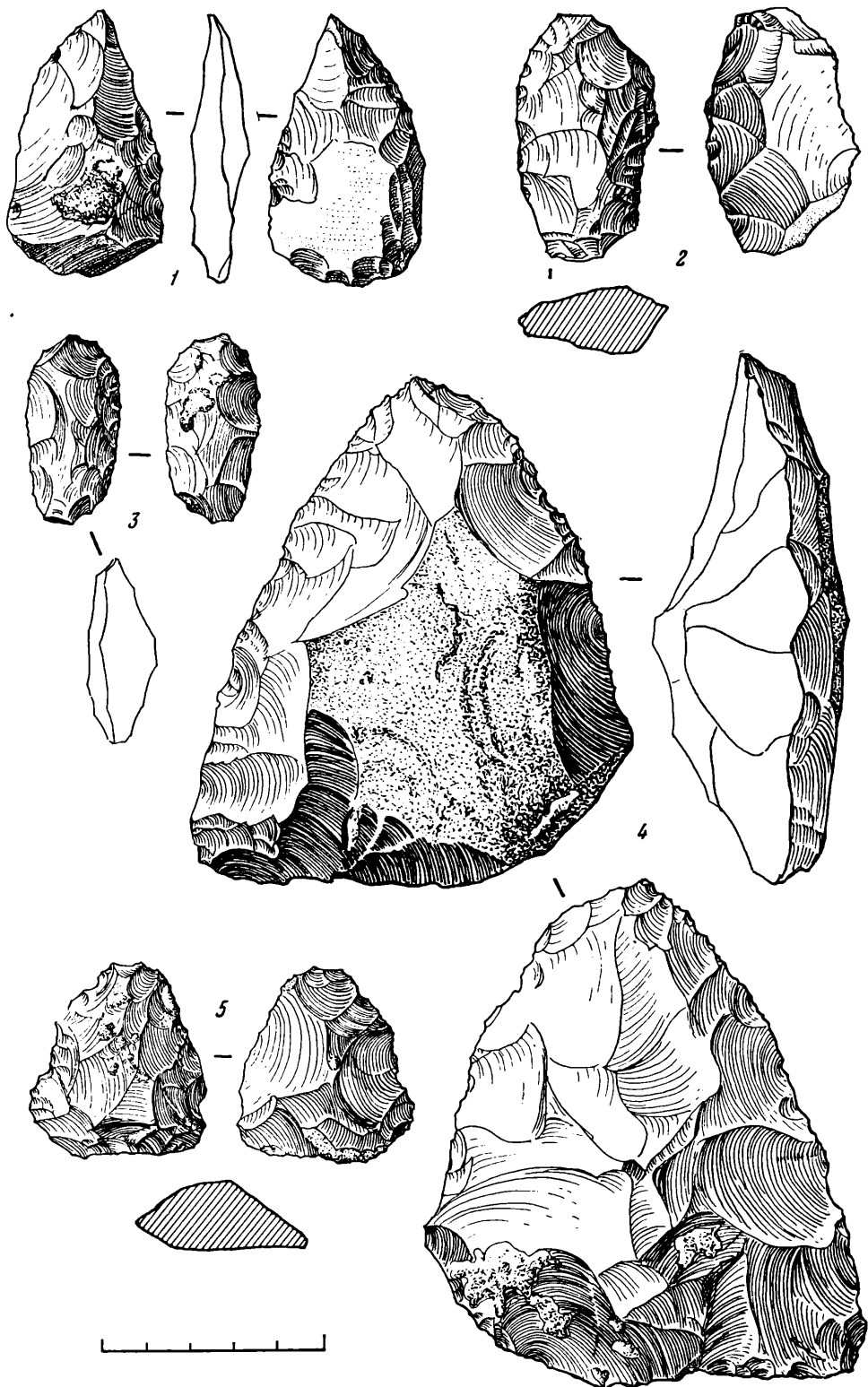

Рис. 10. Сталинградская стоянка. Ручные рубила.

1, 2, 3, 5 — миниатюрные «рубильца»; 4 — треугольное рубило, уплощенное с одной стороны подтеской

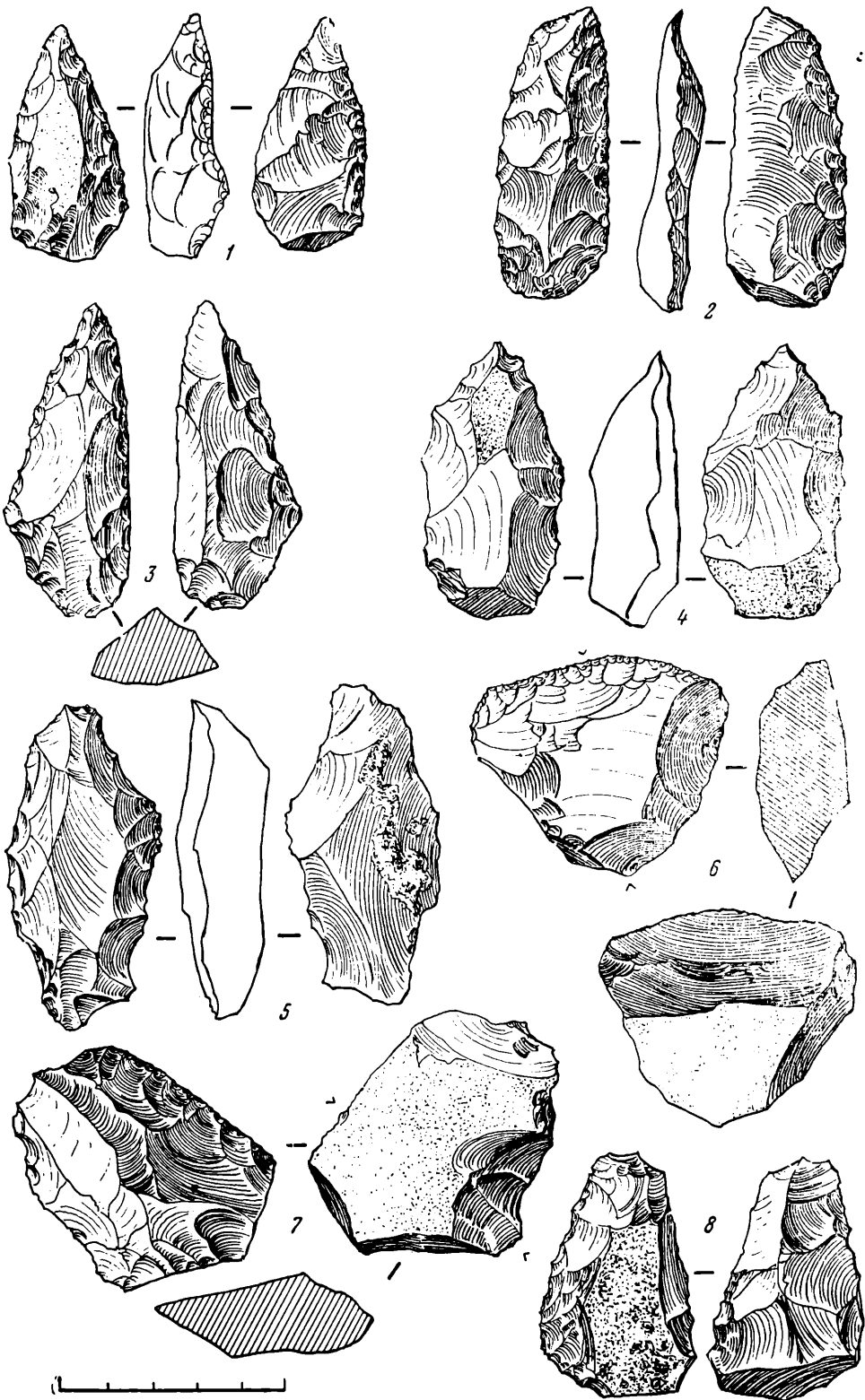

Рис. 11. Сталинградская стоянка. Кремневые орудия.

1, 2, 3 — двусторонне обработанные острокопечники; 4, 5, 8 — миниатюрные «ручные рубильца»; 6, 7 — скребла

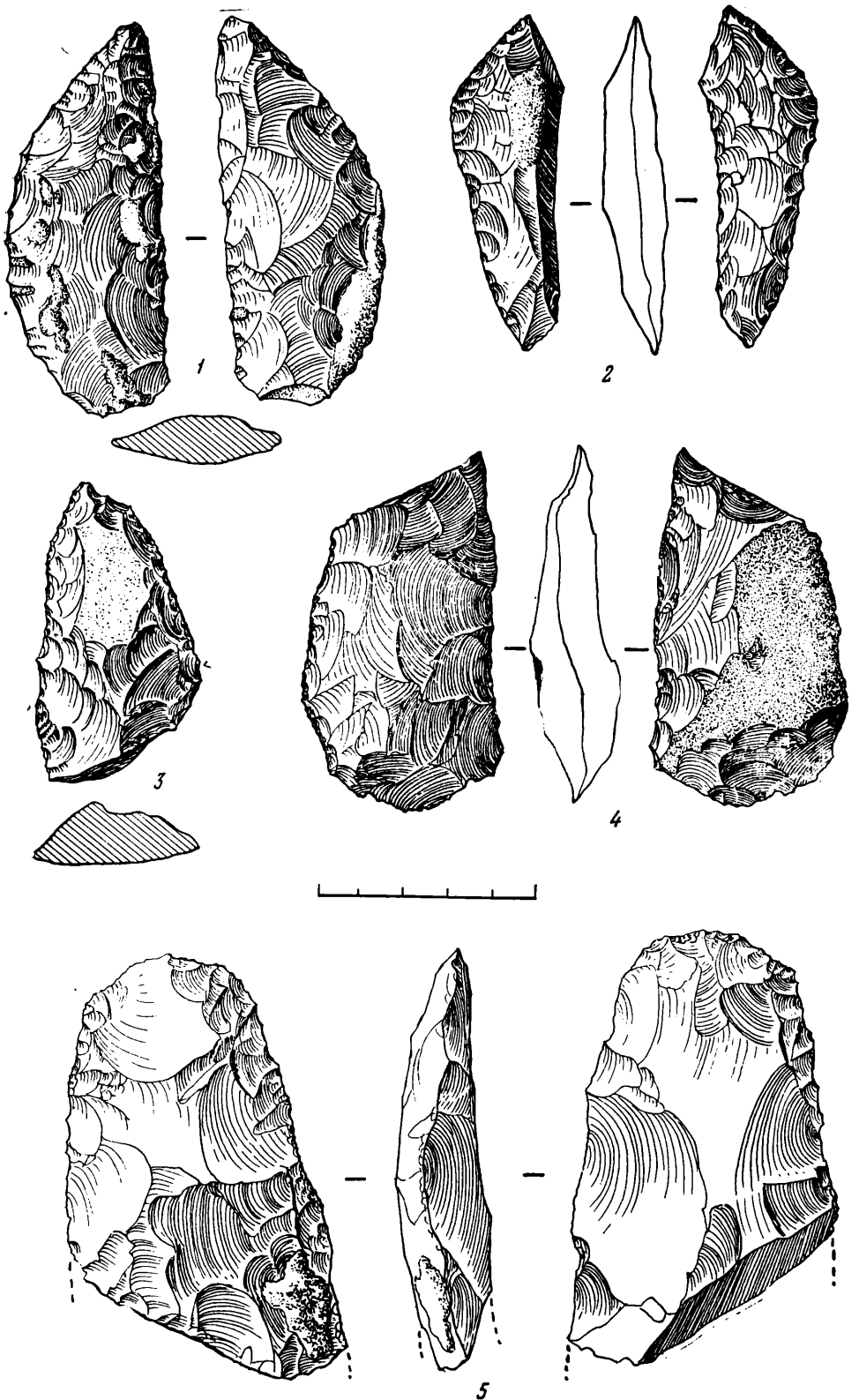

Рис. 12. Сталинградская стоянка. Кремневые орудия.

1—4 — дусторонне обработанные остроконечники с асимметричными краями; 5 — тонкое ланцетовидное ручное рубило

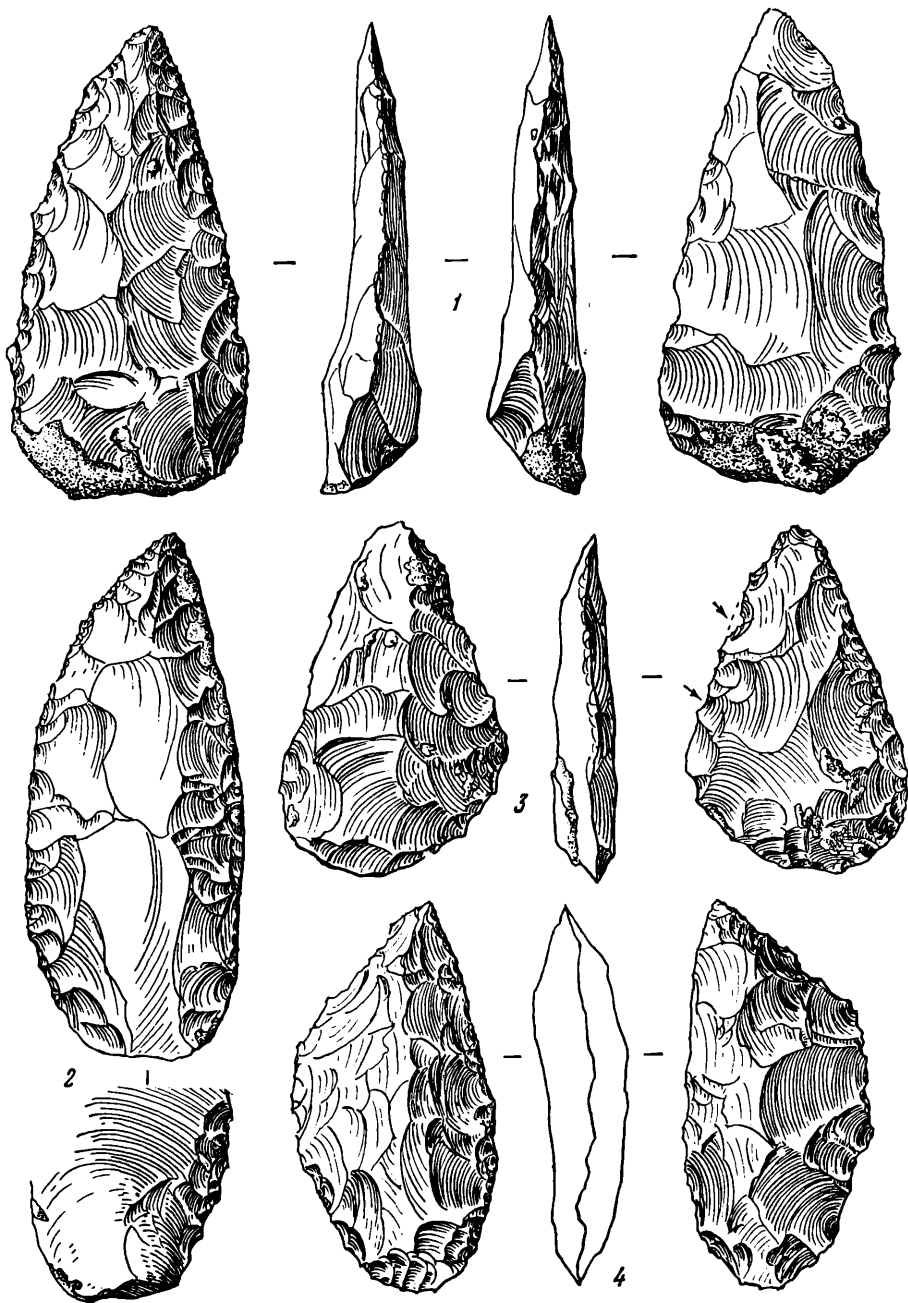

Рис. 13. Сталинградская стоянка. Листовидные двусторонне обработанные остроконечники (1—4)

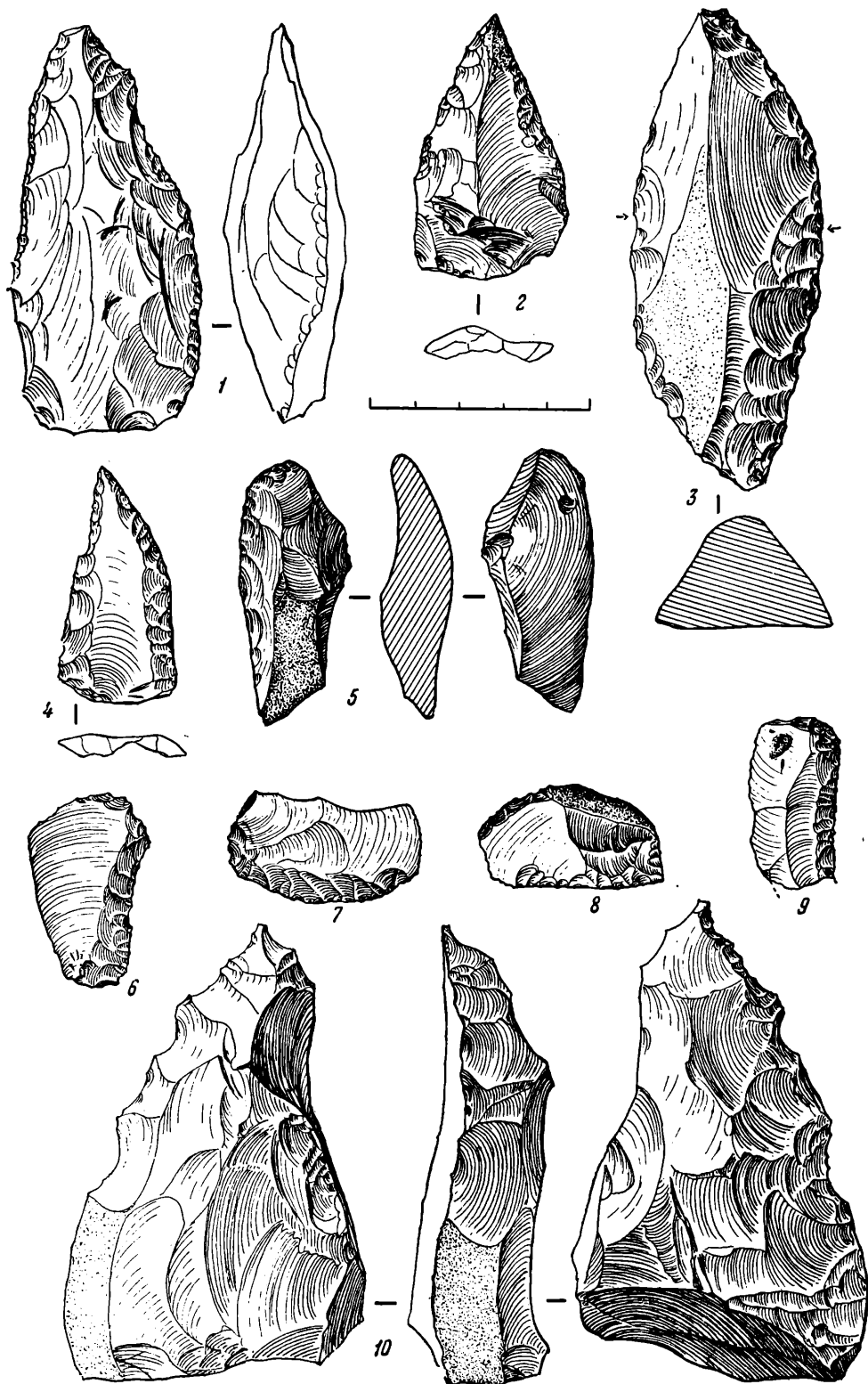

Рис. 14. Сталинградская стоянка Кремневые орудия.

1—4, 10 — остроконечники; 5—9 — скребла

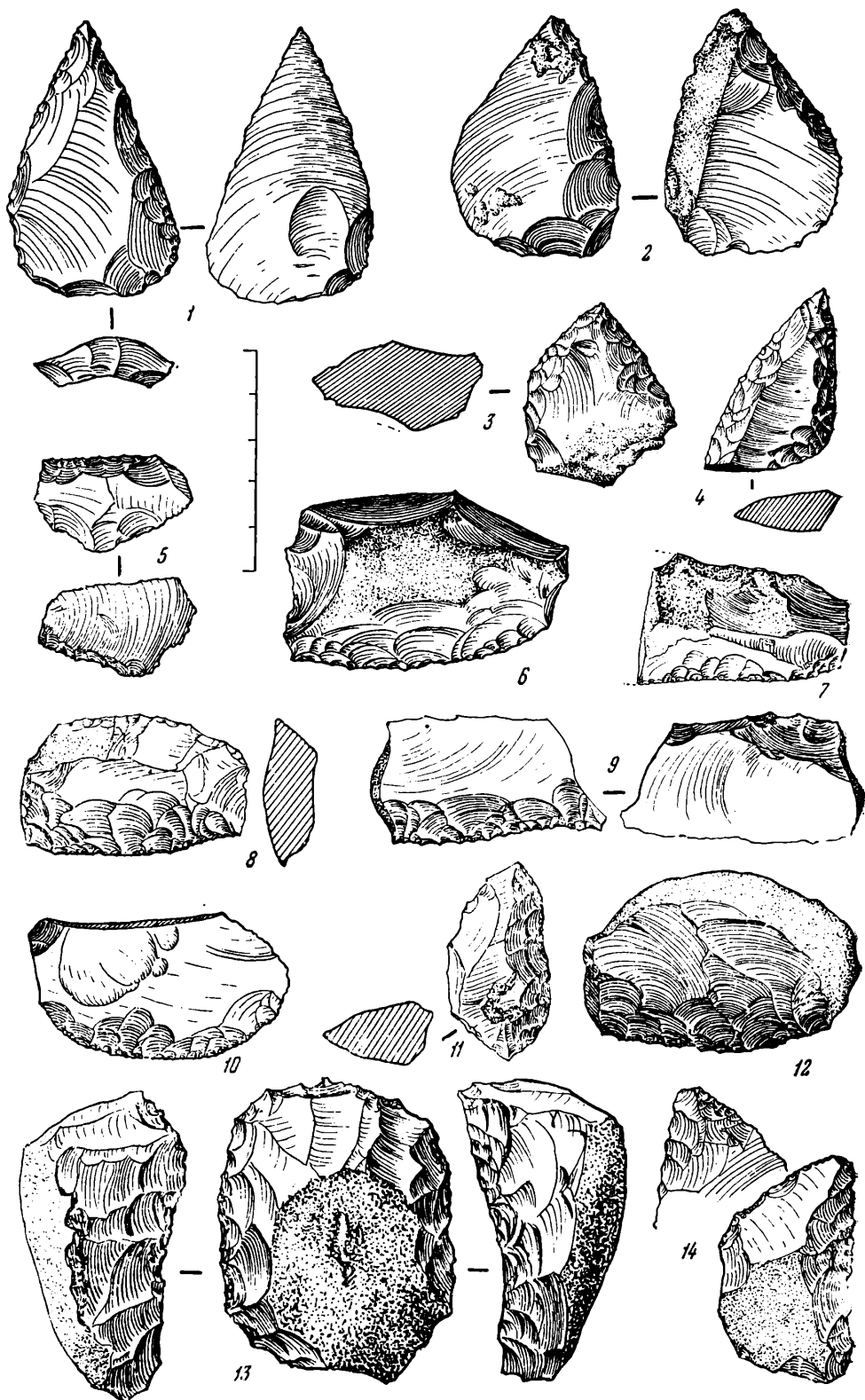

Рис. 15. Сталинградская стоянка. Кремневые орудия.

1—4, 11, 14 — острокопечники (2, 14 — частично подправленные с нижней стороны отщеп); 5—10, 12, 13 — скребло

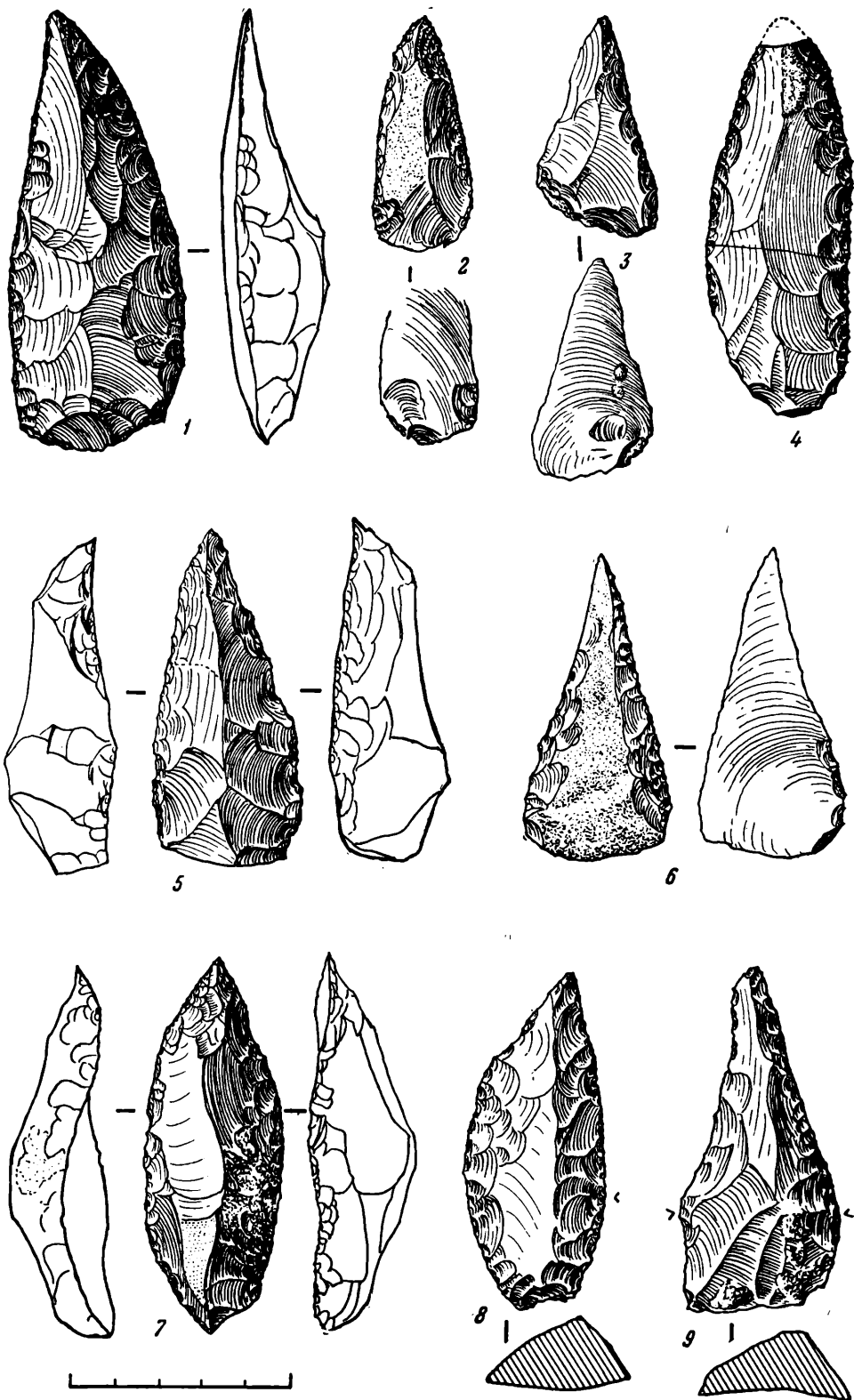

Рис. 16. Сталинградская стоянка. Остроконечники удлинённо-листовидной формы

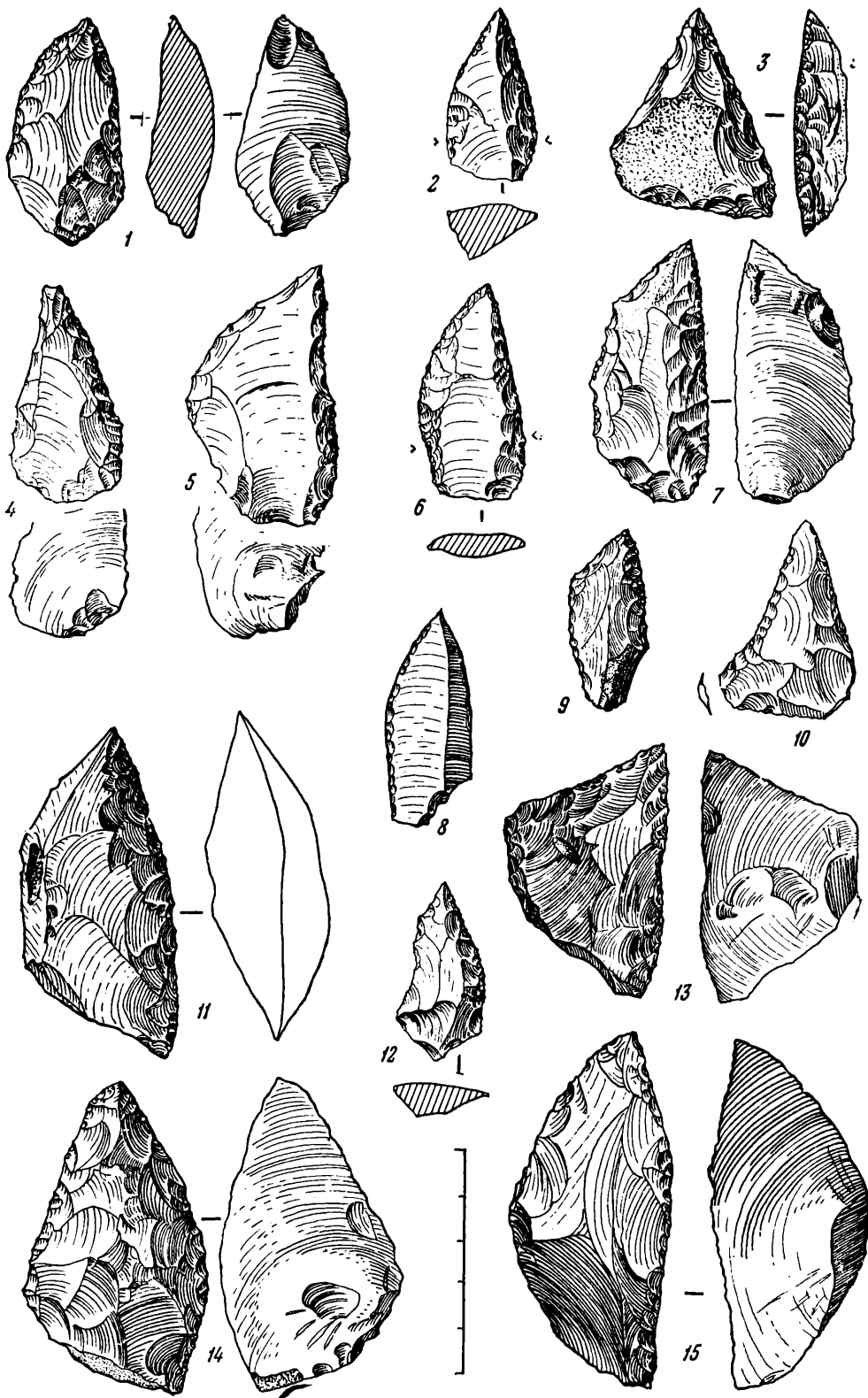

Рис. 17. Сталинградская стоянка. Кремневые орудия.
 1—10, 12, 14 — остроконечники (1 — остроконечник, поджигленный резцовым сколом с нижней стороны отщеп); 11, 13, 15 — двойные острия на углу массивных широких отщепов

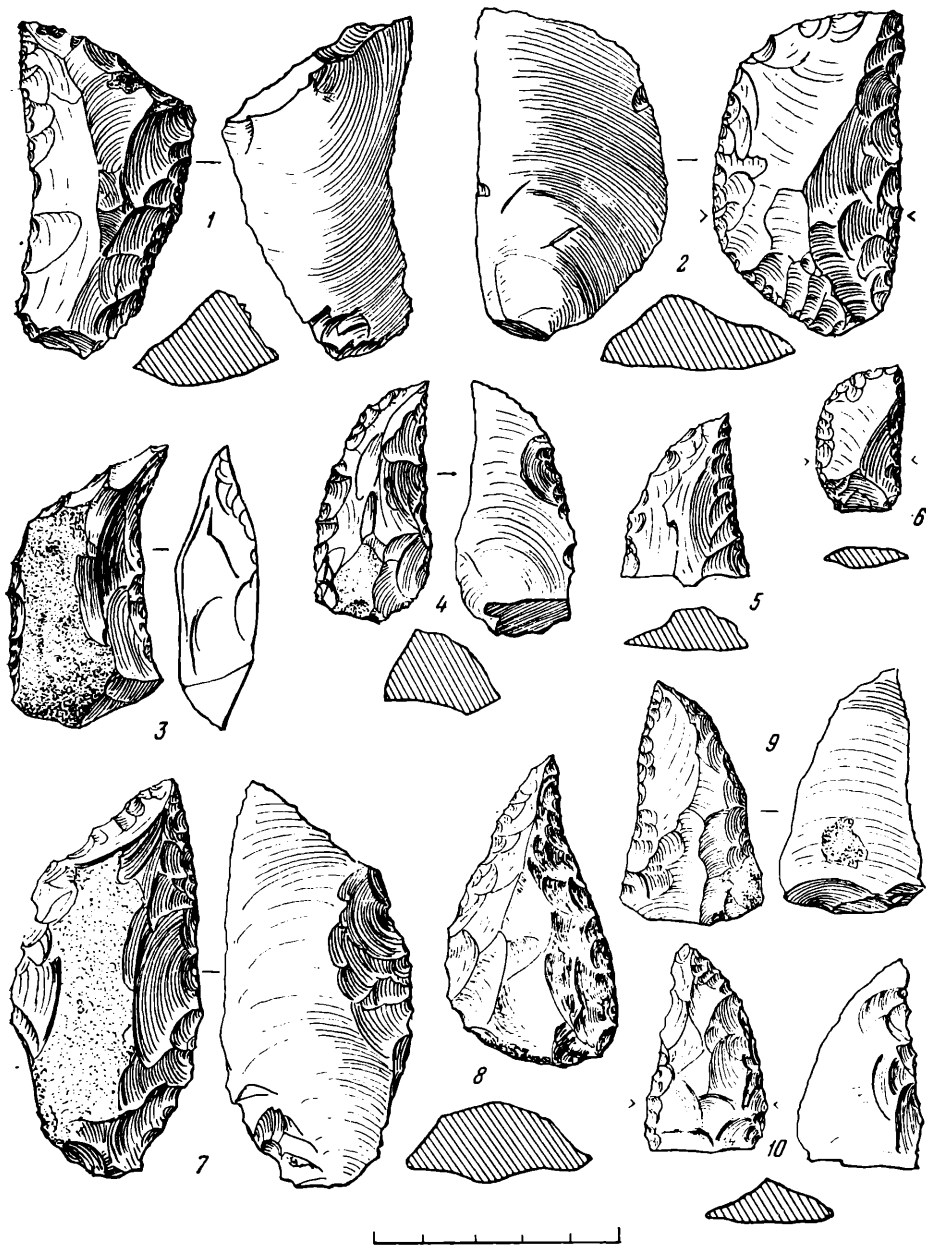

Рис. 18. Сталинградская стоянка. Боковые острия.

1, 7 — острия на углу массивных отщепов; 2—6, 8—10 — острия клювовидной формы

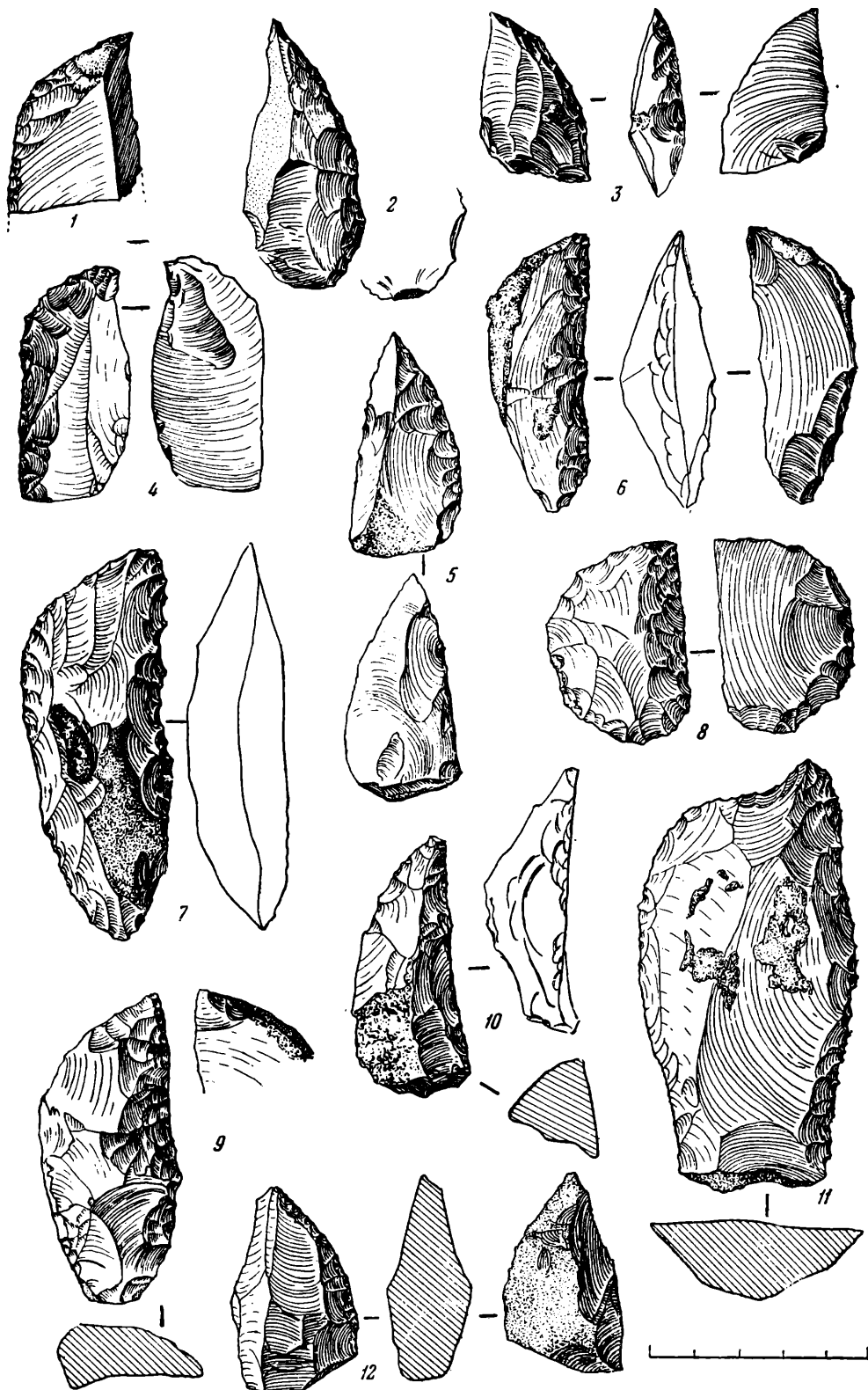

Рис. 19. Сталинградская стоянка. Кремневые орудия.

1—3 — орудия, приближающиеся по характеру к острию типа Шательперрон; 4, 7—9, 11 — боковые острия на углу массивных отщепов; 5, 10 — остроконечники с асимметричными краями; 6 — острие на углу массивного отщепа, подживленное с нижней стороны резцовыми сколами; 12 — массивный резец

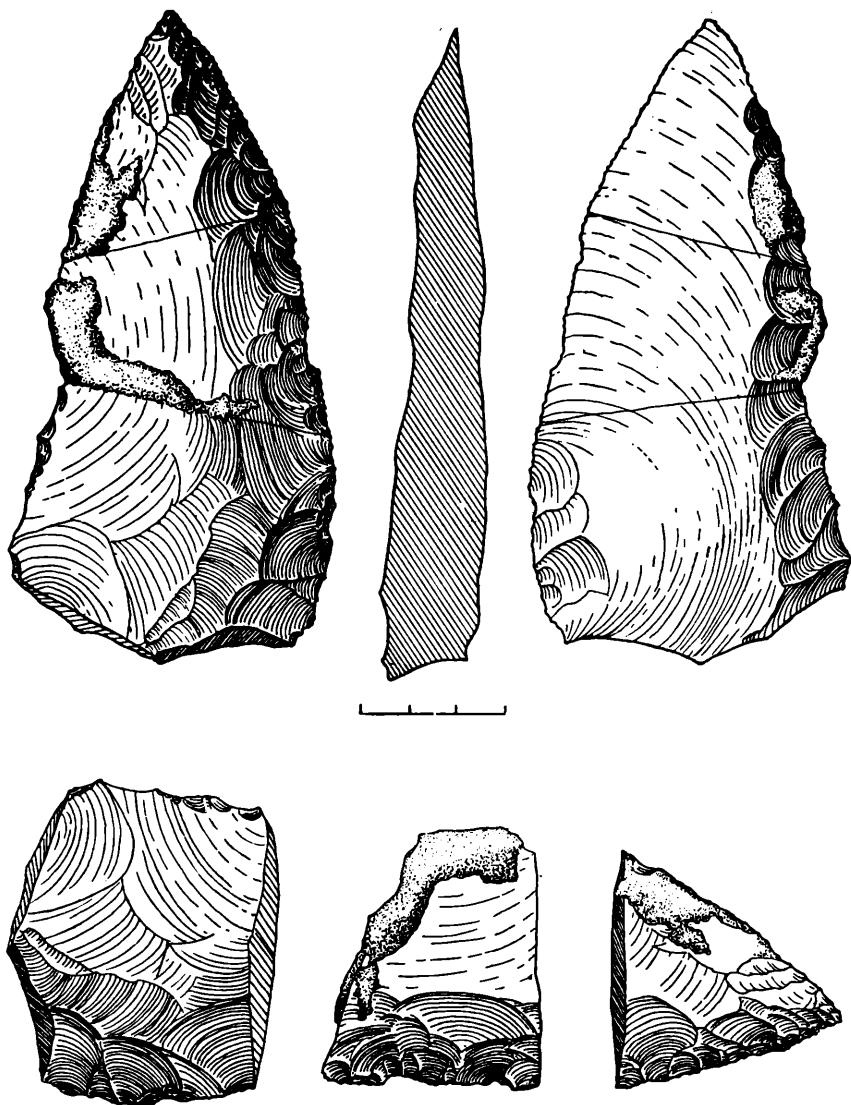

Рис. 20. Сталинградская стоянка. Остроконечник, разбитый на части. Обломки найдены на разных участках стоянки

Как правило, на орудиях мустьерского возраста редко удается установить следы работы — затертость, штриховатость, заглаженность рабочей части. Объясняется это обычно сильной выветренностью, а то и окатанностью, вследствие чего тонкие следы использования, а иной раз и следы вторичной обработки орудий делаются малозаметными.

Хорошая сохранность орудий Сталинградской стоянки объясняется условиями их залегания. Никакого перемещения и тем более окатывания водой содержащееся в слое не претерпело. Как можно заключить по характеру ископаемого почвенного горизонта, древние обитатели Сухой Мечетки жили на берегу водного потока, на невысокой заболоченной террасе. Стоянка была покинута мустьерскими охотниками, видимо, в связи с нередким подтоплением ее частыми разливами — первыми предвестниками

намечавшейся хвалынской трансгрессии Каспийского моря. Это же обеспечило быстрое накопление мощной, многометровой толщи перекрывающих культурный слой горизонтально-слоистых песчано-глинистых отложений ательского яруса и лежащих выше хвалынских морских отложений.

Таким образом, условия залегания культурных остатков сложились весьма благоприятно. Они не претерпевали перемещения и почти не затронуты выветриванием, ибо очень незначительное время находились на дневной поверхности (а частью и сразу были втопаны во влажный грунт стоянки). Вскоре после того как стоянка была брошена человеком, все оставленное было погребено под отложениями, мощность которых непрерывно нарастала, так как не подвергалась в последующем размыву.

Несомненно, дальнейшее изучение материалов, собранных на Сталинградской стоянке, позволит внести большую детализацию в наши представления об этом ценном памятнике. Однако, не предвосхищая результатов дальнейших исследований, можно сейчас, на основе уже проделанных работ, сделать основные выводы о значении памятника.

1. Сталинградская стоянка является памятником мустьерской эпохи, залегающим в непотревоженном состоянии; находка этого рода сделана впервые не только в бассейне Волги, но и вообще на Восточно-Европейской равнине. Единственный аналогичный по характеру памятник — это Ильская стоянка в предгорьях Кавказа; все другие памятники этой эпохи — либо пещерные жилища, либо разрозненные находки в переотложенном состоянии.

2. Полная фиксация на плане расположения культурных остатков на стоянке впервые дает в руки исследователей материал столь раннего времени для сравнительного изучения типа открытого поселения верхнепалеолитической эпохи, весьма полно исследованного советскими учеными.

3. Ясное стратиграфическое положение стоянки в Сухой Мечетке позволяет теперь поставить задачу планомерных поисков поселений мустьерского возраста на Восточно-Европейской равнине, как в бассейне Волги, так и за его пределами.

4. Перечисленные условия, вместе с обильными и выразительными коллекциями, делают Сталинградскую мустьерскую стоянку одним из основных памятников для изучения первобытного прошлого нашей страны.

5. Особо следует подчеркнуть упоминавшееся выше значение Сталинградской стоянки как опорного местонахождения для геологических датировок и сопоставлений.

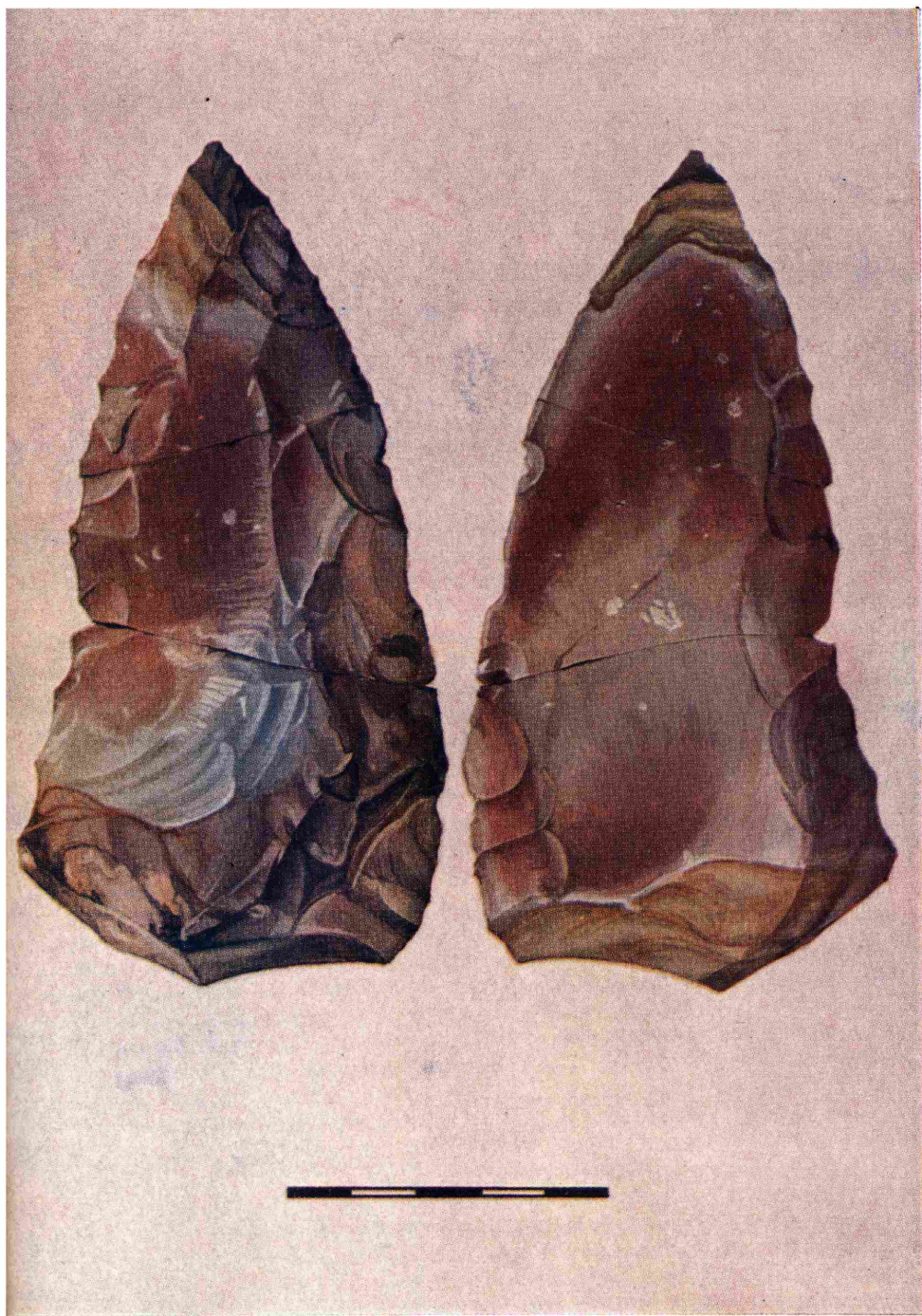

Рис. 21. Остроконечник, разбитый на части

А. А. ЧИГУРЯЕВА и Н. Я. ХВАЛИНА

О ХАРАКТЕРЕ РАСТИТЕЛЬНОСТИ
В РАЙОНЕ СТАЛИНГРАДА
В ЭПОХУ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Летом 1954 г. на месте раскопок Сталинградской палеолитической стоянки нами были взяты образцы пород с различных глубин для изучения спор и пыльцы. Разрез обнажения и краткое описание пород даны на основании сообщения геолога Ю. И. Панова.

Стратиграфическое положение стоянки устанавливается с большой точностью, если принять во внимание, как указывает М. Н. Грищенко, что «погребенная почва приурочена к нижней части ательских суглинков, перекрытых морскими осадками хвалынской трансгрессии Каспия, подстилаемых отложениями хозарской трансгрессии»¹. Ательские суглинки Нижней Волги М. Н. Грищенко датирует рисской ледниковой эпохой.

Для хозарских и хвалынских отложений Северного Прикаспия нами (А. А. Чигуряева, К. В. Воронина, Е. А. Скиданова) установлены четыре горизонта, различающиеся по составу и главным образом по количественному соотношению обнаруженных в них микроспор, и выделены 12 споропыльцевых комплексов (см. рис. 23).

Сопоставление приведенных находок пыльцы (рис. 22) с результатами спорово-пыльцевого анализа (около 800 образцов) из хвалынских и хозарских отложений Северного Прикаспия позволяет сделать некоторое заключение о возрасте исследованных отложений и о характере растительности близ Сталинграда в эпоху среднего палеолита.

В исследованных отложениях у места стоянки на основании пыльцы устанавливается два горизонта: первый, в интервале 0—1,92 м, включающий слои I и II, относится нами к хвалынскому ярусу и, по всей вероятности, к нижнему его горизонту. Второй, в интервале 1,92—1,97 м, включающий слои III—IV, — к хозарскому ярусу, верхнему горизонту его (рис. 23).

В отложениях хозарского яруса на месте стоянки обнаружена пыльца: древесных растений и кустарничков (микрофотографии большинства микроспор приведены на рис. 24) — ели, сосны, эфедры, липы, волчегодника; травянистых растений — злаков, гречишных, маревых, гвоздичных, кермека, скабиозы, полыни, других сложноцветных, ряда неизвестных растений. Условия для сохранения пыльцы явно были неблагоприятными, находки ее скудны и, безусловно, не исчерпывают всего многообразия произраставших в то время растений.

¹ М. Н. Грищенко. Краткое сообщение о геологических условиях новой палеолитической стоянки в районе Сталинграда. — Бюллетень КИЧП, № 18, 1953.

Индекс	Разрез обнажения	Мощность в м	№ слоя	Литологический состав	Глубина в м	Передвижки																	
						<i>Pinus sp.</i>	<i>Picea</i>	<i>Ephedra</i>	<i>Gramineae</i>	<i>Polygonaceae</i>	<i>Cyperoidaceae</i>	<i>Caryophyllaceae</i>	<i>Tilia</i>	<i>Daphne</i>	<i>Ericaceae</i>	<i>Statice</i>	<i>Scabiosa</i>	<i>Artemisia</i>	<i>Compositae</i>	Неизвестные	Грибы	Мезофиты	Травянистые
Q _{IV}		0,60	I	Деллювий, превращенный в супесчаную почву	0-0,15 0,15-0,28 0,28-0,43 0,43-0,53 0,53-0,68	8	-	51	-	11	12	-	1	-	97	5	++	-	-	-	-	-	+
Q _{III} ^{hu}		1,32	II	Хвалыинские пески с прослойками глины	0,68-1,08 1,08-1,28 1,28-1,52 1,52-1,92	-	-	-	3	-	-	-	-	-	5	-	+	-	-	-	-	-	-
Q _{III} ^{hu}		16,78	III	Серовато-коричневые макропористые суглинки	1,92-2,10 2,10-2,27 2,27-2,70 2,70-3,20 3,20-3,70 3,70-4,20 4,20-4,70 4,70-5,20 5,20-5,70 5,70-6,20 6,20-6,70 6,70-7,20 7,20-7,70 7,70-8,20 8,20-8,70 8,70-9,20 9,20-9,70 9,70-10,20 11,00-11,50 11,50-12,00 12,00-12,50 12,50-13,00 13,00-13,50	-	-	-	4	-	-	-	-	12	1	++	-	-	-	-	-	-	+
Q _{IV} ^z		0,70	IV	1-я погребен. почва	13,50-14,00	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+++
Q _{II} ^z		1,16	V	Серовато-коричневые суглинки	14,00-14,50 14,50-15,00 19,00-19,50 20,00-20,50	-	-	-	5	-	-	-	-	-	2	-	+	-	-	-	-	-	+
"		0,53	VI	2-я погребенная почва	20,56-21,09	49	2	3	69	1	-	-	-	-	3	-	-	10	3	-	-	-	+
"		0,80	VII	Суглинки	21,09-21,34 21,34-21,84	5	-	-	28	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
"		0,12	VIII	3-я погребен. почва	21,89-21,97	2	-	-	4	-	-	-	-	-	2	1	-	-	-	-	-	-	-
"		3,06	IX	Суглинки																			
"		4,74	X	Пески в основании с галечниками																			

Рис. 22. Результаты спорово-пыльцевого анализа отложений со Сталинградской палеолитической стоянки.

Индекс	Разрез обнажения	Мощность в м	Горизонт	Микроспоры Краткое описание пород	Pinus	Picea	Ephedra	Gramineae	Polypodiaceae	Sclerophyllaceae	Sagittariaceae	Tilia	Daphne	Ericaceae	Statice	Scabiosa	Artemisia	Compositae	Неизвестные	Переотложенные		Расчищенные по спорово-пыльцевому анализу
																				мезозой и карбон	Tsuga	
Q _{IV}		0,60	I	Деллювий, превращенный в супесчан. почву	8	-	52	-	1	45	12	-	-	1	-	-	105	-	2	-	-	-
Q _{III} ^{h₁}		1,32	II	Хвалыинские пески с прослойками глины	2	-	2	10	-	32	-	-	-	-	-	2	39	2	2	-	-	Q _{III} ^{h₁}
Q _{III} ^{h₂}		16,78	III	Серовато-коричневые макропористые суглинки	20	8	10	6	2	325	-	1	1	-	1	20	50	2	2	4	-	Q _{III} ^{h₂}
Q _{II} ^{h₂}		0,70	IV	1-я погребенная почва	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
"		1,16	V	Серовато-коричневые суглинки	-	-	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
"		0,53	VI	2-я погребенная почва	49	2	-	3	-	28	-	1	-	-	-	-	3	-	-	7	1	-
"		0,80	VII	Суглинки	7	-	-	-	70	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
"		0,12	VIII	3-я погребенная почва	2	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	2	1	-	-	-	-
		3,06	IX	Суглинки																		
		4,74	X	Пески в основании с галечником																		

Рис. 23. Результаты спорово-пыльцевого анализа отложений со Сталинградской палеолитической стоянки

Сравнительно большое количество пыльцы травянистых, таких, как полынь и маревые, указывает на то, что безлесные участки со степной и полупустынной растительностью имели большое значение в образовании растительных сообществ. Это были в основном полынно-маревые и марево-полынные группировки с постоянными спутниками — кермеком и эфедрой. Леса, по всей вероятности хвойные, занимали меньшие пространства, распространяясь главным образом по склонам балок и речным долинам. Липа, возможно, входила в состав подлеска хвойных лесов.

Находки микроскопических остатков древесины с округлыми окаймленными порами в образцах с мест кострищ указывают на то, что человек использовал для островов древесину хвойных.

Следует отметить, что в хозарское (верхнее) время соотношение облесенных (а среди них — хвойных и лиственных лесов) и безлесных площадей изменялось несколько раз (2—3), что было связано с трансгрессивно-регрессивными движениями Хозарского моря. На это указывает также наличие в спорово-пыльцевых комплексах переотложенных микроспор. Люди среднего палеолита обитали у Сталинграда во время одной из безлесных фаз хозарского времени. Находки игл губок в образцах свидетельствуют о наличии водоемов, вблизи которых, очевидно, селился первобытный человек.

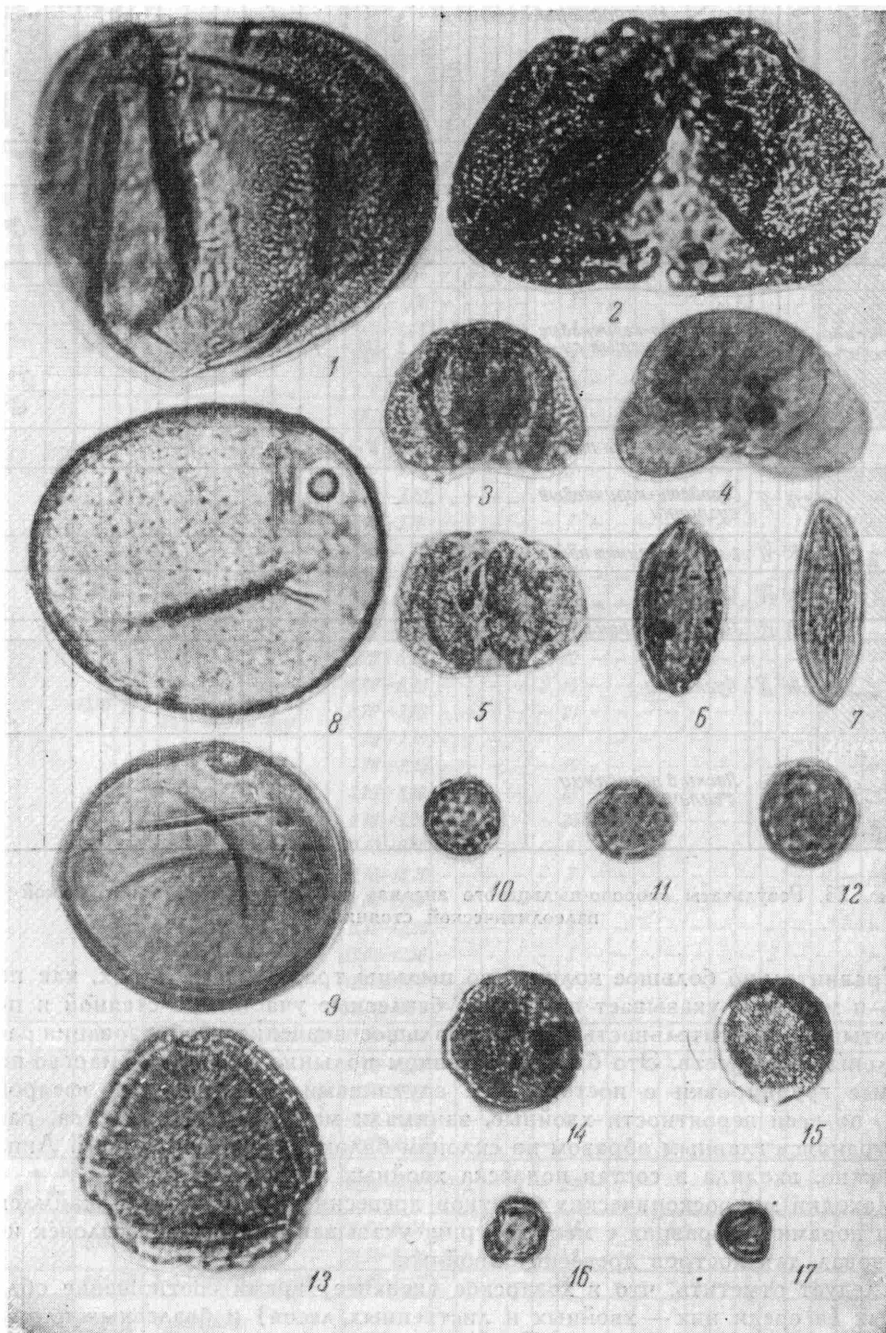

Рис. 24. Микрофотографии микроспор.

Горизонт	Название и состав комплексов ¹	Возраст
Первый	Марево-полынный и полынно-маревый с содержанием пыльцы только травянистых растений, в основном Chenopodiaceae, <i>Artemisia</i>	Верхний горизонт хвалынского яруса
Второй	Полынно-маревый и марево-полынный с сосной. Кроме пыльцы травянистых растений — Chenopodiaceae, <i>Artemisia</i> , содержится пыльца <i>Pinus silvestris</i> , других древесных пород (<i>Betula</i> , <i>Corylus</i> , <i>Alnus</i>), в небольшом количестве (не всегда) — микроспоры папоротников	Нижний горизонт хвалынского яруса
Третий	Марево-полынный с наличием сосны, полынно-маревый, сосново-марево-полынный, сосново-елово-маревый, сосново-елово-папоротниковый с лиственными породами. Содержится пыльца хвойных (<i>Picea</i> , <i>Pinus silvestris</i> , <i>Abies</i>), лиственных (<i>Betula</i> , <i>Corylus</i> , <i>Alnus</i> , <i>Ulmus</i>), травянистых растений (Chenopodiaceae, <i>Artemisia</i> и др.), микроспоры папоротников (Polypodiaceae, <i>Salvinia</i>) и переотложенные микроспоры (мезозой и карбон)	Верхний горизонт хозарского яруса
Четвертый	Сосново-елово-лиственный. Содержит значительное количество пыльцы древесных пород (<i>Picea</i> , <i>Pinus</i> — несколько видов, <i>Betula</i> , <i>Corylus</i> , <i>Ulmus</i> , <i>Alnus</i> , <i>Quercus</i>), небольшое количество травянистых растений (Chenopodiaceae, <i>Artemisia</i> и др.) и микроспор папоротникообразных (Polypodiaceae, <i>Salvinia</i> , <i>Lycopodium</i>)	В интервале: нижний горизонт хозарского яруса — верхний бакинского

¹ В основу выделения комплексов брали или абсолютное преобладание тех или иных форм, или наличие их в таком количестве, которое позволяет выделить специфические черты данного комплекса. Состав комплексов приводится кратко.

Открытый ландшафт с преобладанием травянистой растительности вполне соответствует животному миру, известному для того времени. Все находки со стоянок палеолита рисуют богатый мир крупных травоядных животных (мамонты, носороги и др.), которые были предметом охоты человека мустьерской эпохи.

В отложениях хвалынского яруса (слои I и II) стоянки у Сталинграда обнаружена пыльца: древесных растений и кустарничков — сосны, эфедры, вересковых; травянистых растений — злаков, гречишных, маревых, гвоздичных, скабиозы, полыни, других сложноцветных. По сравнению с комплексом пыльцы хозарского яруса здесь отсутствуют пыльца ели, липы и переотложенные споры, относящиеся к мезозою и карбону.

Преобладание в составе спорово-пыльцевых комплексов хвалынских отложений (слои I и II, рис. 22) пыльцы полыни, маревых, эфедры указывает на доминирование безлесных участков и в хвалынское время, а исчезновение ели — на более сухой и, возможно, более теплый климат по сравнению с климатом верхнехозарского и в особенности нижнехозарского времени, когда в составе растительности преобладали елово-сосновые леса, и климат, по-видимому, был прохладным и влажным.

Объяснения к таблице (рис. 24)

1. *Picea*. Общая длина 95,04; т. 12,32 × 88,00; м. 44,00 × 86,24; 2. *Picea*. Общая длина 102,08; т. 70,40; м(1) 44,00 × 65,12; м(2) 45,76 × 86,12; 3. *Pinus* subgen *Diploxyton*. Общая длина 45,76; м(1) 21,12 × 33,44; м(2) 17,60 × 33,44. 4. *Pinus* subgen *Diploxyton*. Общая длина 61,60; т. 35,20 × 45,76; м(1) 22,88 × 26,40; м(2) 22,88 × 28,16. 5. *Pinus* subgen *Diploxyton*. Общая длина 45,76; т. 28,16 × 31,68; м(1) 19,36 × 31,68; м(2) 24,64 × 31,68. 6. *Ephedra*. 21,22 × 44,00 7. *Ephedra*. 12,32 × 49,28 8. Gramineae. 75,68 × 84,48 9. Gramineae 63,36 × 68,64 10. Chenopodiaceae. 17,60; 11. Chenopodiaceae. 17,60; 12. Chenopodiaceae. 24,64; 13. *Scabiosa* 56,32; 14. Caryophyllaceae. 33,44; 15. *Daphne*. 29,92; 16. *Artemisia*. 15,84 17. *Artemisia*. 17,60.

Все фигуры увел. 600, размеры даны в микронах.

Принятые сокращения: т — тело; м — мешок; м(1) — мешок первый; м(2) — мешок второй.

В. И. ГРОМОВ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ
СТАЛИНГРАДСКОЙ СТОЯНКИ

Открытие мустьерской стоянки близ Сталинграда, в балке Сухая Мечетка, — выдающееся событие в истории археологических исследований¹.

Очень важной научной особенностью Сталинградской (мустьерской) стоянки является ясность ее геологических условий и залегание культурного слоя *in situ*. Это обстоятельство, естественно, привлекло к ней внимание многих геологов, осмотревших ее и во время раскопок и позднее. Несмотря на наличие крупных разногласий в понимании некоторых очень важных событий в истории антропогена, расхождения в оценке геологического возраста Сталинградской стоянки оказались очень незначительными.

Геологический разрез на месте стоянки в схеме представляется в следующем виде:

	Мощность в м
1. Хвалыинские пески и глины (морские с <i>Didacna</i> и <i>Dreissensia</i>)	4—5
2. Ательские суглинки с двумя горизонтами погребенных почв	15
3. Хозарские пески, увенчанные погребенной почвой, на которой находится культурный мустьерский слой	6
4. Коренные породы — царицынские пески и песчаники.	

В этом разногласий нет. Нет разногласий и в том, что стоянка древнее самой ранней хвалыинской трансгрессии, сколько бы ни насчитывал таких трансгрессий тот или другой исследователь. Нет разногласий и в том, что стоянка расположена на погребенной почве пойменного типа. Нет разногласий и в правильности сопоставления хозарских песков, подстилающих культурный слой, с так называемыми черноярскими песками, содержащими хозарский фаунистический комплекс с *Elephas trogontherii* и другими ископаемыми.

Расхождения имеются лишь в том, что одни исследователи относят погребенную почву со стоянкой к низам ателя (М. Н. Грищенко, А. И. Москвитин), другие — к верхам хозарских отложений (В. И. Громов, П. В. Федоров, Н. К. Верещагин и А. Д. Колбутов, Ю. М. Васильев). Но расхождения не отражаются на определении геологического возраста.

¹ Интересна история открытия этого памятника. Старший геолог Гидропроекта аспирант А. И. Коптев, проводя в 1951 г. геологические исследования в районе Сталинградской ГЭС, в одном из овражков, прорезавших правый склон балки Сухая Мечетка около 2 км выше ее впадения в Волгу, нашел обработанный кремьень — острокопечник. Правильно оценив значение находки для установления стратиграфии, он показал орудие М. Н. Грищенко. В результате зачисток ими был обнаружен культурный слой.

**Взгляды различных исследователей на геологический возраст
Сталинградской (мустьерской) стоянки**

Исследователи	Геологические условия залегания стоянки	Геологический возраст стоянки
М. Н. Грищенко	Культурный слой связан с погребенной почвой, приуроченной к низам ательских суглинков *1	Ательские суглинки, содержащие культурный слой, автор относит к „межстадиальным отложениям рисской ледниковой эпохи“*2, т. е. к одинцовскому интерстадиалу (В. Г.)
В. И. Громов	„Культурный слой залегает в верхней части хозарских отложений, на погребенной почве хозарской реки, под ательскими суглинками“ *3	Максимальное оледенение. Вероятно, одинцовский интерстадиал днепровского оледенения.
А. И. Мэксвития	а) Культурный слой в погребенной почве, развившейся на хозарском аллювии *4 б) Низы ателя, регрессия Позднехозарского бассейна *5	а) Микулинское межледниковье, или первый интерстадиал калининского оледенения б) Начало калининского оледенения
П. В. Федоров	„Вернехозарский горизонт (ахтубинский горизонт) под континентальными ательскими слоями“ *6	Конец верхнехозарского бассейна сопоставляется с началом максимального оледенения *7, т. е. стоянка относится к началу днепровского оледенения (В. Г.)
Н. К. Верещагин и А. Д. Колбутов	„Кремневые орудия и остатки животных захоронены в ательской ископаемой почве, залегающей под толщей хвалыньских образований . . . в кровле верхнехозарских, или так называемых ательских отложений“ *8	В разрезе четвертичной толщи стоянки слой 5 — палеолитический („культурный“) слой — обозначен индексом: Q ₂ ^{at} 1al, red Слой 5 вместе с подстилающими его слоями 6, 7, 8, „вероятно, отвечает эпохе максимального, днепровского оледенения“ *9
А. Д. Колбутов	„Культурный горизонт с подстилающим его суглинком (слои 5 и 6), по-видимому, относится к ательским или верхнехозарским слоям в интерпретации В. И. Громова“ *10	Стоянку автор относит ко времени „наступления ледникового периода на территории Русской платформы (рисское, днепровское время) . . . когда обитал мустьерский человек на Волге“ *11
Ю. М. Васьев	Культурный слой стоянки находится в болотно-луговой почве, венчающей нижнехозарские отложения, а перекрываются ательскими (верхнехозарскими) суглинками. Нижняя часть ательского горизонта — одинцовский интерстадиал, а сами ательские суглинки относятся к московскому оледенению *12	Начало максимального оледенения, которое проявилось в образовании клиньев и в смятии мустьерской почвы или, возможно, первый интерстадиал (одинцовский) днепровского оледенения *13

Исследователи	Геологические условия залегания стоянки	Геологический возраст стоянки
В. И. Громов и Е. В. Шанцер	„Слой с культурными остатками залегает в верхней части аллювиальных отложений, предположительно относимых к так называемому хозарскому ярусу, над которым следует 15-метровая толща суглинков ательского горизонта с двумя погребенными почвами в нижней части. Еще выше — пески и глины хвалынского яруса древнекаспийских отложений, мощностью в 4—5 м, с характерными для них видами <i>Didacna</i> и <i>Dreissensia</i> “ ^{*14}	„Сталинградская мустьберская стоянка, по всей видимости, не моложе рисса, хотя возраст еще подлежит уточнению“ ^{*15}

^{*1} М. Н. Грищенко. Краткое сообщение о геологических условиях залегания новой палеолитической стоянки в районе Сталинграда. Бюллетень КИЧП, № 18, 1953.

^{*2} Там же, стр. 88

^{*3} В. И. Громов. Первая находка древнего палеолита на Волге. — Бюллетень МОИП, отд. геол., т. XXVIII (3), № 9, 1957.

^{*4} А. И. Москвитин. О геологических условиях палеолитической стоянки Рынок в долине реки Сухой Мечетки у северной оконечности Сталинграда. Рукопись. 1953. ГИН АН СССР.

^{*5} А. И. Москвитин. Четвертичные отложения и история формирования долины р. Волги в ее среднем течении. — Труды ГИН АН СССР, вып. 12, 1958.

^{*6} П. В. Федоров. Стратиграфия четвертичных отложений и история развития Каспийского моря. — Труды ГИН АН СССР, вып. 10, 1957.

^{*7} Там же, табл. 9, стр. 270.

^{*8} Н. К. Верещагин и А. Д. Колбатов. Остатки животных на мустьберской стоянке под Сталинградом и стратиграфическое положение палеолитического слоя. — Труды Зоологического института АН СССР, т. XXII, 1957, стр. 79.

^{*9} Там же, рис. 2, стр. 78.

^{*10} А. Д. Колбатов. Геологические условия захоронения стоянки мустьберского человека в балке Сухая Мечетка из р. Волге. Рукопись. 1955, стр. 5. (Отдел четвертичной геологии ГИН).

^{*11} Там же, стр. 6.

^{*12} Ю. М. Васильев. Четвертичные отложения Прикаспия. — ИАН СССР, серия геол., № 5, 1959.

^{*13} Там же.

^{*14} В. И. Громов и Е. В. Шанцер. О геологическом возрасте палеолита в СССР. — ИАН СССР, серия геол., № 5, 1958, стр. 16.

^{*15} Там же.

Как видно из приведенной выше таблицы, все изучавшие стоянку геологи, кроме А. И. Москвитина, отнесли стоянку ко времени максимального (днепровского, или рисского), оледенения Русской равнины. А. И. Москвитин в 1953 г. относил эту стоянку к микулинскому межледниковью, в 1958 г. — к началу калининского оледенения. Заметим, что А. И. Москвитин свое «калининское» оледенение сопоставляет с риссом, а днепровское с минделем². Что касается более точного определения геологического возраста Сталинградской стоянки, то, как можно видеть из той же сводной таблицы, геологи, посетившие ее, довольно единодушно склоняются к одиноковскому возрасту, т. е. к интерстадиалу между московским и днепровским оледенениями (т. е. к интерстадиалу R₁—R₂, или между R₁ и Вартой Западной Европы).

При раскопках Сталинградской стоянки С. Н. Замятниным были обнаружены многочисленные костные остатки, преимущественно из «кухонных отбросов». Уже предварительное определение фаунистического материала, произведенное мною на месте раскопок в 1952 г., несмотря на значительное

² А. И. Москвитин. О нижней границе плейстоцена по новым данным. — Бюллетень МОИП, отд. геол., т. XXXI, вып. 2, 1956, стр. 34.

количество материала, показало полное отсутствие холодолюбивых видов — песцов, обычных представителей промысловой фауны верхнепалеолитических стоянок и некоторых позднемустьерских (Ильская), и даже северного оленя, остатки которого предположительно можно было определить лишь по одному небольшому обломку кости. Заметно преобладали остатки бизонов; костей других животных — лошадей, оленей, сайгаков — было немного. К сожалению, невозможно было определить до вида обломки трубчатых костей слона.

В настоящее время опубликован полный список животных, обнаруженных на стоянке и определенных Н. К. Верещагиным³, значительно дополняющий мой предварительный список фауны, но в нем также отсутствуют песцы и вообще холодолюбивые животные; что касается северного оленя, то он представлен обломком таранной кости, найденным, впрочем, выше культурного горизонта⁴. По разделу «Костные остатки, характеристика и видовой состав», помещенному в работе Н. К. Верещагина и А. Д. Колбутова, следует сделать следующие замечания.

В таблице 1 среди «видового состава животных Сталинградской стоянки» значится «мамонт (*Elephas primigenius* Blum). Определение сделано по обломкам диафиза плеча, голени, грудного позвонка».⁵ Несмотря на то, что по таким остаткам при современном уровне знаний невозможно отличить мамонта не только от трогонтериевого слона, но и от других видов Elephantidae, авторы утверждают, что эти остатки «следует уверенно относить именно к мамонту, а не к трогонтериевому слону, учитывая; что уже в среднехозарских отложениях (? В. Г.) Черного Яра существовал крупный слон с относительно тонкой эмалью. О позднем возрасте слона говорят и тип сохранности костного вещества, вовсе не характерный для известных нам заведомых остатков трогонтериевого слона»⁶. К этому сводятся все доказательства авторов. Об одиночной находке зуба, указанной в той же таблице, в тексте ничего не говорится, хотя именно зуб-то и мог бы послужить хорошим объектом для точного определения.

Соображения авторов о том, что слон из мустьерской стоянки жил позднее «крупного слона» из черноморских песков, правильны, но из этого еще не следует, что мустьерский слон был мамонтом (хотя и это вполне возможно), а не таким же трогонтериевым слоном, как черноморский. Сохранность костных остатков черноморского и мустьерского слонов одинакова, поэтому на этом факте обосновывать определение Н. К. Верещагина никак нельзя.

Наконец, совершенно непонятно, почему черноморские пески оказались «среднехозарскими». Такого горизонта, насколько мне известно, в Поволжье еще никто не выделял. Не приводят никаких доказательств этого и Н. К. Верещагин и А. Д. Колбутов. До настоящего времени одни исследователи считали черноморские пески нижним хозаром, другие относили их к верхнему. Если принять, что существует еще средний хозар, то нужно дать и новую схему корреляции четвертичных отложений Поволжья, как для Понто-Каспия, так и для Русской равнины вообще.

Из других замечаний нужно отметить, что на рис. 7 под названием «костные остатки со Сталинградской стоянки»⁷ изображены две фаланги, найденные на 23 см выше культурного слоя⁸; поэтому говорить, что фаланги мустьерской лошади «крайне близки в морфологическом смысле

³ См. Н. К. Верещагин и А. Д. Колбутов. Указ. соч., стр. 82.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 84.

⁶ Там же, стр. 85.

⁷ Там же, стр. 87.

⁸ Там же, стр. 82.

к фалангам из ориньякских слоев Костенок на верхнем Дону»⁹ нет никаких оснований.

Наконец, соображения авторов о том, что среди зубров на Сталинградской стоянке были измельчавшие *Bison priscus longicornis*, самцы или самки¹⁰, может быть, и правильны, но ни в какой степени не доказаны фактами, так как изучения пяти верхних и пяти нижних моляров, конечно, недостаточно для решения такого важного вопроса. А зубы *Bison priscus longicornis* и *Bison priscus deminutus*, как известно, неразличимы по величине.

Следовательно: а) наличие в списке мустьерской фауны мамонта не доказано, хотя возможно существование ранней его формы;

б) наличие на стоянке измельчавших форм бизона не доказано;

в) наличие северного оленя в составе фауны также не может быть принято с достаточной степенью уверенности;

г) нет никаких оснований допускать сходство мустьерской лошади из Сталинградской стоянки с ориньякской из Костенок. Впрочем, в заключительной части шестого пункта¹¹ говорится, что «остатки северного оленя и некоторые остатки широкопалой (?) лошади относятся, видимо, к более позднему этапу осадконакоплений, перед крупным наступлением Хвальнского моря». А некоторые, тоже «широкопалые», значит, относятся к мустье? Остается непонятным, почему остатки мустьерской лошади отнесены к тому же виду, который был найден выше культурного слоя, если, по словам авторов, «обломки... из культурного слоя для промеров не пригодны»¹², и почему они отнесены к какому-то «предхвальнскому этапу», если в тексте доказывается хвальнский возраст вмещающей их породы — $Q_3^v del$ ¹³.

Нам пришлось сделать ряд замечаний по поводу списка фауны из Сталинградской (мустьерской) стоянки, приведенного в работе Н. К. Верещагина и А. Д. Колбутова, так как точное и надежное определение животных, одновременных любой стоянке, очень важно для решения как хронологических, так и целого ряда других вопросов.

Итак, геологический возраст Сталинградской стоянки всеми посетившими эту стоянку геологами, за исключением, может быть, А. И. Москвитина, определяется временем максимального (днепровского) оледенения. Нам кажется правильным относить ее к концу второй половины днепровского (рисского) оледенения, вероятно, к одинцовскому интерстадиалу. К такому же выводу склоняются М. Н. Грищенко, Ю. М. Васильев и другие исследователи.

Для фауны интересующей нас стоянки характерно отсутствие холодолюбивых видов вообще, даже, видимо, северного оленя, широко известных во всех верхнепалеолитических поселениях. К сожалению, не удалось определить вид слона и, несмотря на многочисленность остатков, разновидность бизонов. Соображения Н. К. Верещагина в цитированной совместной работе с А. Д. Колбутовым, хотя и возможны, но все же остаются недоказанными.

Очень интересно заключение С. Н. Замятнина о возрасте стоянки как о позднем, но не финальном мустье¹⁴, что говорит о том, что мустьерский человек, видимо, пережил максимум рисского оледенения Русской равнины в более южных широтах. Но нет никаких фактов, свидетельствующих о сокращении в это время ареала и численности мамонта, как думает

⁹ Н. К. Верещагин и А. Д. Колбутов. Указ. соч., стр. 85.

¹⁰ Там же, стр. 86.

¹¹ Там же, стр. 88.

¹² Там же, стр. 85.

¹³ Там же, стр. 77 и 79.

¹⁴ Статья С. Н. Замятнина в настоящем выпуске.

Н. К. Верещагин¹⁵. Напротив, в послемустьерское время мамонт был характернейшим и широко распространенным животным в течение всего верхнего палеолита на территории всей Европы и Азии. Нет данных также говорить и об измельчании в это время зубра.

Открытие Сталинградской (мустьерской) стоянки представляет большой интерес для решения многих вопросов истории палеолита и, в частности, некоторых спорных вопросов периодизации. Однако решаются эти вопросы не совсем так, как это представляется Н. К. Верещагину и А. Д. Колбутову. «Открытие и изучение материалов Сталинградской палеолитической стоянки, говорят авторы, вносят крайне важные уточнения в принимавшуюся ранее русскими геологами и археологами стратиграфическую схему. Именно: мустьерская стадия человеческой культуры на Русской равнине соответствует концу хозарского цикла осадконакоплений — эпохе значительного обеднения хозарского комплекса, измельчания длиннорогого зубра и началу сокращения ареала и численности мамонта»¹⁶.

Прежде всего вызывает недоумение, какую «принимавшуюся ранее русскими геологами и археологами стратиграфическую схему» имеют в виду авторы и какая, по их мнению, схема принимается теперь. Известно, что стратиграфических геологических схем много, но ни одна из них не является и никогда ранее не была общепринятой; что касается стратиграфии палеолита, то и геологи и археологи придерживаются одной схемы, в которой, однако, последнее время некоторые исследователи — А. И. Москвитин, Г. И. Лазуков и А. А. Величко — доказывают целесообразность «омоложения» мустье и верхнего палеолита, причем последний, по мнению А. А. Величко¹⁷, вообще не имеет стратиграфического значения для геологии, хотя сам же этот исследователь доказывает, что как деснинские, так и днепровские стоянки относятся к различным фазам валдайского оледенения, и, таким образом, имеют стратиграфическое значение. Тот факт, что мустьерская фауна является обедненной хозарской, был доказан на материалах крымских (Чокурча) и кавказских (Ильская) стоянок, и сообщение об этом опубликовано еще в 1948 г.; это отнюдь не новое открытие. Далее, Сталинградская стоянка представляет только позднее мустье, что известно авторам¹⁸. Почему же тогда они считают, что «мустьерская стадия человеческой культуры на Русской равнине соответствует концу хозарского цикла осадконакопления»¹⁹? Эта «стадия» была, несомненно, очень длительной и захватывала более значительный промежуток времени, чем «конец хозарского цикла». Кстати, совершенно непонятно, в чем заключается «цикличность» хозарского осадконакопления. В тексте авторы об этом ничего не говорят. Более того, ведь, по мнению авторов, культурный слой стоянки залегает «в ательской ископаемой почве»²⁰. Причем же здесь хозарский цикл?

Относительно недоказанности «измельчания длиннорогого зубра» и ошибочности представления о «сокращении ареала и численности мамонта»²¹ мы уже говорили выше. Итак, не в этих «крайне важных уточнениях» значение Сталинградской стоянки.

Сейчас можно считать доказанным, что только финальное мустье является после-рисским, позднее мустье на Русской равнине относится ко

¹⁵ Вся палеофаунистическая часть, вероятно, написана Н. К. Верещагиным, но авторы не согласовали между собой выводов, почему и получились указанные противоречия.

¹⁶ Н. К. Верещагин и А. Д. Колбутов. Указ. соч., стр. 89.

¹⁷ А. А. Величко. К вопросу о геологическом возрасте и стратиграфическом значении верхнего палеолита. — ИАН СССР, серия геогр., № 2, 1954.

¹⁸ Н. К. Верещагин и А. Д. Колбутов. Указ. соч., стр. 81.

¹⁹ Там же, стр. 89.

²⁰ Там же, стр. 79.

²¹ Там же, стр. 89.

времени не только до хвалынской трансгрессии, но и до атея, т. е. ко времени максимального днепровского, или рисского оледенения, очень возможно, — к одинцовскому интерстадиалу (или R_1 — R_2). Следовательно, начальную стадию мустье мы вправе сопоставлять с начальными фазами того же оледенения. Вряд ли кто-либо из геологов смог бы привести доказательства, противоречащие этому выводу. Правда, такое допущение, как вполне возможное, пришлось сделать уже после находки А. А. Формозовым стоянки с финальным мустье в Староселье, отнесенной к рисс-вюрму М. В. Муратовым, а также после исследований А. П. Черныша и И. К. Ивановой на Днестре; с этим согласуются и старые находки в Крыму (Чокурча) и на Кубани (Ильская)²². Однако подробный анализ этого материала уже выходит за пределы настоящей статьи. Об этом было сказано ранее²³. Изучение материала Сталинградской стоянки доставило лишь новые данные, подкрепляющие это положение.

Упомянем еще об одной стоянке, также подтверждающей рисский (днепровский) возраст мустье и начала верхнего палеолита. Это верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь под Владимиром, уже достаточно детально изученная. Археологи относят ее к нижней, но не к начальной стадии верхнего палеолита и сопоставляют с нижним слоем Костенок (О. Н. Бадер)²⁴. Геологический возраст стоянки осматривавшие ее геологи определили как рисс-вюрм или немного более ранний (В. В. Попов, Ю. М. Васильев, В. И. Громов, Л. Д. Шорыгина, Н. А. Ефимцев, Е. В. Шанцер, С. М. Цейтлин и др.). Естественно, напрашивается логический вывод о сосуществовании позднего финального мустье и верхнего палеолита (вероятно, неандертальца и Homo sapiens) во второй половине максимального оледенения, что и было высказано нами в совместной работе с К. В. Никифоровой, И. И. Красновым, Е. В. Шанцером.

И еще одно интересное соображение можно высказать в связи со Сталинградской стоянкой: куда в данном районе нужно направить дальнейшие поиски памятников палеолита. Если средний и нижний палеолит связан с хозарской и дохозарской речной сетью, то верхнепалеолитические стоянки в основном располагались, вероятно, вдоль побережья Хвалынского моря. Их нужно искать на древних пляжах близ устьев рек, впадавших в Хвалынское море. Границы этого моря в настоящее время уже достаточно хорошо известны, поэтому история этого бассейна должна представлять особый интерес для всех изучающих каменный век на территории СССР.

Таким образом, особенности геологических условий Сталинградской стоянки объясняют, почему до сих пор были тщетны поиски верхнего палеолита в долине Волги.

Тщательный анализ всех материалов, связанных с изучением Сталинградской стоянки, внесет новый важный вклад в исследование некоторых вопросов, еще не получивших окончательного решения. В связи с этим особенно существенной была бы разработка проблемы соотношения морских и континентальных отложений в пределах не только территории Понто-Каспия, но и Восточной Европы в целом. Научное значение разреза, содержащего культурный слой позднего мустье Сталинградской стоянки, как одного из важнейших опорных разрезов будет тогда особенно велико.

²² В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных четвертичных отложений СССР. — Труды ГИН АН СССР, № 64, 1948.

²³ См. В. И. Громов, И. И. Краснов, К. В. Никифорова, Е. В. Шанцер. Основные принципы стратиграфического подразделения четвертичной системы и ее нижняя граница. — ИАН СССР, серия геол., № 5, 1958.

²⁴ О. Н. Бадер. Палеолитическая стоянка Сунгирь на р. Клязьме. — СА, № 1, 1959, (см. статью О. Н. Бадера в настоящем выпуске стр. 135 и след. *Ред.*

М. Э. ПАНИЧКИНА

НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА РЕКЕ ПСЕКУПС (КУБАНЬ)

За последние два десятилетия на Кубани обнаружены интересные для характеристики самых ранних этапов палеолита находки, привлечшие к себе внимание археологов и послужившие отправным материалом для дальнейших поисков в этом крае нижнепалеолитических памятников. В результате исследований, проведенных в 1937 и 1955 гг. С. Н. Замятниным, а в 1950 г. А. А. Формозовым, на этой территории выявлено около 10 местонахождений с различным по возрасту раннепалеолитическим материалом¹. В 1957 г. работы по изучению палеолитических памятников на Кубани были продолжены двумя экспедициями — Института истории материальной культуры АН СССР, под руководством А. А. Формозова, и Государственного Эрмитажа, в составе М. Э. Паничкиной, А. Д. Столяра и А. И. Веснухова. Экспедиции вели исследования в различных районах; их работы совпали лишь частично, в одном пункте — на р. Псекупс.

Экспедиция Эрмитажа работала в зоне первых высот предгорий, на стыке их с водораздельным коренным плато, простирающимся отсюда до р. Кубани ровной широкой полосой, по берегам левых притоков р. Кубани — Псекупса, Шкелюка, Апчаса, Марты, Пшиша и Белой, в результате чего обнаружено шесть новых палеолитических местонахождений. Кроме того, повторно обследованы ранее зафиксированные С. Н. Замятниным и А. А. Формозовым палеолитические местонахождения у станицы Смоленской на р. Псекупс.

Рельеф выбранного района сильно расчленен, изрезан огромной и частой сетью речных ущелий, берущих начало на северном склоне Кавказского хребта. Протекая по всхолмленной местности, реки еще долго сохраняют быстрое течение и извилистость. Даже по выходе на открытое плато они образуют огромные, почти сомкнутые в кольца петли. Меандры рек во многих местах размывают не только четвертичные, но и более древние отложения. В обрезах берегов нередко прослеживаются мощные наслоения галечников. Огромное количество гальки содержится и в руслах рек. В весенние и осенние половодья продукты размыва, в том числе крупные и мелкие гальки, уносятся вниз по течению на многие десятки километров. Переотлагаясь, они образуют в русле песчано-галечниковые косы². Разу-

¹ С. Н. Замятнин. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани. — Сб. МАЭ, XII. Л., 1949, стр. 485—488; А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья. — КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 31—41.

² Сортировка материала в руслах и на отмелях зависит от размера и веса предметов. В первую очередь отлагаются крупные и тяжелые камни, на отмели они занимают ее головную, наиболее высокую часть.

меется, эти отложения могут включать и следы деятельности первобытного человека — каменные орудия, кости животных, вымываемые вместе с другим материалом из древних слоев речных террас.

Экспедиция провела маршрут по обоим берегам Псекупса, откуда были уже известны отдельные находки³. Этот участок, от станицы Саратовской до станицы Бакинской, протяжением примерно 20—25 км, был выбран для работ потому, что здесь, в районе совхоза УРС-2, не так давно обнаружены — первоначально местным жителем (ручное рубило), а потом С. Н. Замятниным с группой сотрудников Историко-краеведческого музея г. Краснодара (серия орудий) — находки, чрезвычайно важные для характеристики нижнего палеолита Кубани.

Псекупс — довольно значительная река с хорошо проработанной долиной. Берега ее высоки и во многих местах почти отвесны. В районе Саратовская — Бакинская она прорезает древнюю высокую террасу левого берега Кубани, вскрывая на большую глубину огромную толщу отложений.

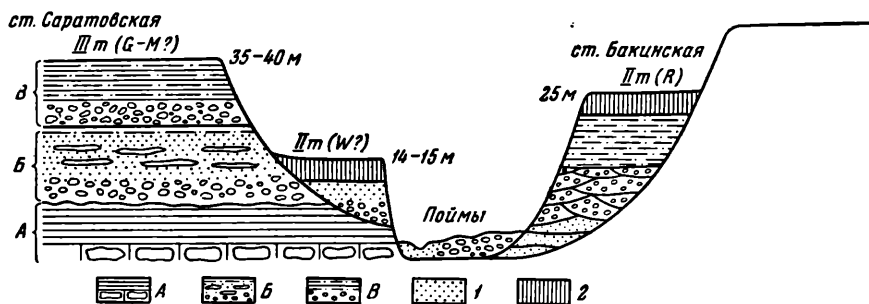

Рис. 25. Разрез долины р. Псекупса на створе Саратовская — Бакинская:
 А — железистые конгломераты, сменяющиеся глинами; Б — галечники и гравийники, сменяющиеся песками; В — галечники, сменяющиеся пятнистыми супесями и глинами
 1 — песок; 2 — суглинок

На Псекупсе прослеживаются три надпойменные террасы. Из них наиболее древняя (40—45 м) сохраняет отложения миндельского, а может быть, и более глубокого возраста. Эта терраса служит вместе с тем и водораздельным коренным плато. Формирование второй, 25-метровой террасы связано с рисским временем, а третьей, 12—15-метровой, относится, по-видимому, к вюрму (рис. 25).

В многочисленных разрезах террас, образованных Псекупсом⁴ между станицами Саратовской и Бакинской, прослеживаются в ряде пунктов слои галечников. Гальки того же типа устилают русло Псекупса. Они образуют довольно крупные скопления и на песчаных отмелях, весьма многочисленных в летние, засушливые месяцы. На песчано-галечниковых отмелях и были обнаружены палеолитические изделия. Они находились здесь во вторичном залегании и, по-видимому, вынесены из отложений размываемых древних террас. Не исключено, что значительная часть обитых кремней претерпела неоднократное переотложение. На это указывают сильная окатанность многих предметов и распространение материала на большой площади. Территориально широкое распространение находок может быть

³ С. Н. Замятнин. Указ. соч.; А. А. Формозов. Указ. соч.

⁴ Геологическая характеристика долины р. Псекупс дана по работам Н. А. Лебедевой. Привлекаемые здесь материалы, в том числе иллюстративные (рис. 25), заимствованы, с любезного разрешения названного геолога, из письма ко мне от 20 ноября 1957 г. См. также В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. — Труды ГИН АН СССР, вып. 64 геол. серия (№ 17), 1948, стр. 53.

объяснено в некоторых случаях и характером самих нижнепалеолитических местонахождений — их значительной протяженностью по площади. Однако распространение и рассеяние кремней далеко за пределами мест размывов отложений древних надпойменных террас свидетельствуют о нарушении, а возможно, и уничтожении слоев, сохранявших палеолитические остатки *in situ*. Наряду с окатанными кремнями на Псекупсе встречены экземпляры и очень хорошей сохранности, очевидно, первоначально залегавшие где-то недалеко. К сожалению, выяснить места и условия залегания этих кремней *in situ* не удалось.

С долиной р. Псекупс связаны не только археологические находки, но и многочисленные остатки древней фауны⁵. Как и археологический материал, кости животных залегают в отложениях древних речных террас⁶; в период весенних паводков они вместе с другими материалами попадают в русло реки и переносятся вниз по течению.

Нашей экспедицией кости древних животных собраны на Псекупсе в нескольких пунктах. Вместе с каменными изделиями они залегают на поверхности песчано-галечниковых отмелей, т. е. среди материалов, неоднократно переотложенных рекой. К сожалению, неясный характер залегания археологических и палеонтологических находок не позволяет связать их в единый комплекс.

Хотя 11 местонахождений, обследованные нами на Псекупсе, не коренные, а содержат кремни лишь во вторичном залегании, все же фиксация и описание их имеют существенное значение. Они не только определяют и характеризуют площадь распространения и степень концентрации на ней материала, но и могут служить важным ориентиром при повторных исследованиях.

Ниже приводится перечень мест находок: 1. Станица Саратовская. Отмели у моста на шоссе на дороге в Горячий Ключ. 2. Урочище Игнатенков Куток, примерно в 2 км по прямой ниже Саратовской. Осыпи на левом, крутом берегу. 3. В 200—250 м ниже урочища Игнатенков Куток. Осыпь на левом берегу, у глубокого оврага. 4. Совхоз УРС-2. Галечник на левом берегу, в 150—200 м ниже хутора Сорока. 5. Совхоз УРС-2. Галечники на левом берегу, между центральной усадьбой совхоза и хутором Сорока. 6. Совхоз УРС-2. Галечники на левом берегу, у водоканалы центральной усадьбы совхоза. 7. Совхоз УРС-2. Галечники у спуска к реке проселочной дороги, ведущей из центральной усадьбы совхоза (наиболее низкая по течению отмель в черте совхоза). 8. Урочище Байков Куток, между совхозом УРС-2 и станицей Бакинской. Галечники на левом берегу. 9. Урочище Буланова коса, выше Бакинской. Галечники на правом берегу (место добычи гальки для строительно-дорожных работ). 10. Станица Бакинская. Галечники на правом берегу, в 150—200 м по прямой ниже колхозного склада. 11. Единичные кремни обнаружены значительно ниже по течению реки, в сел. Вочепши, на песчано-галечной отмели левого берега Псекупса⁷.

⁵ Изучение условий залегания и сборы палеонтологического материала производились на Псекупсе не один раз. Наиболее полные списки древней фауны с Псекупса даны в работе В. И. Громова «Палеонтологическое и археологическое обоснование...», стр. 52—57.

⁶ В. И. Гро м о в. Указ. соч., стр. 52—57.

⁷ Находки собраны во время очень быстрого осмотра галечников в маршрутной поездке по Псекупсу, предпринятой А. А. Формозовым и группой геологов во главе с Н. А. Лебедевой с целью уточнения характера и условий залегания палеолитических материалов в некоторых пунктах, установленных работами А. А. Формозова. С любезного согласия названных исследователей сотрудники экспедиции Эрмитажа имели возможность принять участие в этой работе. Также удалось повторно осмотреть один из наиболее важных по характеру материала пунктов находок, обследованных нашей экспедицией, — Игнатенков Куток.

На всех 11 пунктах собран однородный материал, относящийся только к палеолиту. Находки более позднего времени полностью отсутствуют. Такой исключительный состав материала, несмотря на условия вторичного залегания, придает району особую ценность и открывает перспективы поисков коренных местонахождений культурных остатков.

Собранная на Псекупсе коллекция включает 60 предметов. Материалом для их изготовления служила кремневая галька. Того же типа гальки встречаются и в древних аллювиальных отложениях террас. Использовался кремнь преимущественно табачно-желтого цвета, много реже — темно-серый. Сильную окатанность собранных изделий можно отнести за счет деятельности вод Псекупса.

По форме и технике изготовления кремни подразделяются на три группы.

Для первой группы (21 экземпляр) характерны весьма архаичные формы, типичные для самого конца шелля и раннего ашеля.

Вторая, несколько более многочисленная группа изделий (35 экземпляров) несет признаки более поздней техники — финального ашеля и раннего мустье. Однако провести строгую границу между этими двумя нижнепалеолитическими комплексами находок очень трудно. Этому мешает близость по возрасту материала, вследствие чего кремни сохраняют в технике изготовления много общих черт.

В третью группу входят четыре призматических нуклеуса и один скребок верхнепалеолитического типа.

В составе наиболее ранней группы кремневых изделий — шесть нуклеусов, семь отщепов, две пластины, шесть рубящих орудий, два скребла. Этот материал выделен в особую группу находок только на основании морфологических признаков.

Наиболее выразительную серию предметов составляют грубые рубящие орудия (рис. 26—1, 7). Для изготовления этих характерных для древнего палеолита орудий использовались массивные, уплощенные с двух сторон гальки или плитки кремня. Обработка желваков велась не по всей поверхности, а лишь на краях, путем нанесения с одной или двух сторон широких сколов, грубо формирующих рабочее лезвие. Крупные глубокие фасетки придают лезвию вид сильно изломанной линии. Некоторые экземпляры оформлены очень немногими сколами, слабо намечающими рабочее лезвие. Одно орудие весьма архаичного облика напоминает незаконченное обработкой овальное ручное рубило (рис. 26—1). Одна сторона его сплошь отесана крупными широкими сколами. Глубокие фасетки последовательно расположены вдоль края, придавая ему зигзагообразные очертания. Вторая сторона подправлена лишь частично. В коллекции есть еще одно, очень сходное по характеру изготовления рубящее орудие, верхний заостренный конец которого, к сожалению, обломан.

Выразительную группу изделий составляют грубые рубящие орудия, изготовленные из массивных плиток кремня. Одно из них (рис. 26—7) имеет очень широкий рабочий край, тщательно оформленный двусторонней подтеской.

Приострение края велось двумя способами: одна сторона сплошь подтесана крупными последовательными сколами, широкой полосой опоясывающими полукруглое лезвие; вторая сторона приострена более мелкими сколами и лишь частично. Выравнивающие сколы наносились по наиболее утолщенным и изломанным участкам края. Тыльная часть орудия сохраняет естественную, сильно окатанную поверхность желвака.

Очень интересна обработка еще одного рубящего орудия, сделанного из окатанной плитки кремня. Это удлиненно-треугольный предмет с прямым, поперечным, грубо приостренным лезвием имеет на боковом крае, у основания, довольно широкую выемку, намеренно выровненную крупными и

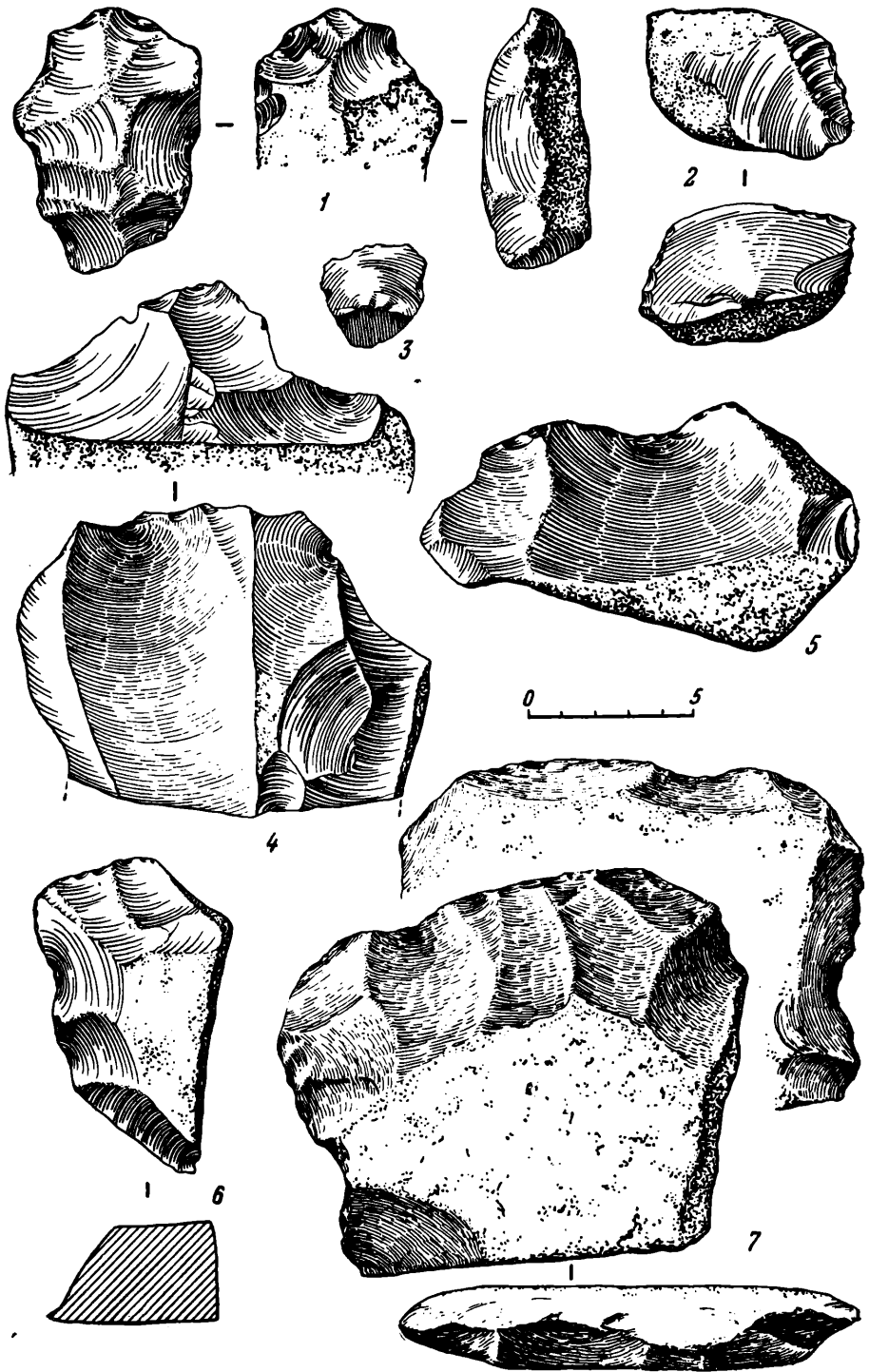

Рис. 26. Древний комплекс находок на р. Псекупс:
 1, 7 — грубые рубящие орудия; 2, 3 — отщепы; 4, 5 — нуклеусы; 6 — скребло

мелкими сколами. Благодаря выемке орудие удобно и крепко зажимается в руке.

Для нижнепалеолитического времени грубые рубящие орудия были очень устойчивой и широко распространенной формой изделий. Они представлены почти во всех раннепалеолитических комплексах. В частности, очень сходны с приведенными выше орудия из окрестностей Майкопа (р. Фортепьянка), описанные С. Н. Замятниным⁸, который определяет возраст найденных там грубых рубящих орудий древним ашедем.

Очень примитивную форму имеют в древней группе находок и нуклеусы. По облику они весьма характерны для раннего палеолита (рис. 26—5). Для их изготовления использовали крупные валуны и гальки. У четырех экземпляров поверхность совершенно не подвергалась предварительной подправке. Два нуклеуса имеют кубовидную форму. Отделение от них отщепов велось бессистемно, сколы наносились с разных сторон и в разном направлении. Ударной площадкой служила гладко окатанная поверхность валуна. Отщепы отделялись массивные и очень крупные. На это указывают широкие и глубокие фасетки, сохранившиеся на рабочей плоскости ядрища (рис. 26—5). Лишь у одного нуклеуса есть намеренно выделенная и предварительно подправленная ударная площадка (рис. 26—4). В приемах его обработки и раскалывания намечаются некоторые черты леваллуазской техники. Отщепы отделялись только от одного края. Сколы идут в одном направлении. Грани расположены в последовательном порядке. Ударная площадка подвергалась неоднократной подправке — ею срезаны грани на рабочей стороне ядрища. Однако наряду с этими признаками можно отметить и архаичные черты, свидетельствующие о большой древности нуклеуса. Он изготовлен из очень крупного, массивного желвака кремня, не подвергавшегося первичной обработке. Боковые и задняя стороны сохранили естественную поверхность гальки. Сколы наносились с большой силой. Они оставили на ядрище глубокие и широкие «негативы», придающие поверхности и особенно рабочему краю резкую изломанность. По-видимому, этот экземпляр представляет очень раннюю форму леваллуазского нуклеуса или является его прототипом.

Отщепы все случайных очертаний; у некоторых длина намного меньше ширины (рис. 26—2). Грани на спинках широкие, идут в разных направлениях. Ударная площадка обширная, гладкая, подтреугольной или трапециевидной формы. Она составляет тупой угол с нижней плоскостью отщепов. У всех отщепов в основании брюшка имеется характерный для нижнепалеолитической техники раскалывания камня один (рис. 26—2) или два (рис. 26—3) сосцевидных выступа, образующихся на кремне в результате нанесения чрезвычайно сильного удара.

Скребла (2 экземпляра) изготовлены из очень массивных отщепов. Грубая обивка не формирует рабочего края, а лишь следует за его естественными очертаниями. Этими орудиями могли выполняться только очень грубые работы (рис. 26—6).

В целом архаичная группа находок сохраняет в приемах обработки камня признаки, характерные для очень ранней техники нижнего палеолита — конца шелля и начала ашеда.

В более позднюю группу нижнепалеолитических изделий входит 11 нуклеусов, 5 дисков, 8 отщепов, 5 пластин, 2 скребла и 4 остроконечника.

Нуклеусы составляют самую обильную серию находок (рис. 27—7—9). Для многих экземпляров характерны дисковидная форма и уплощенность с боковых сторон. В поперечном сечении они тонкие (рис. 27—8). Крупные грани треугольных и подчетыреугольных очертаний покрывают всю поверхность или только одну сторону. В последнем случае несработанная

⁸ С. Н. З а м я т н и н. Указ. соч., стр. 492.

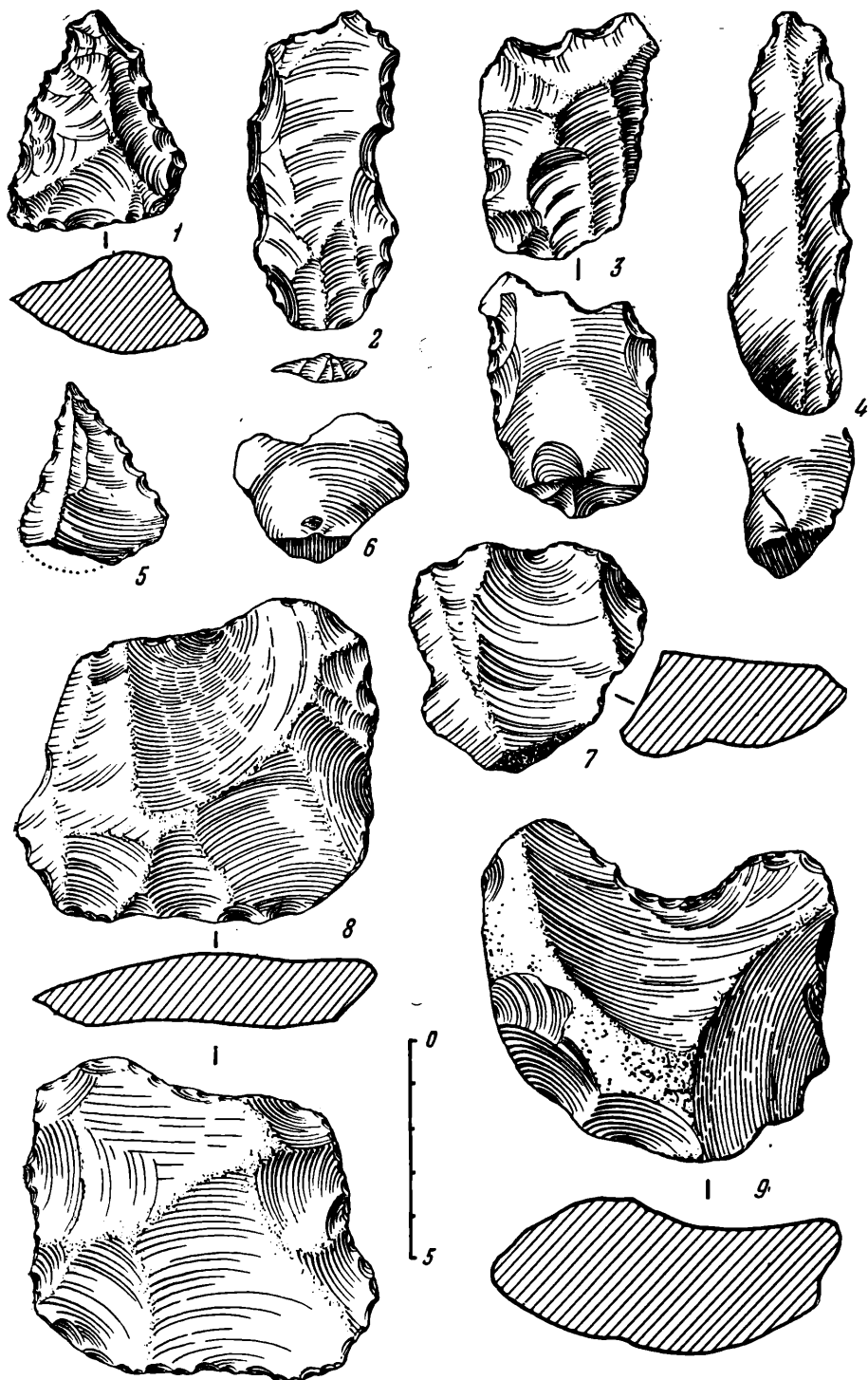

Рис. 27. Поздний комплекс находок на р. Псекупс:

1, 5 — остроконечники; 2, 3 — скербла; 4 — пластина; 6 — отщеп; 7, 8, 9 — нуклеусы

сторона сохраняет естественную поверхность гальки. Встречена характерная для конца ашеля и начала мустье форма дисковидного ядрища, подготавливавшегося для отделения только одного-двух отщепов. На рабочей стороне этих ядрищ сохранился глубокий и широкий негатив скола, перекрывающий значительный участок поверхности. Вокруг него расположены более мелкие фасетки — следы предварительного выравнивания рабочей стороны нуклеуса (рис. 27—9).

В коллекцию входят также нуклеусы подтреугольной и четырехугольной формы (рис. 27—7). От них отделялись отщепы удлиненно-треугольных очертаний. Сколы велись только в одном направлении и только с одной стороны. Такие нуклеусы хорошо известны среди многих позднеашельских и мустьерских местонахождений, в частности, в поздних комплексах Сатани-Дара и Яштуха.

Ближние к дисковидным ядрищам изделия, двусторонне обработанные рубящие орудия, представлены двумя экземплярами. Они сильно уплощены с боков и дополнительно приострены по краю крупной ретушью, несколько утоняющей и выравнивающей рабочее лезвие.

Выразительную серию в поздней нижнепалеолитической группе находок составляют отщепы (рис. 27—6). Они тоньше позднеашельских-раннеашельских экземпляров. Их размеры варьируют от 8 до 4 см в длину и от 5 до 3 см в ширину. Отщепы встречаются треугольной и подчетырехугольной формы. У многих из них площадка подправлена на нуклеусе (рис. 27—3). В единичных экземплярах встречены удлиненные отщепы, напоминающие очертаниями ножевидные пластины. Но наряду с удлиненной формой эти отщепы имеют хорошо выраженные ударные площадки (рис. 27—4). На некоторых экземплярах площадки подправлены ретушью (рис. 27—2). Всем отщепам в целом свойственны уже четко выработанные черты ашельско-мустьерской техники.

Орудия представлены четырьмя остроконечниками (рис. 27—1, 5) и двумя скреблами. Два остроконечника и одно скребло сделаны из крупных массивных пластин удлиненной формы, которые все еще сохранили значительную ширину и обширные ударные площадки. На пластинах, использованных для остроконечников, ударные площадки гладкие, образуют тупой угол с плоскостью скола. У пластины, служившей заготовкой для скребла, ударная площадка небольшая, тщательно подправлена мелкой ретушью на нуклеусе. На этих орудиях вторичная обработка сделана грубой неровной ретушью, слабо формирующей рабочий край.

Остальные орудия сделаны на широких отщепах. Для изготовления одного остроконечника использован треугольный отщеп (рис. 27—1), сильно утолщенный (2 см) в поперечном сечении. Верхняя сторона его тщательно обтесана плоскими сколами. Края дополнительно выровнены и приострены мелкой ретушью. Фасетки ретуши неровные, некоторые из них с заломами на концах. Второй остроконечник сделан на обломке тонкого треугольного отщепа. Острие подправлено мелкой неровной ретушью (рис. 27—5).

Скребло изготовлено на широком отщепе четырехугольной формы (рис. 27—3). Хорошо выраженная ударная площадка предварительно подправлена на нуклеусе. Рабочий край приострен ретушью со стороны нижней, гладкой плоскости отщепа. Крупные и мелкие фасетки ретуши чередуются неравномерно. Они приостряют край не по всей длине, а лишь на отдельных участках; на верхний поперечный конец скребла нанесена ретушь — мелкая, неровная, местами образующая небольшие выемки.

Кроме нижнепалеолитических кремней, на Псекупсе собрано несколько более поздних изделий, недостаточно характерных для точного определения их возраста. Сюда относятся один скребок на конце укороченной пластинки и четыре нуклеуса призматической формы. Для скребка использована небольшая кремневая пластинка, сохранившая на спинке окатанную поверх-

Костные остатки в Игнатенковом Кутке принадлежат, по определению Н. К. Верещагина, следующим видам животных:

- 1) осел или лошадь (*Equus* sp.) — зуб нижней челюсти;
- 2) лошадь (*Equus* cf. *Stenonis*) — обломок таза;
- 3) олень (*Eucladoceros* sp. или *Megaceros* sp., вероятнее последний) — обломок рога;
- 4) слон (*Archidiskodon* cf. *meridionalis*) — обломки трубчатых костей и основание бивня.

Одна кость животного, переданная на Псекупсе палеонтологу Л. И. Алексеевой, принадлежит, по определению ее, мелкому верблюду (*Paracamelus* cf. *alutensis*)¹⁰.

Трубчатые кости слона залежали на осыпи в одном месте. На расстоянии примерно 2 м от них находился обломок бивня. Близ костных остатков обнаружен нуклеус ашельского типа (рис. 26—4). Привлекает к себе внимание слабая окатанность его. Кстати сказать, почти все обитые кремни (8 экземпляров) Игнатенкова Кутка менее окатаны, нежели изделия с других пунктов Псекупса. Эта особенность каменного инвентаря Игнатенкова Кутка позволяет предполагать, что в урочище или где-то близ него залегает непотревоженный слой с культурными остатками.

В целом набор изделий из Игнатенкова Кутка имеет весьма архаичный облик. Отщепы клетонского типа (рис. 26—2), грубые рубящие орудия (рис. 26—1, 7), примитивные скребла (рис. 26—6) и нуклеусы случайной формы (рис. 26—5) позволяют отнести эти изделия к древнему комплексу находок с Псекупса, т. е. к концу шелля и началу ашеля.

Игнатенков Куток — пока единственное не только в Кубанском крае, но и на всей территории СССР местонахождение аллювиального типа, давшее вместе с шельско-ашельскими изделиями остатки древней фауны.

Изучение условий залегания археологического и палеонтологического материала в непотревоженных отложениях Игнатенкова Кутка, возможно, позволит уточнить первоначальные условия залегания и возраст находок, связанных с переотложенными галечниками.

Раскопки в этом урочище являются одной из первоочередных задач, стоящих перед исследователями палеолита на Северном Кавказе.

---

¹⁰ Эти сведения любезно сообщены мне Л. И. Алексеевой в письме от мая 1958 г.

В. П. ЛЮБИН

ВЕРХНЕАШЕЛЬСКАЯ МАСТЕРСКАЯ ДЖРАБЕР
(АРМЕНИЯ)

Изучение памятников каменного века на территории нашей страны быстро продвигается вперед. Не будет преувеличением сказать, что исследования, проведенные в течение каждого из последних пяти-семи лет, по темпам и масштабам равнозначны работам предыдущих десятилетий.

Весьма показательны в этом отношении работы, проводимые на Кавказе. Они удостоверяли, что в четвертичное время все ландшафтно-климатические зоны Кавказа, вплоть до полосы высокогорий, были широко освоены первобытным человеком¹.

Настоящая статья является первым сообщением об одном из новых открытий — о верхнеашельской мастерской Джрабер, обнаруженной автором этих строк летом 1958 г., во время поездки с отрядом Кавказской экспедиции Института географии Академии наук СССР². Поездка эта, имевшая целью привлечение археологических данных для установления возраста четвертичных отложений и форм рельефа, способствовала открытию нескольких палеолитических памятников. Обнаружены: 1) местонахождение мустьерских орудий на пятой, верхнехозарской, или нижнехвалынской, по определению Н. В. Думитрашко, террасе правого берега р. Куры, близ сел. Юкары-Салахлы в Казахском районе Азербайджана; 2) местонахождение каменных орудий финального ашеля, залежавших на поверхности андезито-дацитовых глыбовых лав, излившихся из вулкана Малый Богутлу (определение С. П. Бальяна); пункт этот расположен в 1—1,5 км к с.-з. от сел. Верин Талин, у юго-западного подножья горы Арагац (Армения); 3) верхнеашельская мастерская Джрабер в среднем течении р. Раздан, в 23—25 км к северо-северо-востоку от Еревана³.

Мастерская Джрабер находится в 1 км к северу от сел. Джрабер (ранее Новониколаевка), в 100—150 м к западу от шоссе Ереван—Севан, на западном берегу и на склоне оврага, вначале простирающегося параллельно шоссе, а затем круто сворачивающего к каньону р. Раздан (Занга). Место находок легко установить по выходам липаритов, густо переслоенных обси-

¹ В. П. Любин. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия). — Изв. ВГО, № 2. Л., 1959.

² Состав отряда: Н. В. Думитрашко (начальник экспедиции), С. П. Бальян, Б. Б. Антонов, Б. Будагов, Е. А. Нефедьева, С. А. Бальян, Н. С. Благоволин, И. Левицкая, М. А. Бураев, О. В. Котовская, Н. К. Крицкая.

³ Пользуюсь случаем выразить мою признательность Н. В. Думитрашко за содействие успеху поисковых работ, а также участникам экспедиции и прежде всего С. П. Бальян, И. Левицкой, Е. А. Нефедьевой, Б. Будагову за непосредственную помощь в сборе материалов.

дианами, вскрытых дорожной выемкой в нескольких метрах к западу от шоссе.

Естественные выходы таких же, преимущественно черных, сургучно-красных, черно-зеленоватых и оливково-серебристых обсидианов, служивших разданским ашельцам сырьем для выделки изделий, тянутся вдоль западного борта оврага в виде малозаметных осыпей обломочного материала. А. Т. Асланян указывает, что сел. Джрабер расположено у подножья горы Гутан-Сар (Кетандаг), на 350—400-метровой денудационной террасе, врезанной в толщу долеритовых базальтов, обсидианов, липаритов и пемз⁴.

Джрабер — наиболее богатое ашельское местонахождение в среднем течении р. Раздан. За два часа поисков здесь собрано свыше 200 изделий. Материалом для их изготовления служил местный обсидиан. Основная масса находок покрыта более или менее интенсивной серо-пепельной патиной; грани слабо сглажены. Есть, однако, и очень слабо патинизированные изделия. Обилие сырья и значительные размеры естественно выкрашивающихся, а возможно, и искусственно выломанных ашельцами кусков обсидиана обусловили довольно крупные размеры джраберских изделий, которые в среднем в полтора-два раза превышают размеры орудий, изготовленных из обсидиановой гальки с близлежащего разданского ашельского местонахождения Арзни⁵.

Половину джраберской коллекции составляют ядрища — процент, небывало высокий для ашельских местонахождений в нашей стране. Ядрища очень разнообразны. В их числе: нуклеусы одноплощадочные, треугольных, овальных и прямоугольных очертаний, двуплощадочные, односторонние и двусторонние, со скальванием в противоположащих направлениях, дисковидные односторонние и двусторонние и морфологически менее определенные нуклевидные куски обсидиана. Вторую половину коллекции составляют отщепы, пластины и немногочисленные орудия: ручные рубила (4 экземпляра), остроконечники, скребла, массивные скребловидные изделия, грубые рубящие орудия (рис. 29).

Нуклеусы образуют ряд выразительных и устойчивых серий, которые в большинстве отличаются развитостью и своеобразием форм. Изобилие исходного материала обуславливало неэкономное и даже расточительное обращение с сырьем. Ядрищ, сработанных до предела, очень мало, зато экземпляры со следами одного-двух сколов многочисленны. Наиболее показательны для характеристики техники расщепления обсидиана нуклеусы одноплощадочные, преобладающие в коллекции (60 из 105). М. Э. Паничкина, впервые выделившая такие ядрища в составе нижнепалеолитических (ашельских и мустьерских) комплексов нашей страны, называет их «нуклеусами подтреугольных очертаний». Характеризуя этот тип, М. Э. Паничкина располагала лишь небольшим количеством образцов, собранных на армянских местонахождениях Сатани-Дар (верхнеашельский комплекс) Арзни и Аширабад⁶. Обильный материал Джрабера позволяет внести некоторые уточнения в ее заключение. Это прежде всего относится к самому названию нуклеусов. Наиболее существенной морфологической особенностью их является, конечно, не очертания (они могут быть треугольными, прямоугольными или близкими к четырехугольным и овальным), а наличие одной ударной площадки, с которой скальвались все отщепы, строго приуроченной к одному из краев треугольника, прямоугольника или

⁴ А. Т. Асланян. Об открытии нижнего палеолита в Лениканской котловине и его геологическом значении. — Вопросы геологии и гидрогеологии Армянской ССР, Ереван, 1956, стр. 14.

⁵ О размерах арзнинских орудий см. М. Э. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950, стр. 71.

⁶ М. Э. Паничкина. Указ. соч., стр. 56—57; е е же. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении. — КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 80, 82.

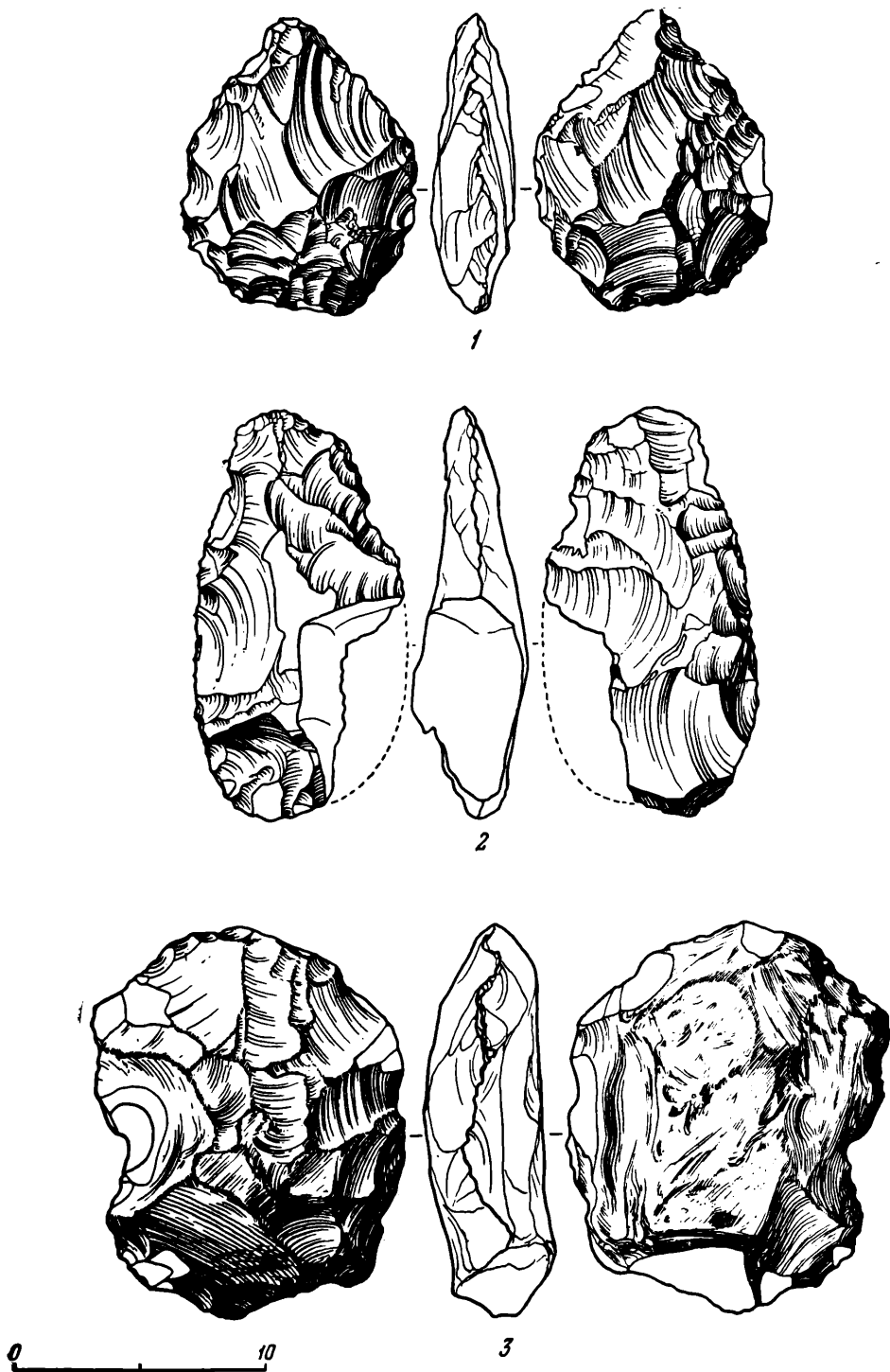

Рис. 29. Местонахождение Джрабер, верхнеашельская мастерская:
 1, 2 — ручные рубила; 3 — дисковидный нуклеус. (Обсидиан)

овала. Это позволяет предложить другое, более точное, как нам кажется, наименование этого типа ядрищ — «одноплощадочные».

Исходным материалом для одноплощадочных нуклеусов в Джрабере служили: 1) куски выламываемого или находимого в осыпях обсидиана, главным образом плитчатой и удлиненной формы. Верхушка куска отбивалась поперечным сколом, плоскость которого становилась (чаще всего после дополнительной подправки) ударной площадкой; 2) крупные массивные отщепы, один из краев которых подвергался выравниванию и использовался как площадка.

Плоскости удара (площадки) имеют, как правило, небольшую скошенность по направлению от рабочей (нижней) к тыльной (верхней) стороне и носят в подавляющем большинстве случаев следы подправки крупными и мелкими сколами. Снятие отщепов производилось только с этих площадок, в одном направлении — с рабочей стороны ядрища. Тыльную сторону, если она не была достаточно плоской и ровной, уплощали, выравнивали при помощи крупных сколов. Не всегда, однако, при этом достигалось достаточное уплощение: нередко грубая обивка лишь частично удаляла выступы и неровности, и сторона эта оставалась в общем выпуклой. Есть случаи, когда мастер совсем пренебрегал оформлением тыльной стороны и она сохраняла свои естественные неровности. В поперечном сечении 80—90% нуклеусов этой группы имеют форму сильно уплощенного овала или прямоугольника, что определялось выбором плитчатых кусков обсидиана и стремлением сделать предельно плоской тыльную сторону. Немалую роль в уплощении ядрищ играет и характер снятия отщепов и пластин с рабочей стороны. Их скальвали в одном направлении, срезая сравнительно ровными слоями эту сторону на всем ее протяжении. Скальвающие удары были хорошо рассчитанными, точными: «негативы» сколов тянутся параллельно один другому, имея вид глубоких или же едва приметных раковин, что свидетельствует о нанесении, наряду с сильными, ударов, снимающих пологие, как бы обстругивающие стесы — сколы.

Рабочая сторона одноплощадочных нуклеусов носит следы отделения длинных пластинчатых сколов. Однако есть ядрища, на которых видны негативы широких укороченных пропорций, свидетельствующие о снятии сравнительно грубых отщепов. В этом случае мы чаще всего имеем дело с поперечным вариантом одноплощадочных нуклеусов: следы сколов оставлены не вдоль, а поперек удлиненного ядрища; соответственно и отбивная площадка приурочивается не к короткому, а к длинному краю ядрища. В коллекции есть 6—7 нуклеусов этой разновидности.

Мы публикуем два типичных одноплощадочных ядрища Джрабера (рис. 30—1, 2)⁷. Размеры первого, подтреугольного: длина — 13 см, ширина — 8,8 см, толщина — 6 см; второго, овально-прямоугольных очертаний, соответственно, 11,4 × 9,8 × 4,6 см. Второй нуклеус после снятия нескольких отщепов был переоформлен в орудие с массивным поперечным рабочим краем; пристроению мелкими сколами повергся край, противоположащий широкой ударной площадке.

Морфологически весьма близок только что описанной форме второй тип джраберских ядрищ — нуклеусы двуплощадочные, или двуполусные. Этот тип нам удалось впервые выделить в 1953 г. при изучении материалов юго-осетинского ашельского местонахождения Лаше-Балта⁸. Позже он был прослежен и в других кавказских ашельских и мустьерских комплексах (Лысая Гора, Морго, Яштух, Ахабиюк, Сатани-Дар)⁹. Чтобы избе-

⁷ Места свежих повреждений на обсидианах оставлены незаштрихованными.

⁸ В. П. Люб и н. Каменный век Юго-Осетии. Автореферат диссертации. Л., 1953, стр. 13—14.

⁹ В. П. Люб и н. Нижнепалеолитические находки на Терекке. — Труды КИЧП, т. XIII, 1957, стр. 337—338, рис. 2, 1.

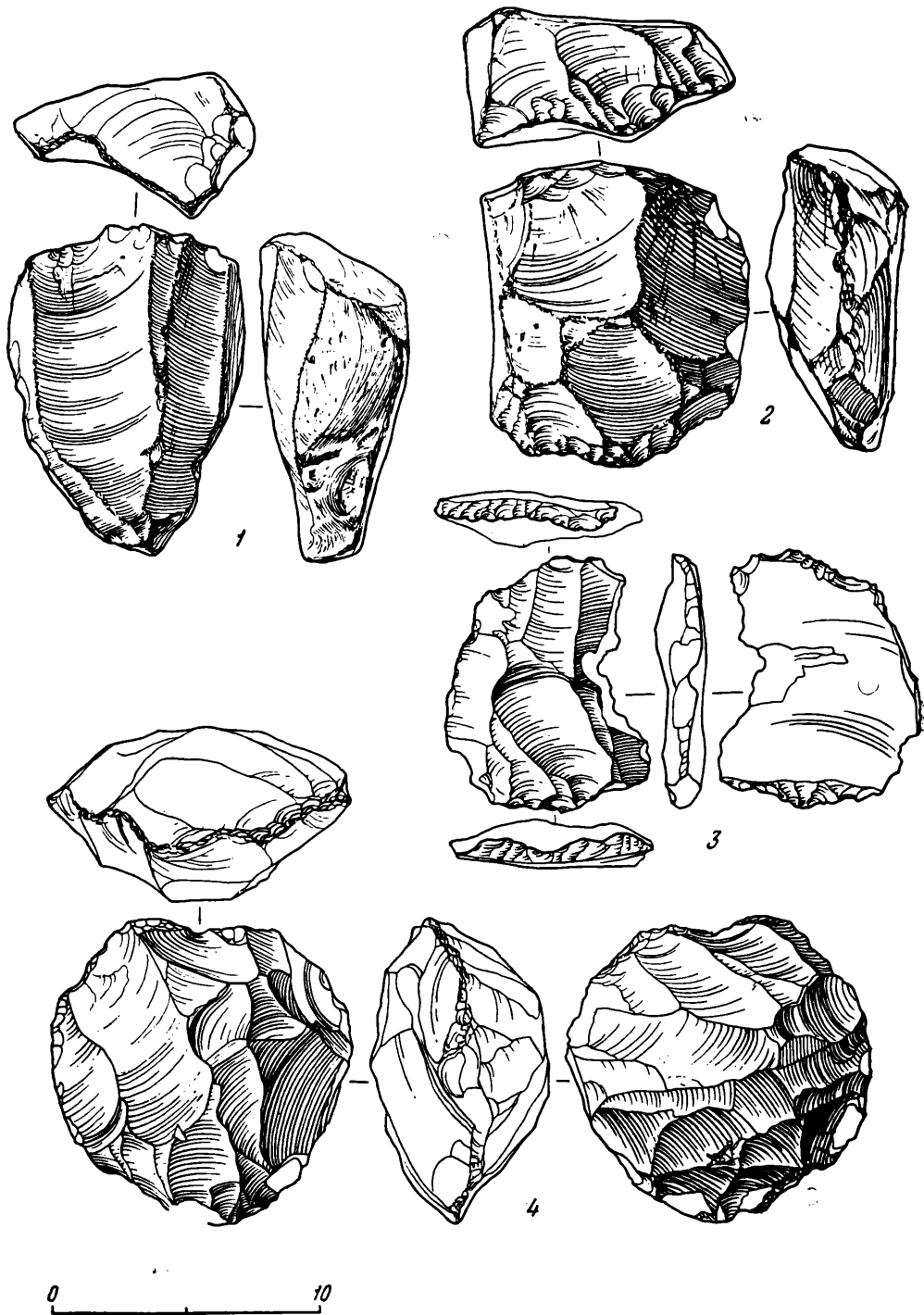

Рис. 30 Местонахождение Джрабер, верхнеашельская мастерская.

Нуклеусы: 1, 2 — одноплощадочные, треугольных и четырехугольных очертаний; 3 — двуплощадочный; 4 — дисковидный, двусторонний. (Обсидиан)

жать повторений, отметим лишь наиболее существенный его признак — скалывание отщепов с двух, специально определенных для этой цели ударных площадок. В отличие от дисковидных, эти нуклеусы носят следы сколов, идущие не от краев к центру, а навстречу один другому. Соответственно этому скалывающие удары наносились не в любую точку окружности диска, а лишь в пределах двух отбивных площадок, приуроченных к противоположащим краям ядрища. В Джрабере такие нуклеусы единичны (4 экземпляра). Из них наиболее показателен образец, изготовленный из продолговатого отщепа сургучно-красного обсидиана (рис. 30—3). Размеры его: $9,5 \times 7 \times 1,7$ см. Это — остаточное ядрище с двумя плоскостями удара. При оформлении первой мастер срезал площадку и часть отбивного бугорка отщепа, послужившего заготовкой для нуклеуса. Вторая площадка приурочена к краю, который противоположит первой площадке. Рабочая поверхность носит следы отделения четырех сколов с одной площадки и шести — с другой.

Интересна находка в Джрабере трех экземпляров новой разновидности двуплощадочных нуклеусов. В отличие от обычно встречаемых — односторонних, они носят следы отделения отщепов не с одной, а с двух сторон, со скалыванием в противоположащих направлениях. Такая разновидность как будто неизвестна в литературе. Их следует назвать ядрищами типа Джрабер. Один из них (рис. 31—3) имеет прямоугольные очертания; ударные площадки, составляющие прямые углы с направлением скалывания, хорошо оформлены крупной ретушью. Размеры ядрища $9,3 \times 8,5 \times 2$ см.

Встречена еще одна разновидность двусторонних многоплощадочных нуклеусов. Одна из сторон имеет вид обычной рабочей поверхности продольного варианта одностороннего двуплощадочного нуклеуса. Она сохраняет следы нескольких сколов, направленных навстречу один другому с противоположащих площадок. Другая сторона, обычно не подвергавшаяся утилизации, также покрыта негативами сколов, снятие которых производилось с отдельной, третьей по счету площадки (приуроченной к одному из продольных краев) уже не вдоль, а поперек ядрища. Все три площадки почти лишены подправки. Ядрище это весьма массивно. Размеры его: $13,7 \times 11 \times 5,2$ см (рис. 31—4).

Что касается нуклеусов более архаичных типов, то они представлены дисковидными (двусторонними — 8 экземпляров, и односторонними — 9 экземпляров) формами. Не все они укладываются в рамки представлений о «классических» дисковидных ядрищах. Встречены экземпляры, форма которых только намечалась обивкой, и отнести их к этой группе можно лишь условно, но есть морфологически наиболее отчетливо выраженные экземпляры (рис. 29—3; рис. 30—4). Заготовками для односторонних дисковидных нуклеусов служили массивные отщепы (в двух случаях) или уплощенные в сечении куски обсидиана (в семи случаях). Большинство ядрищ, изготовленных из кусков обсидиана, сохранило на тыльной стороне участки естественной поверхности. Лучшие экземпляры односторонних нуклеусов имеют по всей окружности дисков довольно тщательно подправленные обивкой края — площадки, с которых производилось скалывание. Рабочие поверхности покрыты веером радиально направленных фасеток сколов. На рис. 29—3 воспроизведен наиболее хорошо оформленный экземпляр нуклеуса дисковидно-овальных очертаний. Его размеры: длина — 14,7 см, ширина — 12,5 см, толщина — 4,3 см.

Двусторонние диски отличаются обычно лишь тем, что у них обе поверхности рабочие. У наилучшего образца стороны симметрично выпуклые (рис. 30—4). В нем можно видеть также дисковидное орудие — ручное рубило (?), так как один слегка выступающий и суженный участок края диска приострен мелкими сколами с двух сторон. Режущий край, огибающий диск по всей его окружности, достаточно хорошо выпрямлен. Следы

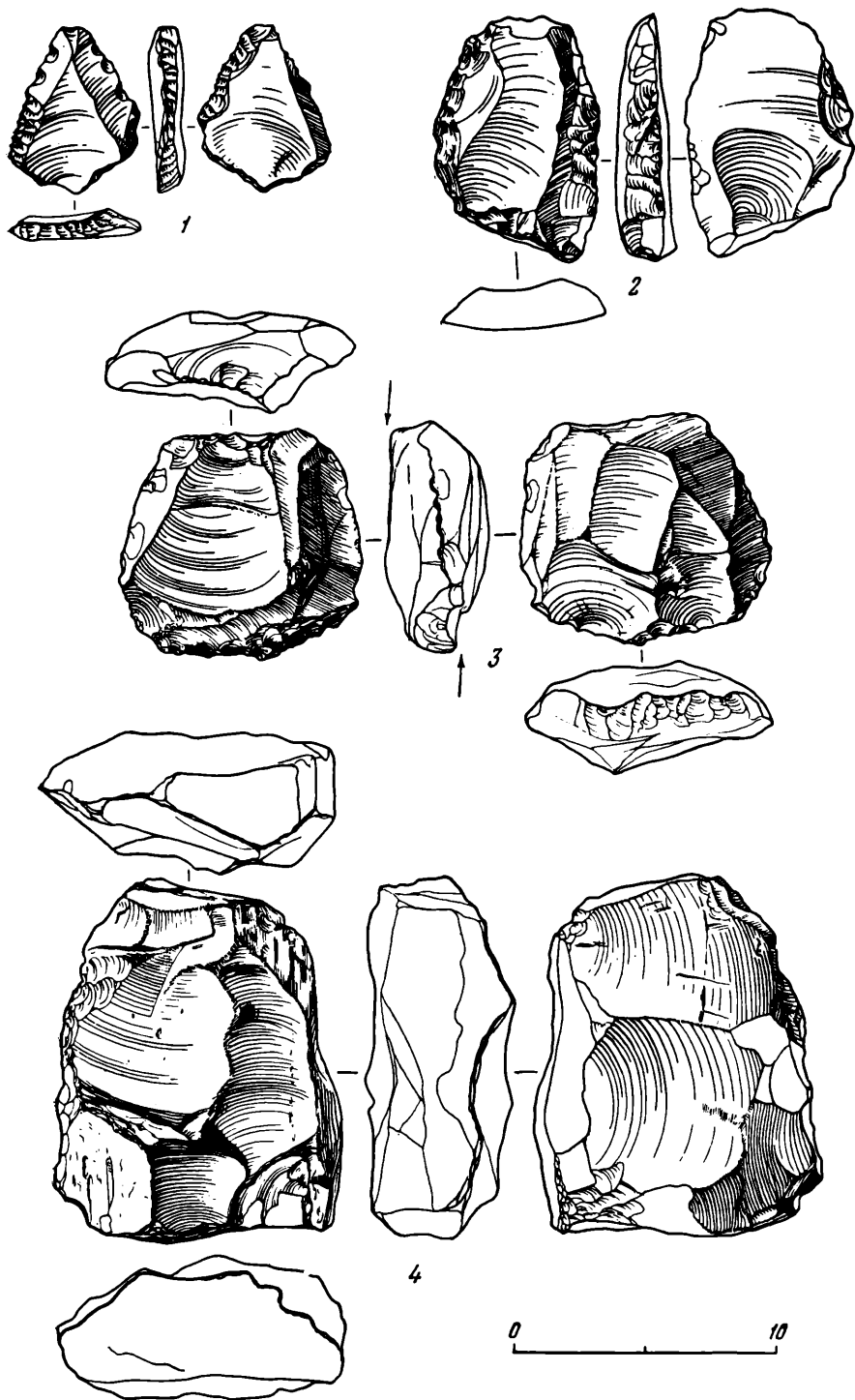

Рис. 31. Местонахождение Джрабер. Obsидиановый инвентарь:
 1 — остроконечник; 2 — скребло; 3 — нуклеус типа Джрабер (двулощадочный, двусторонний, со скаль-
 ванием в противоположащих направлениях); 4 — многоплощадочный нуклеус

сколов свидетельствуют об осторожном снятии тонких пологих отщепов. Так оформляются обычно рабочие лезвия ручных рубил. Размеры орудия: наибольший диаметр — 11,2 см, толщина — 6,3 см.

Отщепы из джраберской коллекции (свыше 100 экземпляров) вполне соответствуют ядрищам. Среди них, как и среди нуклеусов, преобладают различные формы: сколы удлиненных очертаний, с более или менее правильным ограничением спинок, с фасетированными или подправленными двумя-тремя сколами отбивными площадками. Можно выделить даже группу прямоугольных пластин и треугольных отщепов леваллуазско-мустьерского облика, со сравнительно тонким профилем, лучшим ограничением спинок, с хорошо фасетированными площадками. Три предмета — один леваллуазский и два мустьерских остроконечника — имеют ударные площадки типа «*chapeau de gendarme*» (рис. 31 — 1)¹⁰. Рабочие лезвия мустьерских остроконечников отделаны противоположащей ретушью.

Группе более архаичных ядрищ соответствуют 15—20 широких массивных отщепов, как правило, укороченных пропорций, с гладкими и скошенными площадками и другими типично клектонскими признаками.

Немногочисленные орудия представлены ручными рубилами, грубыми рубящими орудиями, скреблами, остроконечниками, скребловидными изделиями (рис. 31 — 2; рис. 29 — 1, 2). Скребло — двойное, с выпуклыми рабочими лезвиями, оформленными крупной ретушью. Ручные рубила имеют тщательно обработанные поверхности, почти прямые, отделанные повторной обивкой края; пятки отсутствуют. Одно рубило было сильно повреждено еще в древности.

*

* * *

Начало специальным исследованиям палеолита Армении положено работами С. Н. Замятнина (в Арзни и на горе Артиг) летом 1946 г.¹¹ В последующие годы М. Э. Паничкина и С. А. Сардарян провели большие исследовательские работы и выявили на территории Армении два больших очага палеолитических культур: в районе среднего течения р. Раздан и на склонах горы Артиг (Богутя).¹² В 1953 г. А. Т. Асланян установил на севере Лениканской котловины третий очаг нижнепалеолитической культуры Армении¹³. Джрабер территориально тяготеет к первому из них. Эта верхнеашельская мастерская обсидиановых орудий, расположенная непосредственно на месте выходов сырья, — первый памятник такого рода на территории нашей страны. Обилием нуклеидных форм она заметно отличается от одновозрастных ашельских комплексов Армении (позднеашельские комплексы Арзни и Сатани-Дара), представляющих остатки разрушенных стоянок. Отмеченные комплексы отличаются также небольшим количеством одноплощадных нуклеусов¹⁴, тогда как эта форма в Джрабере преобладает.

Прямой аналогии Джраберу среди известных в литературе зарубежных ашельских мастерских не найдено. Знаменитая мастерская Коммона

¹⁰ Особенностью площадок является выпуклость книзу их центральной части, что достигалось специальным фасетированием на нуклеусе участков, примыкающих с двух сторон к будущей точке удара. См. H. Kelley. Contribution à l'étude de la technique de la taille levalloisienne. — Bulletin de la Société préhistorique Française, t. LI, fasc. 3—4. Paris, 1954, p. 156—157, 169, fig. 4 et 5.

¹¹ С. Н. Замятнин. Находки нижнего палеолита в Армении. — Изв. АН Армянской ССР, № 1. Ереван, 1947, стр. 15—25.

¹² М. Э. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950; С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. Ереван, 1954.

¹³ А. Т. Асланян. Указ. соч., стр. 17.

¹⁴ М. Э. Паничкина. Палеолит Армении, стр. 56, 78.

(карьер Bultel-Tellier)¹⁵ и мастерская в карьере Каны-ля-Гаренн¹⁶ во Франции характеризуются значительно более архаичными приемами расщепления камня, когда леваллуазская техника лишь зарождалась. Мастерская Джрабер демонстрирует расцвет техники леваллуа. Здесь преобладают прогрессивные леваллуазские способы расщепления камня — изготовление нуклеусов весьма развитых форм, одноплощадочных и двухплощадочных, и соответствующих им сколов. Сохраняются, однако, и приемы более древние, восходящие к раннему ашелю и даже шеллю (наличие ядрищ дисковидных форм и клетонских отщепов).

Появление ударных площадок типа «chapeau de gendarme» также указывает на весьма зрелую стадию техники обработки леваллуа (леваллуа IV, по Брейлю и Келли)¹⁷.

Верхнеашельский облик ручных рубил и преобладание в коллекции 1958 г. леваллуазских форм позволяет предварительно датировать Джрабер верхним ашелем, в его своеобразной леваллуазской фации. К этой фации со временем нужно будет, очевидно, отнести и некоторые другие кавказские верхнеашельские комплексы¹⁸. В настоящее время наиболее близкой параллелью Джраберу служит французское местонахождение Тилле (департамент Сена и Марна), где наряду с верхнеашельскими бифасами встречаются одноплощадочные и двухплощадочные нуклеусы и многочисленные леваллуазские отщепы¹⁹.

---

¹⁵ F. Bordes et P. Fitte. L'atelier Commont. — L'anthropologie, t. 57, N 1—2, Paris, 1953, p. 1—44.

¹⁶ F. Bordes. Technique Levallois et «Levalloisien ancien». — L'anthropologie, t. 56, N 5—6, Paris, 1953, p. 554—556.

¹⁷ H. Breil et H. Kelley. Le paléolithique ancien. — Bulletin de Société préhistorique Française, t. LI, fasc. 8, Paris, 1954, p. 24.

¹⁸ Верхнеашельские комплексы Арэни и Сатани-Дара. Накопление материала позволит выделить и иные фации ашельской культуры на Кавказе. При решении этого вопроса следует, конечно, учитывать хронологическое соотношение памятников (ашельская эпоха, как кажется, — наиболее длительный период нижнего палеолита), их общественно-экономическую природу (мастерские, стоянки-мастерские, долговременные стоянки в скальных убежищах, поселения — лагеря под открытым небом), обеспеченность сырьем, силу местных традиций в обработке камня и другие обстоятельства.

¹⁹ E. Bordes. Stratigraphie du loess et évolution des industries paléolithiques dans l'ouest du bassin de Paris. — L'anthropologie, t. 56, N 5—6, Paris, 1953, p. 412—415, fig. 5—7.

Автором во время работ в районе Джрабер—Фонтан в 1959 г. обнаружено еще свыше десяти ашельских и мустьерских мастерских, на которых собрано более 50 ручных рубил и некоторое количество других орудий и многие сотни разнообразных нуклеусов и отщепов.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ХОДЖИКЕНТСКАЯ ПЕЩЕРА — НОВЫЙ
МУСТЬЕРСКИЙ ПАМЯТНИК УЗБЕКИСТАНА

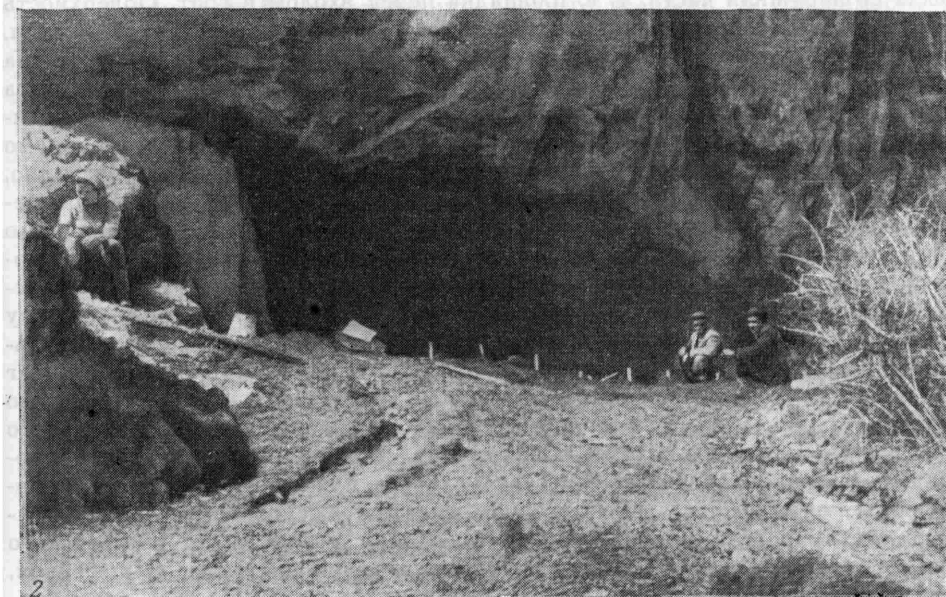
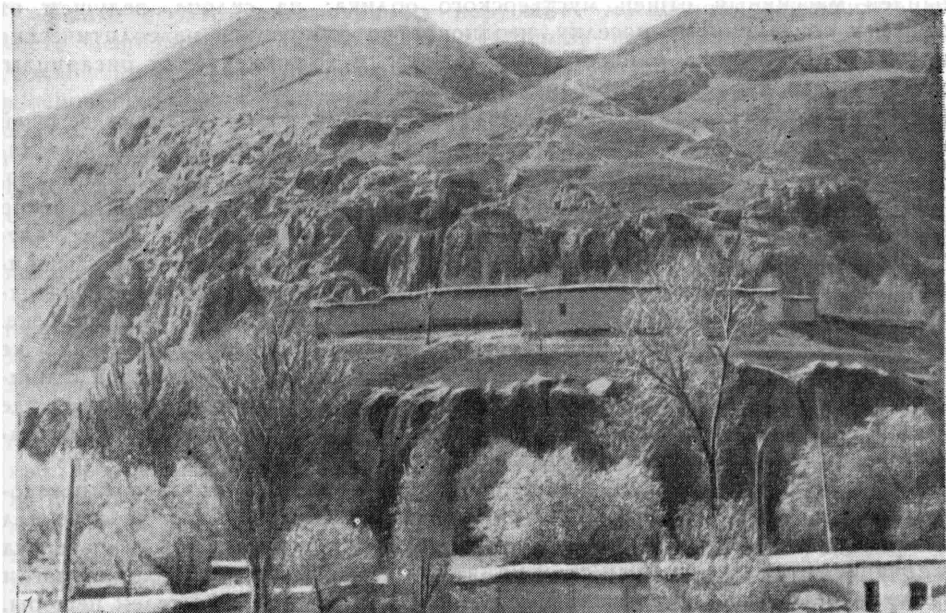
Селение Ходжикент находится в 75 км к северо-востоку от Ташкента, при слиянии рек Угам и Пскем, образующих Чирчик, на левом берегу Пскема—Чирчика. Местность, окружающая Ходжикент, на редкость живописная. Посреди селения протекает быстрый полноводный ручей, на берегу которого стоит старая древняя чинара. Над селением поднимаются известняковые скалы с многочисленными расщелинами, нишами и неглубокими гротами (рис. 32—1). Один из таких гротов, расположенный в нижней части гряды, на высоте 10—15 м над основной ходжикентской террасой, привлек к себе в 1957 г. внимание юных краеведов, которым Г. В. Парфенов поручил заняться поисками древностей в Ходжикенте, где им были обнаружены замечательные наскальные изображения. Школьники Н. Губайдулин, Ю. Лысенко, Ю. Прицеляев, С. Маленко и Е. Слепков нашли в гроте, на поверхности, изготовленные древним человеком каменные пластины. Находками школьников заинтересовался В. П. Любин, той же весной посетивший пещеру и установивший мустьерский возраст находок.

Весной 1958 г., по поручению Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, палеолитическая экспедиция Института истории и археологии¹ выехала в Ходжикент и приступила к раскопкам грота².

Ходжикентский грот, служивший убежищем древним людям, неглубокий, открыт на северо-запад. Высота его в средней части, у входа, достигает 2,5 м, глубина не более 4 м. Ширина входа — до 6 м (рис. 32—2). Скальный пол, почти на две трети поверхности обнаженный, без рыхлых наслоений, круто поднимается от входа к задней стенке грота. Перед входом — небольшая, довольно ровная площадка, которую пересекает невысокий расплывшийся вал, возможно, образовавшийся за счет выброса из пещеры. На площадке и частично в наружной части грота был заложен раскоп размерами 6 × 6 м. Установлено, что в восточной части грота, у выхода, на небольшой глубине сохранился слой желтой вязкой глины, в котором *in situ* находились культурные остатки, относящиеся к мустьерскому периоду. В западной, т. е. внутренней части грота культурный слой не сохранился. За пределами грота залегает мощный гумусированный слой, толщина которого увеличивается, по мере удаления от входа, соответственно

¹ Состав экспедиции: А. П. Окладников (начальник экспедиции), Э. А. Абрамова, В. И. Сенчуков, М. Касымов, Х. Насретдинов, Ю. Буряков, К. Бирюлина.

² А. П. Окладников. Работы палеолитического отряда в 1958 г. (предварительное сообщение) — Изв. АН Узбекской ССР, серия общественных наук, № 4, 1958, стр. 55.

Рис. 32. Ходжикент:

1 — общий вид селения; *2* — вход в пещеру

падению скального основания. На поверхности этого слоя и в самом слое изредка встречаются в переотложенном состоянии мустьерские изделия, а также обломки керамики XIV—XVI вв. н. э.

К западу от грота расположен второй грот. На поверхности перед ним найден массивный отщеп мустьерского облика; на склоне, ведущем от пещер к современному поселку, неоднократно собирались палеолитические изделия. На участке, ближайшем к известным ходжикентским писаницам, мною найден нуклеус из роговика.

Во время раскопок на площадке перед гротом, после удаления верхней мешаной толщи рыхлых отложений позднесредневекового времени, выяснилось, что собственно культурный слой или, вернее, нижняя часть его, оставшаяся непотревоженной в позднейшее время, залегал непосредственно на скальной поверхности. Культурный слой с уцелевшими на месте изделиями мустьерского времени состоял из довольно мелкой щебенки, смешанной с желтой глиной, в которой и находились обработанные камни. Поверхность дна пещеры полого снижается по склону на северо-запад, к реке. Внутренняя часть площадки, перекрытая сверху козырьком грота, как уже отмечалось, почти лишена рыхлых отложений и находок. Небольшой глинистый покров сохранился только в самой глубинной части грота, там, где он делится на две небольшие развилки. Затем глинистый слой выклинивается на расстоянии 2 м, и обнажается скала.

Учитывая, что отложения пещеры были нарушены в позднесредневековое время, можно предположить, что они первоначально покрывали ее пол сплошным чехлом. Верхняя часть пещеры, по-видимому, была заселена в древности, но культурный слой изъят оттуда, а остальные находки могли сползти вниз. Основным местом, где протекала жизнь обитателей пещеры, была ее наружная часть, т. е. площадка перед входом в грот. Поверхность скалы на этом участке ровная, с небольшими расщелинами и углублениями, заполненными глиной с отщепами и пластинами мустьерского времени. На внешнем краю площадки в мустьерском слое сохранились остатки очага (квадрат Д₃). Это небольшое скопление древесного угля или, точнее, углистой массы, очень плохой сохранности, толщиной до 1 см, залегало прямо на скальном дне, на расстоянии 2 м от края козырька пещеры. Очевидно, очаг горел вне ее, перед входом. Скопление углистой массы, диаметром несколько более 0,4 м, имело неправильно-округлую форму. Слой древесного угля в средней части очага (там, где он всего толще), рыхлый, распадающийся на отдельные крупинки, был перекрыт здесь пятном буровато-красной земли. Это, несомненно, результат длительного обжига глины. Почему жженный слой оказался над углем — неясно, но возможно, что это результат оплывания глины из части очага, расположенной вверх по склону. Очаг перекрыт мелкой щебенкой, составляющей культурный слой мустьерского времени. Таким образом, очаг был на 8—10 см ниже основного культурного слоя, т. е., очевидно, спущен в глину под «полом» обитаемой части площадки. Камни, на которых залегала углистая прослойка, почернели и покрылись копотью. Отдельные угольки и пятна жженной земли распространены и за пределами очага. Выше прослойки щебня, т. е. мустьерского культурного слоя, над очагом залегала смешанная глина с щебенкой, также относящаяся к мустьерскому времени.

На расстоянии 0,3 м к западу от очага (квадрат Г₄) обнаружено скопление обработанного камня и галечек, заполнявших небольшое углубление в скале. Это превосходные крупные пластины из кремнистого известняка и изверженных пород и такие же крупные отщепы, которых, однако, значительно меньше. Пластины и отщепы лежали плашмя или слегка наклонно между кусками щебенки. Одна из пластин торчала почти вертикально, острием вверх. Здесь встречены также обломки двух нуклеусов и куски обработанной, но почти полностью разрушенной элювиальными процес-

сами породы желтовато-серого цвета, которые попадались и в других частях раскопа. Галечек найдено около десятка, наиболее крупные из них — длиной до 10 см. Рассеяны эти гальки более или менее равномерно, и создается впечатление, что они имели какое-то хозяйственное значение, возможно, их использовали при варке пищи.

Таким образом, несмотря на нарушение наслоений, оставшихся на месте пещерного жилища людей каменного века, раскопки в первом Ходжикентском гроте выявили достаточно определенную бытовую картину, в основе сходную с той, которую мы наблюдали в Тешик-Таше. Древние обитатели и здесь использовали для обитания широко открытый сухой грот, свод которого надежно защищал их от дождя и снега в зимнее время. Центром жизни здесь, как и в Тешик-Таше, был очаг. Он представлял собой простое огнище, разожженное прямо на полу грота.

Жители грота охотились на диких животных, о чем свидетельствует находка рога козла (*Capra sibirica*), такого же, как в Тешик-Таше.

Каменный инвентарь пещерного поселения в Ходжикенте, собранный при раскопках 1958 г., относительно невелик. Он состоит всего из 374 предметов, но в целом представляет выдержанный и яркий комплекс, относящийся, несомненно, к одному отрезку времени.

Основным сырьем для изготовления орудий служил здесь, как и в Тешик-Таше, кремнистый темно-серый известняк, добывавшийся не из коренных выходов, а из галечно-валунных отложений. Это видно из того, что на некоторых нуклеусах и на многих отщепках и пластинах остались участки первоначальной поверхности — корки валуна и булыжника. Такие валуны из кремнистого известняка, окатанные и отшлифованные рекой, в изобилии встречаются в галечных толщах древнего аллювия более высоких террас, а также и той террасы, которая соответствует уровню дна Ходжикентского грота, служившего местом обитания древнего человека. В зависимости от условий залегания и, очевидно, различной плотности и устойчивости отдельных образцов против химического выветривания, изделия из этого камня различны по степени сохранности. Есть великолепно сохранившиеся предметы густого темно-серого или даже почти черного цвета, но есть предметы светло-серого или даже беловатого цвета, с сильно разрушенной поверхностью, как бы мучнистой на ощупь. Найдены даже отдельные изделия из наиболее мягкого известняка, настолько разрушенные, что сохранить их форму можно было только при условии предварительной консервации на месте, в слое.

На втором месте по обилию стоят изделия из плотной, хорошо поддающейся обработке мелкокристаллической породы черного цвета, может быть, из метаморфизованных сланцев. Реже встречаются вещи, изготовленные из породы типа розового известняка или песчаника, а также из настоящего, но весьма грубого непрозрачного кремня белого цвета.

Среди изделий больше всего отщепов — 160 экземпляров, осколков — 80; затем следуют относительно крупные пластины — 49 экземпляров, и более мелкие — 13 экземпляров. Некоторые пластины имеют по краям следы ретуши, а четыре представляют собой своеобразные острия, о которых речь будет дальше. Сколотые с обитых галек и нуклеусов неправильные куски — «отёски» обнаружены в количестве 5 экземпляров. Нуклеусов — 36, т. е. почти каждый десятый предмет, найденный в Ходжикентской пещере, — нуклеус — явление необычное и очень характерное, с бытовой стороны. Более детальное ознакомление с коллекцией следует начать с нуклеусов (рис. 33), дающих представление об уровне развития и приемах обработки камня, а следовательно, и об общем уровне культуры обитателей пещеры. Среди нуклеусов есть типично мустьерский образец — дисковидный, характерной чечевицеобразной формы; одна сторона его, более плоская, представляет площадку, по краю которой наносились удары.

Противоположная, более выпуклая сторона, служила поверхностью, от которой отделялись отщепы и пластины. Этот нуклеус (№ 338) изготовлен из темно-серой мелкокристаллической породы. Со стороны площадки на нем сохранилась часть галечной корки. Вдоль края площадка подправлена широкими и довольно крутыми сколами. С противоположной стороны имеются широкие и плоские фасетки, сходящиеся в середине изделия. Диаметр нуклеуса 9,3 см, толщина 0,4 см.

К числу таких нуклеусов, хотя и не очень типичных, принадлежит и единственный, изготовленный из кремня. Одна сторона его представляет брюшко крупного массивного отщепы и частично подправлена мелкими фасетками по краям. Противоположная поверхность несет следы отщепов, снятых рядом ударов, направленных от краев к центру. Характерно при этом, что оба типично дисковидных или чечевицеобразных нуклеуса грубы по облику и лишены строго выраженной правильной формы огранки. Иначе выглядят другие нуклеусы, количественно преобладающие в коллекции. Это основной тип нуклеусов Ходжикентского грота — одноплощадочные и двуплощадочные, леваллуазских форм. Площадки их скошены по отношению к плоскостям снятия пластин, а перпендикулярны им, т. е. расположены не под косым, а под прямым углом, что сближает их с нуклеусами позднейшего, призматического типа. Близки они также и по характеру фасеток, оставшихся на месте снятых пластин. Фасетки обычно параллельны друг другу, нередко очень правильные и длинные. Таков самый крупный нуклеус коллекции (длина его — 11 см, наибольший диаметр площадки — 6 см)³. Он двуплощадочный и сохранил на широкой поверхности галечную корку. Другая поверхность покрыта фасетками сколов, снимавшихся с двух противоположных концов. При этом, однако, оформленная площадка одна — она образована поперечным сколом. Второй площадкой служит утоненная выпуклая грань гальки. Второй такой нуклеус короче, но массивнее⁴. С одного его края — поперечная площадка, оформленная одним сколом; такими же сколами оформлены и соседние края, от которых тоже делались раньше сколы, причем последний был широким и коротким. Это явно неудачный удар, и потому нуклеус был брошен из-за непригодности к дальнейшему использованию.

В числе нуклеусов этой категории есть не только массивные, но и плоские и при этом уже не двуплощадочные, а одноплощадочные (рис. 33 — 6)⁵. Площадка перпендикулярна плоскости снятия пластин, реже — слегка скошена. У всех нуклеусов на нижней стороне уцелела корка валуна или булыжника, взятых как исходный материал. У двух нуклеусов такого рода площадки слегка скошены и тщательно обработаны очень мелкой ретушью⁶. С первого взгляда они напоминают массивные скребловидные лезвия. Нуклеусы последней группы отличаются своеобразной треугольной формой. У них плоское широкое основание, на котором они могут твердо стоять, и дугобразная или полулунная острая вершина с характерным волнистым краем, от которого, как от площадки, в обе стороны снимались отщепы. Размеры этих нуклеусов невелики, наибольший диаметр их основания равен 6; 4,2; 5,3 см (рис. 33 — 3, 5)⁷.

Среди отщепов из Ходжикентского грота есть типичные треугольные мустьерские, широких пропорций. У них, как правило, характерно скошены площадки, соответствующие обычному дисковидному нуклеусу.

³ Коллекционный номер 353.

⁴ Коллекционный номер 46.

⁵ Коллекционные номера № 47, 119, 265.

⁶ Коллекционные номера 93, 195.

⁷ Коллекционные номера 120, 265, 340.

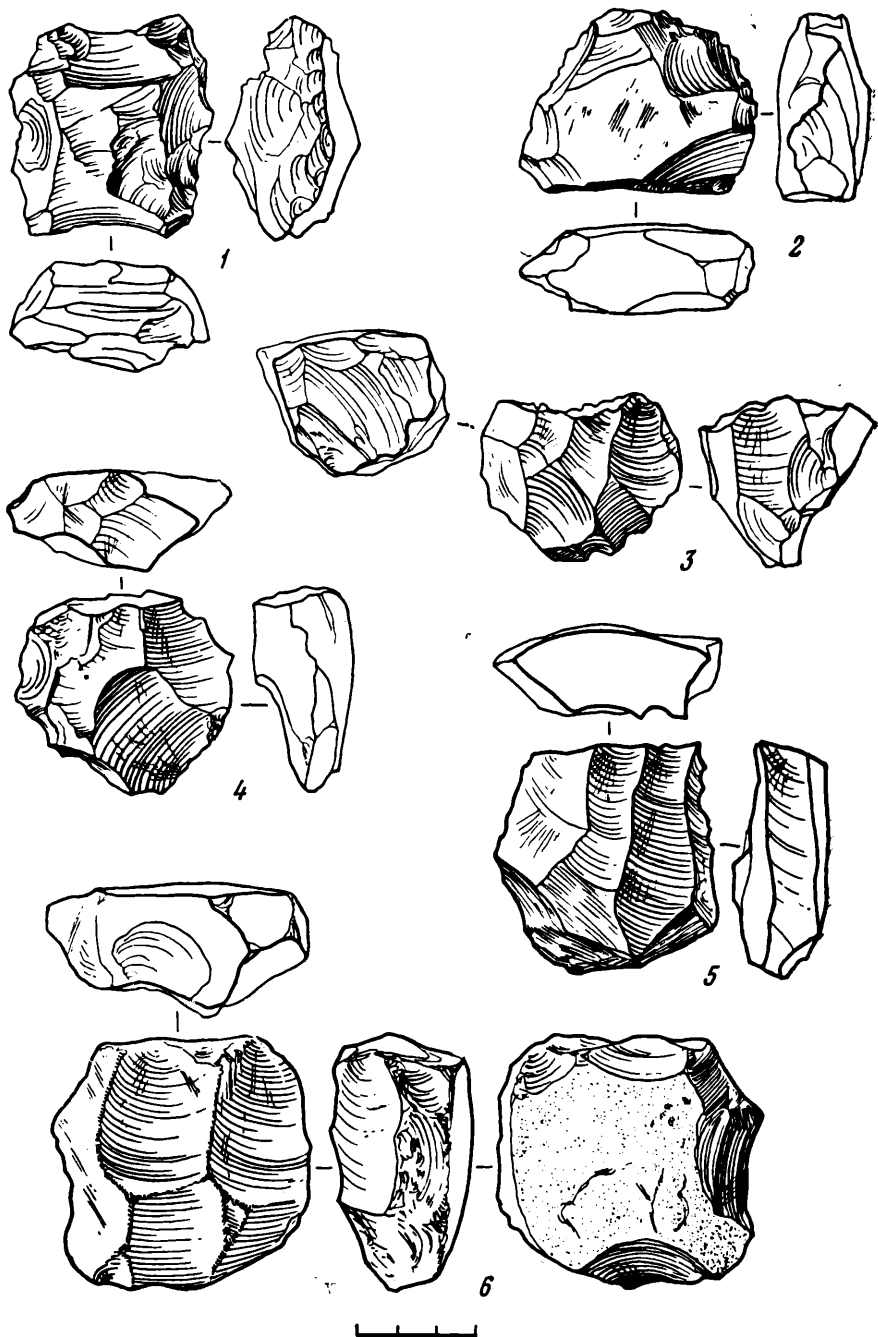

Рис. 33. Ходжикент. Нуклеусы (1—6)

Выдающееся место в инвентаре пещеры занимают пластины иного рода, относительно широкие, иногда узкие, но длинные. Они могут быть разделены на две группы. В первую входят самые крупные изделия коллекции. Это «первичные» пластины, снятые с ребра гальки-нуклеуса в самом начале его утилизации. У них поэтому сохранилась на одной боковой грани гладкая валунная корка. Пластины характерной формы — в виде удлиненных узких треугольников, массивных в сечении. На спинке их три грани. Площадка плоская, перпендикулярная длинной оси пластины, иногда изогнутая в виде лука. Таковы, например, три пластины (рис. 34—3, 7)⁸. Первая длиной 14,6 см при максимальной ширине 4 см. У нее на спинке три грани, одна из которых, боковая, является, как сказано выше, поверхностью взятой первоначально гальки. Ударный бугорок выражен нерезко; метка от удара четкая, ориентирована вдоль длинной оси изделия. Другие пластины, снятые с середины нуклеуса, как правило, тоже крупные и длинные, имеют по две, по три и более граней на спинке. У некоторых из них⁹ площадка несет следы подправки на нуклеусе, у других площадки гладкие.

Готовых, законченных орудий встречено шесть: широкая, крупная пластина с тремя параллельными гранями на спинке, обработанная вдоль обоих краев тонкой и тщательной ретушью, очевидно, служившая режущим инструментом; массивный остроконечник треугольных очертаний, изготовленный из отщепа, сколотого с гальки, о чем свидетельствует сохранившаяся часть галечной корки на одной стороне орудия; этот край оформлен несколькими сколами. Противоположная сторона имеет глубокую раковину — «негатив» сколотой ранее пластины. Края орудия здесь оформлены широкими фасетками сколов. В целом изделие можно назвать грубым, двусторонне обработанным остроконечником. Длина его 9 см, ширина в основании 6,8 см (рис. 34—6). Четыре других изделия — однотипны (рис. 34—1, 2, 5)¹⁰. Это широкие пластины обычного для памятника вида, у которых один длинный край обработан ретушью. На двух экземплярах ретушь легкая и довольно тщательная, но не выпадающая из обычных мустьерских норм. На двух других она крутая, грубая, как бы пильчатая. Обработанные ретушью лезвия пластин дугообразно-выпуклые, тогда как противоположные края прямые или даже слегка вогнутые (№ 354).

В заключение следует отметить большую плоскую гальку — кайрак. С одной ее стороны — шесть неглубоких лунок — ямок. Галька, видимо, служила своего рода наковальней, подставкой, на которой обрабатывали камень.

В целом комплекс находок из Ходжикентского грота имеет мустьерский облик, о чем свидетельствуют формы нуклеусов, пластин и отщепов. В этом можно убедиться, сравнивая ходжикентский материал с классическим для Средней Азии мустьерским инвентарем из Тешик-Таша, где известны такие же дисковидные нуклеусы в виде чечевицы или своеобразной треугольной формы, описанной выше, а также аналогичные отщепы и пластины. Двусторонне обработанный остроконечник (№ 278) напоминает два грубых рубила из Тешик-Таша; он тоже, возможно, представляет своего рода «пережиточную форму», унаследованную от более раннего времени. Есть в Тешик-Таше и пластины с одним дугообразно-выпуклым ретушированным лезвием, напоминающие пластины типа Шательперрон¹¹.

⁸ Коллекционные номера 63, 198, 356.

⁹ Например, коллекционные номера 17 и 199.

¹⁰ Коллекционные номера 1, 126, 320, 354.

¹¹ А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, южный Узбекистан (Средняя Азия). В сб. «Тешик-Таш». Изд. МГУ, 1949, рис. 31—4,5; рис. 35—3; рис. 36—8.

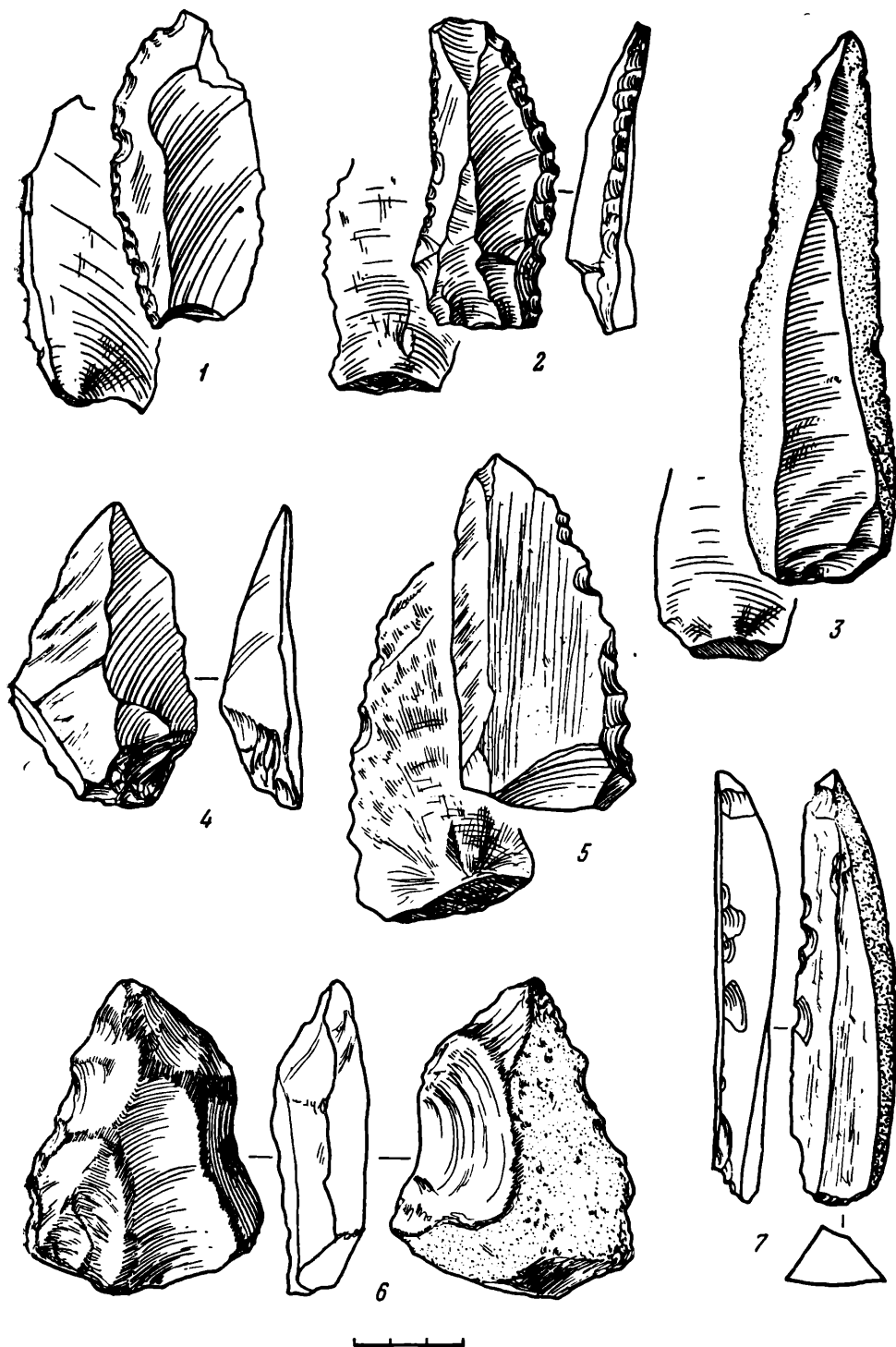

Рис. 34. Ходжикент. Каменный инвентарь:

1, 2, 5 — пластины с ретушью; 3, 7 — пластины; 4 — отщеп; 6 — грубый двусторонне обработанный остроконечник

Однако в инвентаре Тешик-Таша абсолютно господствуют обычные дисковидные нуклеусы чечевицеобразной формы, тогда как в Ходжикентском гроте столь же определенно преобладают одноплощадочные и двухплощадочные нуклеусы, с площадкой, перпендикулярной направлению ударов, которыми скалывались отщепы и пластины, т. е. приближающиеся к призматическим. Эта черта характерна для древней леваллуазской техники обработки камня и появления ее в данном памятнике, материалы которого, имеют характер целостного хронологического комплекса, очень важно.

Таким образом, находками в Ходжикенте представлен своеобразный, новый для Средней Азии пещерный комплекс мустьерско-леваллуазской культуры, отличный от тешик-ташского. В связи с этим следует отметить, что и в Тешик-Таше были встречены крупные длинные пластины, снятые, по-видимому, с нуклеусов одноплощадочного и двухплощадочного типов, аналогичных ходжикентским, но не в нижних слоях, а вверху, в первом слое¹². Возможно поэтому находки из Ходжикентского грота сопоставить по времени с этим именно слоем Тешик-Таша. Кроме того, интересно, что в открытых мустьерских местонахождениях Кайрак-Кумов, в долине Сыр-Дарьи, у Ленинабада (б. Ходжента), в ряде пунктов в изобилии представлены длинные правильные пластины, сходные с описанными выше из Ходжикента. Там же встречены превосходные нуклеусы леваллуазских форм¹³.

Все это вместе взятое ставит на очередь сложную и большую проблему культурных и хронологических взаимоотношений мустьерских памятников Средней Азии. Центральное место в этой проблеме занимают вопросы о происхождении среднеазиатских леваллуазских форм каменных изделий и о соответственной технике обработки камня.

*

* *

Ходжикентский грот, в котором обнаружены характерные изделия мустьерско-леваллуазских форм, является одним из важнейших памятников палеолита Средней Азии. Кроме чисто археологического значения этих находок, существенно дополняющих и углубляющих наши представления о древнейшей культуре Средней Азии, они очень важны и для четвертичной геологии страны, для истории формирования ее современных ландшафтов, так как Ходжикентский грот занимает определенное положение в шкале речных террас Чирчика, Пскема и Угама. Он связан с одной из террасовых поверхностей этого участка.

Совместное изучение Ходжикентского грота археологами и геологами должно, следовательно, явиться одним из первых шагов к построению единой культурно-хронологической шкалы каменного века и четвертичной истории Узбекистана.

¹² А. П. Окладников. Указ. соч., рис. 31—3, 4, 5.

¹³ А. П. Окладников. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Сыр-Дарьи осенью 1955 года. Археологические работы в Таджикистане в 1955 году.—Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, т. XIII. Сталинабад, 1956.

А. П. ЧЕРНЫШ

МУСТЬЕРСКИЕ СЛОИ СТОЯНКИ МОЛОДОВА V¹

На территории СССР в настоящее время известно несколько десятков стоянок и местонахождений мустьерского времени. Подавляющее большинство стоянок — пещерные; из мустьерских поселений открытого типа исследованы лишь очень немногие. Среди них в первую очередь следует указать изучавшуюся С. Н. Замятниным Сталинградскую стоянку, С. Н. Замятниным и В. А. Городцовым Ильскую стоянку, стоянку Кодак и, наконец, изучавшуюся Д. А. Крайновым Бахчисарайскую стоянку, хотя последняя, по-видимому, была связана с пещерным навесом, разрушившимся от времени².

Как видим, список изученных стоянок открытого типа крайне мал, хотя такие среднепалеолитические памятники имеют огромное значение для выявления особенностей развития культуры среднего палеолита на нашей территории. Они также исключительно важны с геологической точки зрения, так как дают возможность увязки их с определенными террасами, что значительно труднее осуществить для пещерных памятников. Последнее же имеет прямое отношение к решению проблемы о геологическом возрасте палеолита вообще и среднего палеолита в частности. Поэтому исследование каждого нового мустьерского памятника открытого типа особенно интересно, тем более в районе, где до последних лет раскопок среднепалеолитических стоянок вообще не производилось. Речь идет о Среднем Поднестровье, где были известны стоянки и местонахождения мустьерского времени (Хотин, Сокол, Бабин, Нагоряне, Молодова I, Молодова III, Ожево, Субботовка, Касперовцы, Букивна, Ивановка)³, но ни на одном из перечисленных пунктов, несмотря на наличие в нескольких случаях культурного слоя в непереотложенном состоянии, не были осуществлены раскопки. Лишь в недавнее время на территории Среднего

¹ Сообщение на секторе неолита и бронзы ИИМК АН СССР 15 ноября 1958 г.

² С. Н. Замятнин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. — Труды Второй конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934; В. А. Городцов. Ильская палеолитическая стоянка. — Бюллетень КИЧП, вып. 6—7, 1940; его же. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки. — МИА, № 2, 1941; Д. А. Крайнов. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. — Бюллетень КИЧП, вып. 9, 1947.

³ П. І. Борисковський. Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Наддністрянщини. — Археологія, IV, 1950, Київ; О. П. Черныш. Карта палеоліту УРСР. — Наукові записки Інституту сусільних наук, т. 2, Київ, 1954; его же. Мустьерские местонахождения Среднего Поднестровья. — КСИИМК, вып. XLVIII, 1952; J. Botez. Recherches de paléontologie humaine au nord de la Bessarabie. Extrait des «Annales scientifiques de l'Université de Jassy», t. XVII, fasc. 3—4, Jassy 1933; N. Moroşan. Le pleistocène et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. Bucuresti 1938.

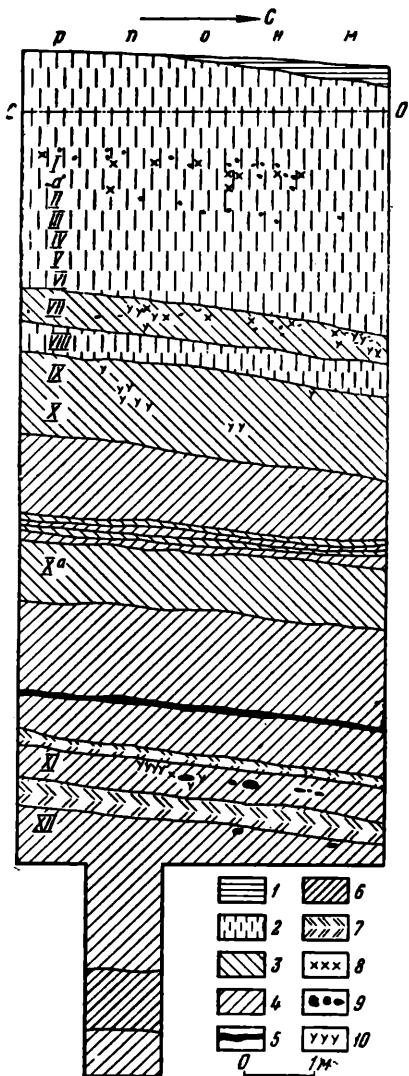

Рис. 35. Стоянка Молодова V. Разрез стенки раскопа 1958 г.:

1 — бурый суглинок; 2 — светло-желтый лессовидный суглинок; 3 — коричневый суглинок; 4 — светлый желто-коричневый суглинок; 5 — сажистая полоска; 6 — серо-коричневые суглинки с прослойками песка; 7 — серый суглинок; 8 — кремневые изделия; 9 — остатки фауны; 10 — остатки угля; I—XII — культурные горизонты стоянки

Поднестровья проведены исследования среднепалеолитических слоев многослойных стоянок Молодова V и Молодова I.

В настоящей статье мы остановимся на слоях мустьерского времени на стоянке открытого типа — Молодова V, расположенной на правом берегу Днестра, возле с. Молодова Кельменецкого района Черновицкой области, на мысообразном выступе, на высоте 50—70 м над уровнем Днестра. По высоте этот пункт соответствует уровню третьей надпойменной террасы. Во время раскопок стоянки прослежено 14 горизонтов с одновременными культурными остатками⁴, залегающими в склоновых отложениях делювиального, солифлюкционного и пролювиального характера, как это определила специальная комиссия⁵, работавшая в 1958 г.

Первые сведения о возможности залегания на стоянке Молодова V остатков поселений, более древних, чем позднепалеолитические, получены еще в 1955 г., когда на площади контрольных траншей, заложенных с целью уточнения геологических наслоений, залегающих глубже позднепалеолитических поселений, на значительной глубине (9,0—9,2 м и 9,6—9,8 м от уровня поверхности на участке раскопа 1955 г.) были прослежены остатки ископаемой фауны (ранний вид мамонта), остатки угля и кремневые изделия с признаками среднепалеолитической техники.

В связи с этим в 1958 г. возле южной контрольной траншеи 1955 г. — участка, наиболее насыщенного культурными остатками среднепалеолитического облика, был разбит раскоп, площадью 32,5 кв. м (6,5 × 5 м), в котором Днестровской экспедицией Института общественных наук АН УССР (работавшей под руководством автора) обнаружены остатки двух культурных горизонтов (XI и XII) среднепалеолитического времени.

В юго-западном углу раскопа 1958 г. зафиксирован следующий разрез (рис. 35):

⁴ См. А. П. Черныш. Многослойная стоянка Молодова V. — КСИИМК, вып. 67, 1957; его же. Исследования стоянки Молодова V в 1955 г. — КСИИМК, вып. LXXIII, 1959.

⁵ В составе комиссии приняли участие геологи А. И. Москвитин, Г. И. Горецкий, В. В. Попов, И. К. Иванова, палеонтолог Э. А. Вангенгейм, географ А. А. Величко, археолог А. Н. Рогачев и руководитель работ в Молодове А. П. Черныш.

1. 0—3,25 м. Светло-желтый лёссовидный суглинок.
2. 3,25—3,7 м. Коричневый суглинок.
3. 3,7—4,15 м. Светло-желтый суглинок.
4. 4,15—5,3 м. Коричневый суглинок.
5. 5,3—6,32 м. Светлый желто-коричневый суглинок.
6. 6,32—6,4 м. Коричневый суглинок.
7. 6,4—6,52 м. Светлый желто-коричневый суглинок.
8. 6,52—6,62 м. Коричневый суглинок.
9. 6,62—6,70 м. Светлый желто-коричневый суглинок.
10. 6,7—7,5 м. Коричневый суглинок.
11. 7,5—8,7 м. Светлый желто-коричневый суглинок.
12. 8,7—8,75 м. Сажистая полоска.
13. 8,75—9,2 м. Светлый желто-коричневый суглинок.
14. 9,2—9,4 м. Серый суглинок.
15. 9,4—9,85 м. Светлый желто-коричневый суглинок.
16. 9,85—10,25 м. Серый суглинок.
17. 10,25—10,65 м. Светлый желто-коричневый суглинок.

Все наслоения, соответственно рельефу поверхности, понижались в северном и восточном направлениях⁶.

Одиннадцатый горизонт культурных остатков на стоянке Молодова V, по данным 1958 г., наблюдался в светлых желто-коричневых суглинках (наслоение 15), на глубине 9,5—9,7 м от поверхности (7,9—8,1 м от нулевой отметки), ниже прослойки серых суглинков. Мощность залегания культурного горизонта, который, соответственно рельефу поверхности, также понижался в северном и восточном направлениях, составляла в среднем 0,2 м. Прослежен XI горизонт на глубине 1,0—1,2 м, ниже сажистой полоски, выявленной на стоянках Молодова V и Молодова I.

На исследованной площади в XI горизонте обнаружены, кроме кремневых изделий, остатки фауны, угля и следы от кострища. Культурные остатки на изученном в 1958 г. участке наблюдались в виде двух скоплений — северо-западного и восточного (рис. 36—1), открытым лишь частично вследствие небольших размеров участка.

Северо-западное скопление, овальной формы (3,5 × 4,0 м), занимало квадраты VIM-P, VM-II, IVM-O, III-ON. Здесь встречены бивень (длиной около 1 м) и обломки трех тазовых костей мамонта, обломки двух лопаток, ребра, обломки трубчатых костей, берцовая кость, позвонки. Найдены также кремневые изделия. На квадрате V-IV0 открыто круглое очажное пятно, размером 0,6 × 0,6 м, с остатками древесного угля и сажистой массы. Вокруг кострища отмечены кремневые обломки.

Край второго, восточного скопления, размером 3 × 2 м, наблюдался на квадратах IIH-II, 2H-O. Оно продолжалось на восток, в неисследованную часть стоянки, тогда как северо-западное скопление было распространено к северо-западу. В границах второго скопления встречены кремневые изделия, обломок бивня, ребра, часть челюсти, две лопатки, позвонки и кусок трубчатой кости мамонта. Возможно, что эти скопления являются остатками шалашеобразных сооружений для жилья, что можно будет определить лишь после дальнейших исследований. В квадрате IIР, на глубине 8,15—8,2 м от нулевой линии, обнаружено скопление кремневых остатков. В его границах собрано 60 кремневых изделий, среди них 2 нуклеуса. Видимо, на этом месте обрабатывался кремний.

В XI горизонте стоянки Молодова V обнаружено 336 кремневых изделий (рис. 37). В том числе: 12 нуклеусов, 220 отщепов, 35 пластин,

⁶ Члены Комиссии — геологи определили коричневый суглинок (наслоение 2) как ископаемую почву, а свиту наслоений 4—10 также отнесли к ископаемым почвам, но к более древнему горизонту.

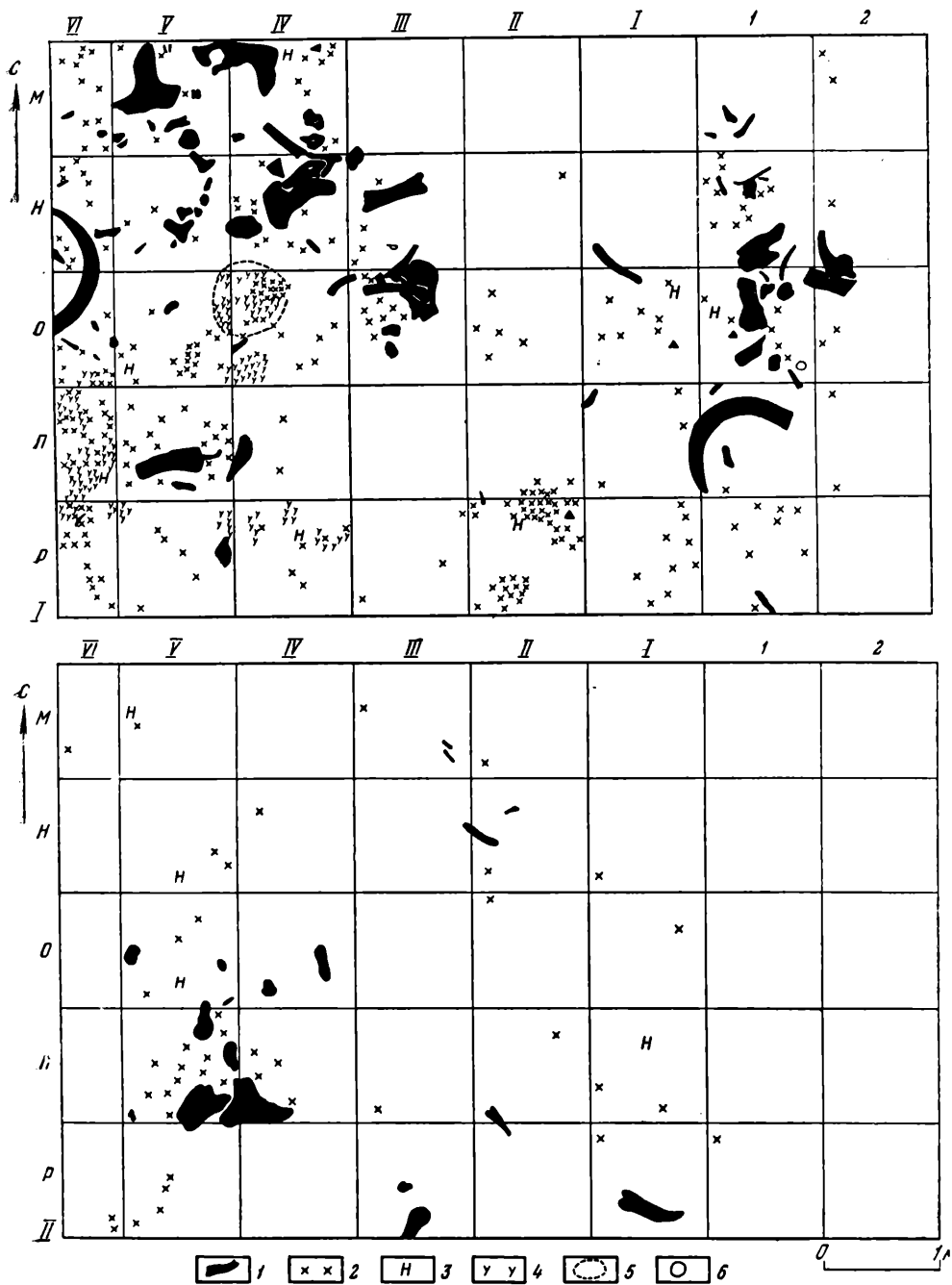

Рис. 36. Стоянка Молодова V:

I — план XI горизонта; II — план XII горизонта. 1 — кости; 2 — кремль; 3 — нуклеусы; 4 — уголь;
5 — кострище; 6 — камень

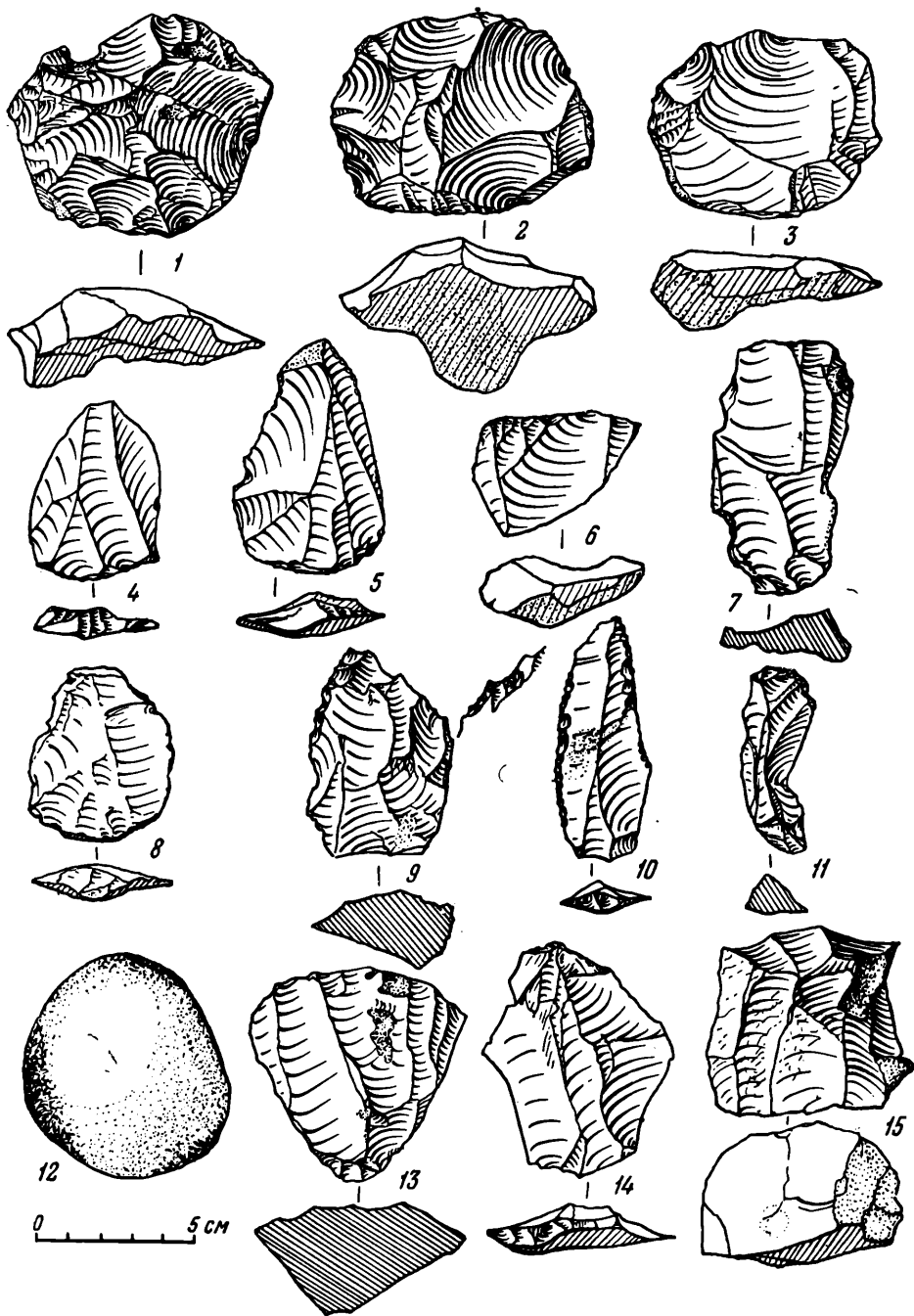

Рис. 37. Стоянка Молодова V. Изделия из XI горизонта:

1—3, 6, 7, 13, 15 — нуклеусы; 4 — отщеп; 5, 8 — отщепы со следами ретуши; 9 — осколок со следами ретуши; 10 — пластина со следами ретуши; 11 — скребкообразное орудие; 12 — терка-пест; 14 — отщеп

несколько орудий и обломки. Для изготовления орудий употреблялся серый, светло-коричневый и темный меловой (преобладает) и галечный кремь. Кремневые изделия почти не патинизированы.

Нуклеусы по форме относятся к типичным для среднепалеолитического времени дисковидным (4 экземпляра, рис. 37—1—3), а также к предназначенным для скалывания одного отщепя однополюсным леваллуазского типа (4 экземпляра). Кроме того, встречены уплощенные двухполюсные нуклеусы неправильно-призматической формы (3 экземпляра) и однополюсный нуклеус неправильной формы. Размеры нуклеусов от 36 до 82 мм. Характерно, что многие из них — плоские в разрезе. Дискообразные и леваллуазского типа нуклеусы были предназначены для скалывания овальных и треугольных отщепов, а с нуклеусов неправильно-призматической формы, кроме отщепов, можно было скалывать и пластины.

На отщепях и пластинах обычно имеются крупные ударные бугорки, расположенные наискось по отношению к их длинной оси; края ударных площадок изогнуты, что характерно для среднепалеолитической техники. На некоторых отщепях и пластинах (18%) имеется подправка краев ударных площадок. Среди кремневых изделий преобладают отщепы — 65%, тогда как пластин немного. Они большей частью массивные и широкие, чем приближаются к отщепам.

На изученной площади XI горизонта обнаружено небольшое количество орудий: несколько отщепов со следами ретуши по краю, треугольный массивный отщеп, размером $73 \times 41 \times 10$ мм (рис. 37—5), со следами ретуши и заполированности по краям от использования в качестве орудия (типа остроконечника). Кроме того, встречены треугольный обломок со следами ретуши и орудие на удлиненной пластине размером $75 \times 25 \times 8$ мм (рис. 37—10). Типичных остроконечников и скребел в этом комплексе нами не обнаружено. Отметим также два скребкообразных орудия — краевые сколы с нуклеусов со следами добавочной подправки ретушью по краю. Интересна терка-пест из песчаника, овальной формы, размером $58 \times 70 \times 32$ мм (рис. 37—12). В значительно большем количестве аналогичные изделия встречены при исследовании мустьерско-леваллуазского нижнего слоя стоянки Молодова I. Во всех выше лежащих позднепалеолитических горизонтах стоянки Молодова V обнаружено довольно много таких же терок-пестов. Фауна XI горизонта стоянки Молодова V, по определению Э. А. Вангенгейм, которое производилось непосредственно на месте раскопок, состоит из остатков не менее трех особей мамонта. Большинство собранных костей является кухонными отбросами и свидетельствует об охотничьем образе жизни обитателей стойбища.

Выше мы отмечали, что среди материалов XI горизонта встречены характерные для мустьерского времени дисковидные нуклеусы, однополюсные и двухполюсные нуклеусы леваллуазских типов, леваллуазские отщепы и пластины с подправкой краев ударных площадок и с изогнутыми ударными площадками, отщепы с крупными ударными бугорками, расположенными наискось по отношению к их оси.

Коллекция из XI горизонта позволяет сравнить его материалы с материалами нижнего слоя стоянки Молодова I, а также с такими леваллуазскими памятниками на левом берегу Прута, как Шерман-Думены, Василеса, Дурдука⁷. Кроме того, подобные находки встречены на стоянках Извоаре, Байяде-Фьер, Охаба-Понор, Чейя в Румынии⁸. Соответствующие

⁷ N. Moroşan. Depositele quaternare paleontologice si levalloisiene dela Ghernan-Dumeni (Malul stang al Prutului). Chisinau, 1934; Le pleistocène et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. Bucuresti, 1938.

⁸ N. Moroşan. Le moustérien dans le nord de la Moldavie. — L'Anthropologie, LXI. Paris, 1931, p. 234—235; C. S. Nicolaeşcu-Ploşor. Le paléolithique dans la Republique Populaire Roumanie. — Dacia, t. I, 1957.

аналогии прослеживаются и среди среднепалеолитических памятников на других территориях, что дает основание отнести XI горизонт ко второй половине мустье. Уточнение даты XI горизонта в пределах среднепалеолитического времени будет возможно лишь после дальнейших исследований.

Ниже XI горизонта, на глубине 10,25—10,35 м от поверхности, ниже второй полосы серых суглинков, в светлых желто-коричневых суглинках обнаружен XII горизонт культурных остатков, залегающий на глубине 1,5—1,6 м от сажиистой полосы.

На исследованной площади в XII горизонте обнаружено значительно меньшее количество культурных остатков, чем в лежащем выше. Находки встречались преимущественно в западной части раскопа 1958 г., главным образом в виде отдельных предметов. Лишь в квадрате VO-II их было несколько больше. Здесь обнаружены лопатка мамонта, обломки зуба, нуклеус и отщепы (см. план XII горизонта — рис. 36 — II).

Для изготовления орудий использовался тот же кремень, что и в предшествующем горизонте: серый, светло-коричневый и темный, меловой и галечный; употреблялся также кремнистый песчаник. Всего собрано 5 нуклеусов, 23 отщепа, 1 обломок и 1 ножеобразное орудие.

Среди нуклеусов два — неправильной формы, два удлинённых, двухплоских, неправильно-призматических, один — плоский, из гальки, с подправленными ретушью ударными площадками. Особенно интересен начальный нуклеус из крупной гальки, овальной формы, размером 87×62×30 мм (рис. 38 — 1). Он как бы иллюстрирует технику изготовления нуклеусов: одним сколом, которым был отбит отщеп, образована ударная площадка, а от ее края в противоположном направлении начали скалывать другие отщепы. Сохранился отделенный первым ударом отщеп с остатками корки, который прикладывается к гальке; он имеет ударный бугорок, расположенный наискось по отношению к оси отщепа (рис. 38 — 7).

От встреченных в XII горизонте нуклеусов отбивались преимущественно отщепы с изогнутыми краями ударных площадок, с крупными ударными бугорками. У 52% всех отщепов края ударных площадок подправлены ретушью.

Единственное найденное орудие — треугольная в разрезе массивная пластина со следами ретуши по краям. Размеры этого ножеобразного орудия 84 × 31 × 8 мм (рис. 38 — 13).

Фаунистические остатки XII горизонта, по определению Э. А. Вангенгейм, состоят из обломков костей мамонта (кусок зуба, часть лопатки, ребра, бедренная кость, плечевая кость). Все они, как и в предшествующем горизонте, темно-коричневого цвета.

Характер расположения небольшого количества культурных остатков на исследованном участке позволяет заключить, что раскопом 1958 г. была вскрыта периферийная часть среднепалеолитического стойбища охотников на мамонта.

Следует отметить тот большой интерес, который представляют материалы, собранные в XI и XII культурных горизонтах стоянки Молодова V, разделенных здесь стерильной прослойкой суглинка. Они дают нам более четкое представление об основе, на которой развивалась позднепалеолитическая культура Среднего Поднестровья.

Материалы среднепалеолитических горизонтов стоянки Молодова V, как и материалы среднепалеолитических слоев стоянки Молодова I, свидетельствуют, что культура среднего палеолита на территории Среднего Поднестровья носила леваллуазские черты. Эта особенность впервые определена для территории юго-запада Европейской части СССР, что позволяет сделать заключение о значительно более широком ареале распространения леваллуазской техники, чем это предполагали раньше. До проведен-

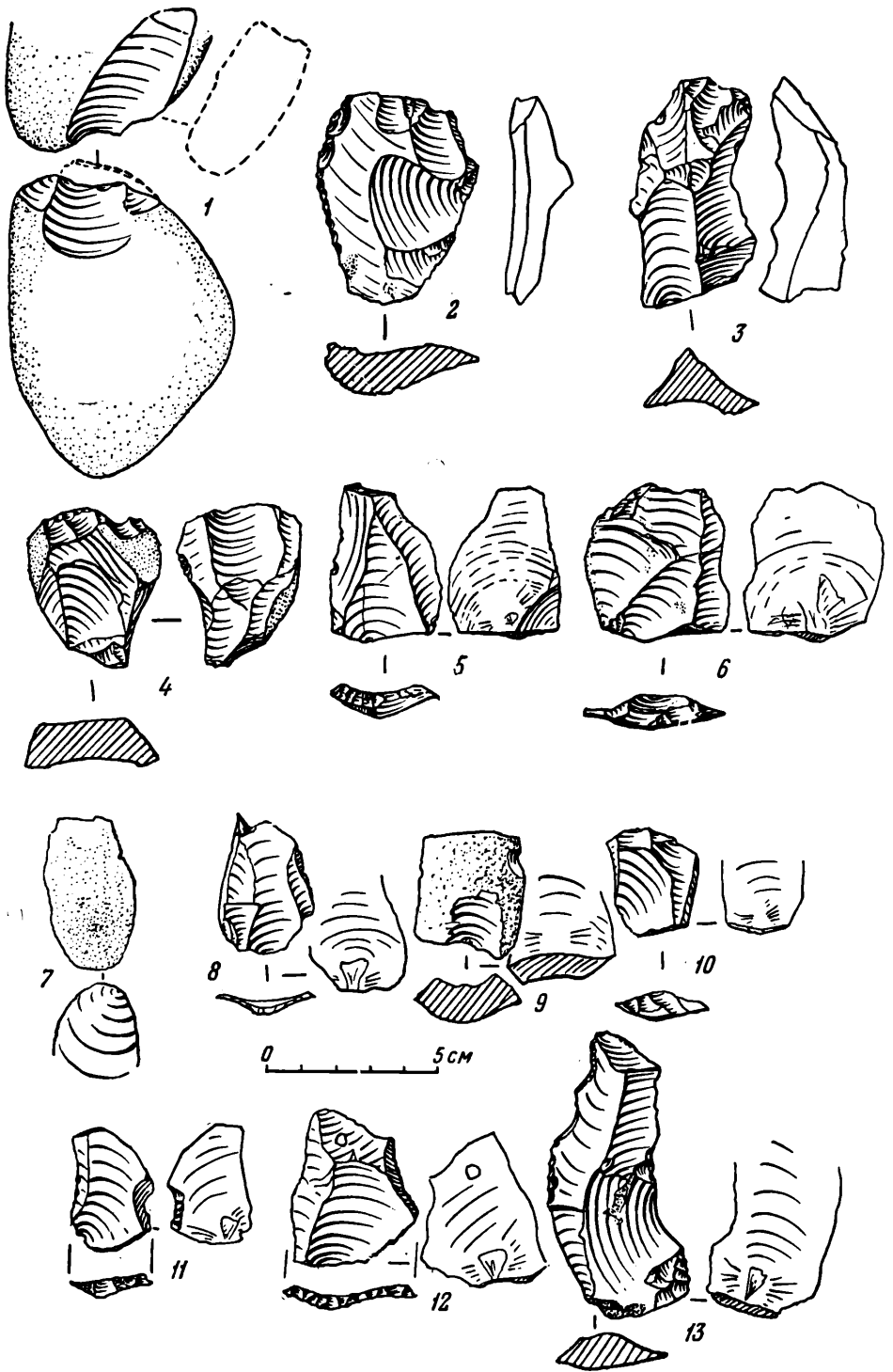

Рис. 38. Стоянка Молодова V. Кремневые изделия из XII горизонта:
 1-4 — нуклеусы; 5-12 — отщепы; 13 — ножевидное орудие на массивной пластине

ных на Днестре раскопок считали, что единственным проявлением лева-луазской техники на территории Центральной и Восточной Европы являются лишь памятники Прута⁹.

Второй важный вопрос, возникающий в связи с проведенными на Днестре исследованиями среднепалеолитических слоев, — это вопрос о геологическом возрасте среднепалеолитических памятников данного района. Согласно заключению работавшей в 1958 г. в Молодове комиссии, среднепалеолитические горизонты Молодовы V по геологическим условиям тождественны со среднепалеолитическими горизонтами стоянки Молодова I¹⁰, а последние залегают в отложениях, перекрывающих аллювий второй надпойменной террасы Днестра¹¹. Упомянувшиеся выше подобные стоянки Прута также залегают в отложениях низкой террасы. Проведенные на Днестре в последние годы исследования среднепалеолитических поселений увеличили количество данных о связи памятников этого времени с отложениями низких террас, что указывает на более поздний, чем обычно считается, геологический возраст этих памятников.

Дальнейшее широкое изучение среднепалеолитических памятников открытого типа в районе Днестра и в других местах, расширение специальных геологических исследований позволят окончательно решить вопрос о геологической датировке среднего палеолита, что поможет и решению проблемы о геологическом возрасте памятников палеолита в СССР.

---

⁹ N. Morozov, *Depositele quaternare paleontologice si evalloisiene dela Gherman-Dumeni*, Chisinau, 1934, p. 26.

¹⁰ Толщу суглинков на стоянке Молодова V со среднепалеолитическими остатками и соответствующие отложения в Молодове I А. И. Москвитин рассматривал как относящиеся к калининскому времени (вюрм I). По мнению Г. И. Горещкого, эта толща относится ко второй фазе рисса.

¹¹ Во время работ 1958 г. в Молодове I в одном из шурфов были достигнуты аллювиальные отложения второй террасы (галечники).

А. Н. РОГАЧЕВ

АНОСОВКА II — НОВАЯ МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА
В КОСТЕНКАХ

В 1956 г. в Костенках, на оконечности центрального мыса Аносова лога, была исследована новая многослойная верхнепалеолитическая стоянка Аносовка II. Здесь установлены и отчасти изучены четыре взаимно перекрывающихся друг друга культурных слоя (рис. 39). Стоянка эта, несмотря на ограниченность вскрытой площади (около 100 кв. м), по богатству и выразительности комплексов не уступает таким широко известным многослойным памятникам, как Костенки I (стоянка Полякова) и Тельманская¹. Как и эти поселения, Аносовка II расположена на второй надпойменной террасе в устьевой части балки, открывающейся справа в долину Дона. Геологические условия на всех трех памятниках тоже одинаковы — в основании 2—3-метровой толщи лёссовидного суглинка всюду залегают два горизонта погребенного гумуса².

Первый (верхний) культурный слой Аносовки II залегал в верхней части лёссовидного суглинка двумя различными по инвентарю и обособленными в плане комплексами, между которыми находилось пространство, длиной 12 м, не содержащее находок. Северный участок верхнего слоя, с большим скоплением костей мамонта, был назван пунктом А; к югу от него, в пункте Б, на гребне мыса в лёссовидном суглинке расположены один над другим три культурных слоя — I, II и III; из них слой I (верхний) залегал почти на одном и том же уровне, что и верхний слой в пункте А (рис. 40). Четвертого культурного слоя в пункте Б не было, он встретился только в пункте А, в глубоком шурфе-зонде, вырытом в северном конце траншеи, у южной границы большого скопления костей мамонта. Культурный слой IV, представленный отдельными находками расщепленных кремней и обломков костей животных, залегал в верхней толще погребенного гумуса, на 2 м ниже основания скопления костей мамонта³.

¹ В работах по раскопкам стоянки Аносовка II в 1956 г. приняли участие: научный сотрудник Лодзинского отделения ИИМК Польской академии наук В. Хмелевский, научные сотрудники Института географии АН СССР А. А. Величко и Р. В. Федорова. В качестве консультантов по вопросам геологии раскопки посетили М. Н. Грищенко и Д. Д. Леонов.

² А. Н. Р о г а ч е в. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. — МИА, № 59, 1957, стр. 11, 16, 96, 97 и 122.

³ См. схематический разрез стоянки Аносовка II на рис. 60 в МИА, № 59, стр. 122. Верхний культурный слой в пункте Б залегает на уровне «культурного слоя А», изображенного верхним на этой схеме; «культурный слой Б» на схеме является вторым слоем стоянки; ниже его основания на 30—40 см в лёссовидном суглинке следует куль-

Всего, таким образом, мы встретили здесь остатки пяти поселений.

Скопление костей мамонта в верхнем культурном слое в северной части раскопа продолжалось за пределы раскопа в северо-восточном направлении. Западный, внешний край скопления был обозначен плотной выкладкой из семи нижних челюстей мамонта, лежавших в один ряд, зубами вниз, подбородочными выступами во внешнюю сторону. Среди костей и рядом с ними всюду встречались отдельные расщепленные кремни, мелкие осколки костей животных и костные угли. Находки залежали на глубине 1,8—2,0 м от поверхности почвы, в 0,2—0,25 м от поверхности лёссовидного суглинка.

Всего на площади 14 кв. м раскопа, занятого скоплением находок верхнего слоя в пункте А стоянки (включая зачистку хозяйственной ямы, отчасти разрушившей скопление костей мамонта), было собрано 920 расщепленных кремней и обломков костяного шила. В северном конце траншеи наблюдалась четкая граница культурного слоя, за пределами которой на всей остальной площади (траншеи и раскопа) совершенно не было кремней, характерных для этого комплекса. Среди законченных изделий преобладают мелкие долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской концов (восемь целых и шесть осколков), кроме того, найдены: пять скребков (из них один — округлый, один — двойной, один — высокой формы и два — на широких отщепках), четыре резца, шесть так называемых «нуклевидных резцов», являющихся вторичными ядрищами, и шесть острий на микропластинках с притупляющей ретушью. По геоморфологическим и геологическим условиям, а также по инвентарю и общему характеру культурных напластований верхний слой пункта А Аносовки II аналогичен Замятинской стоянке (Костенки II), находящейся всего лишь в 200 м, на противоположном борту этого же отвешка лога.

Верхний культурный слой в пункте Б исследован, по-видимому, лишь в окраинной, северной части, на общей площади не свыше 35 кв. м

турный слой III; культурный слой IV приурочен к верхней гумусовой толще. Прослойки вулканического пепла и в 1956 г. на этой стоянке не найдено.

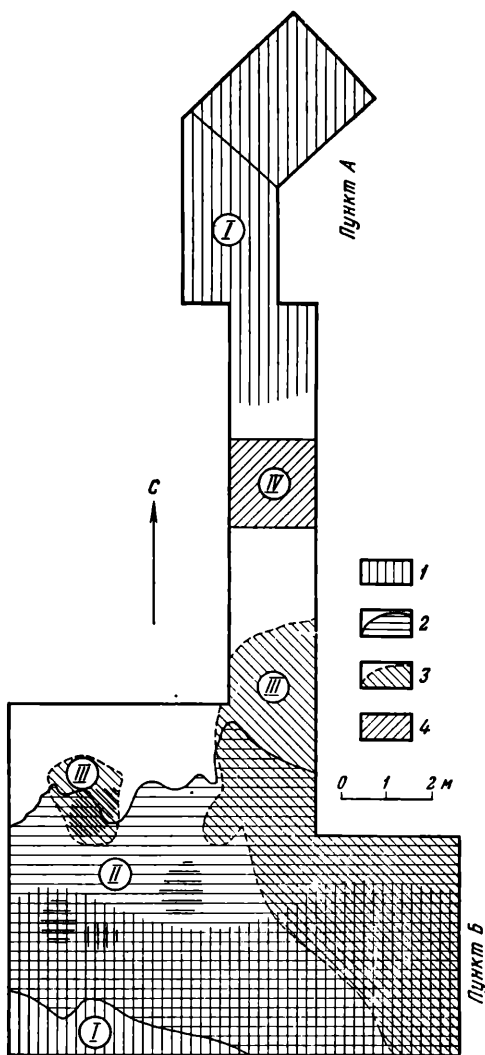

Рис. 39. Стоянка Аносовка II. Схематический план залегания культурных остатков. (По работам 1956 г.):

1—I (верхний) культурный слой; 2—II культурный слой; 3—III культурный слой; 4—IV культурный слой

(см. рис. 39). Он залегает на глубине 1,84—2,06 м от поверхности почвы, в 0,40—0,45 м от поверхности суглинка, на самом гребне мыса и продолжается, по-видимому, на его юго-восточном склоне. Горизонт находок, мощностью 15—30 см, круто склоняется в юго-восточном направлении, падение его основания составляет 8—9 см на 1 погонный метр. С таким же падением и в том же направлении залегают и подстилающие его II и III культурные слои. Находки, сосредоточенные в верхнем слое, не характерны для лежащего ниже II культурного слоя. Это сравнительно крупные обломки и

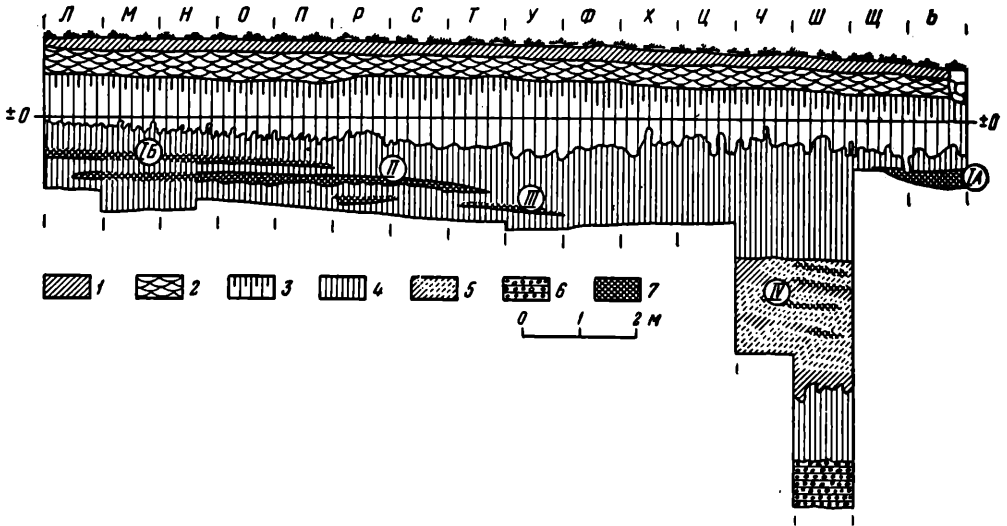

Рис. 40. Стоянка Аносовка II. Схематический разрез культурных отложений:

1 — пахотный слой; 2 — погребенный навоз; 3 — чернозем; 4 — лёссовидный суглинок; 5 — погребенный гумус; 6 — суглинок с галькой мела; 7 — культурные отложения; I—IV — культурные слои

осколки костей мамонта. Во всей южной половине раскопа в верхнем культурном слое собрано: 39 обломков пластин от зубов; 14 фрагментов позвонков очень плохой сохранности, часто в виде губчатой массы их тел; 61 мелкий обломок ребер; 77 обломков и осколки трубчатых костей, преимущественно мелких; 37 костей стопы и их обломков. Кроме костей мамонта, собрано свыше 400 мелких, плохой сохранности фрагментов костей крупных животных, вероятно, тоже мамонта. Эти находки концентрировались у западного края раскопа, вокруг небольшого и маломощного (2—3 см) скопления зольной и углистой массы, и в юго-восточном углу раскопа.

Кремневый инвентарь состоит из 300 расщепленных кремней, в том числе 42 орудия, которые по породе кремня, техники обработки и формам тождественны изделиям из лежащего ниже II культурного слоя.

Второй культурный слой был самым мощным и наиболее насыщенным находками. В разрезах и в плане он выделялся на фоне палевого лёссовидного суглинка интенсивной темной окраской, происходящей, вероятно, от разложения большого количества органических веществ. Северная и южная границы его установлены достаточно точно (см. рис. 39), остальные неясны. Залегал этот слой в виде гумусированной линзы мощностью 20—25 см и в пределах раскопа занимал площадь 56 кв. м, четко отделяясь от выше и ниже лежащих слоев прослойками чистого суглинка. По направлению к юго-восточному углу раскопа, в соответствии с современным склоном, прослойка суглинка (20—30 см), разделявшая основание верхнего

слоя и верх второго, увеличивалась до 0,4 м. В пределах линзы второго культурного слоя собрано 13 000 расщепленных кремней (в том числе свыше 500 кремневых орудий), 5500 мелких и очень мелких осколков и обломков костей животных, 1730 мелких кусочков железистых песчаников и гематита, 596 кусков мергеля (160 поделок из него и 12 кусков со следами обработки), 240 мелких осколков камней (из них некоторые со следами употребления) и масса мелких костных углей, весивших в промытом и сухом виде 19 кг⁴. Находки концентрировались вокруг двух скоплений очажной массы — в центре раскопа и у его западного края. В юго-восточном углу раскопа окрашенный гумусом слой был менее мощным и менее насыщенным культурными остатками. В восточной трети раскопа слой также был значительно менее насыщен остатками, но вместе с тем содержал большее количество сравнительно крупных камней и крупных осколков костей мамонта, совершенно отсутствовавших на остальной площади вокруг скоплений очажной массы. Очагов вскрыто два. Около западного очага, представлявшего скопление зольной и углистой массы в небольшой очажной лунке (диаметром 0,7 см; глубиной 6—7 см), были врыты в суглинистый пол жилища обломок нижнего конца плечевой кости мамонта, торчавший нижним эпифизом вверх, и две лопатки, зарытые в суглинок суставами вниз. Пол, после удаления заполнения из жилой западины, хорошо выраженной у западного края раскопа, представлял собой группу небольших и неглубоких выбоин и западин, образовавшихся либо в процессе обитания, либо при последующей деформации суглинка с заключенной в нем линзой культурного слоя.

Второй очаг, в 2 м к востоку от описанной очажной лунки, состоял из большого скопления костных углей. На одном из квадратов (П-43) собрано 1,612 кг костного угля, а на соседних квадратах — по 0,8—0,9 кг, тогда как на всех других участках раскопа количество угля составляло всего по 0,6—0,3 кг.

Коллекция, собранная в культурном слое II, состоит из кремневых, костяных орудий и поделок из мергеля в виде схематических скульптур животных. Самая многочисленная и характерная группа кремневых орудий — это острия и пластинки с притупленным краем, составляющие половину всего кремневого инвентаря.

Острия на небольших пластинках с притупленным ретушью краем собраны в количестве 65 экземпляров и 20 обломков лезвий (верхних концов). Эти орудия представлены тремя типами: 1) 19 острий с притупленным краем без ретуши на концах. Лезвием служил острый верхний конец пластинки (рис. 41—13—16); 2) 14 острий с притупленным краем и с лезвием у основания пластинки, которое слегка наискось срезано притупляющей ретушью (рис. 41—24—28); 3) 32 острия с притупленным краем в сочетании с притупляющей ретушью основания пластинки, образующей тыльный конец орудия. Восемь подобных острий имеют форму прямоугольных треугольников. Наличие целой серии таких орудий, служивших, очевидно, в большинстве наконечниками стрел, свидетельствует о весьма раннем возникновении этой формы (рис. 41—1, 4, 34—37).

По технике изготовления к остриям примыкает столь же многообразная группа пластинок с притупленным ретушью краем, включающая 67 целых экземпляров и 126 характерных обломков. Пластины подразделяются на следующие типы: 1) 38 пластинок с притупленным краем, без подправки концов (рис. 41—9—12); 2) 14 пластинок с притупленным краем и с поперечной ретушью верхнего конца (рис. 41—20—23); 3) 3 пластинки с при-

⁴ Промывка всей массы культурного слоя на металлическом сите с подачей воды по желобу из запруды позволила полно и тщательно собрать и учесть находки. Значительная часть мелких поделок из мергеля собрана только благодаря промывке земли.

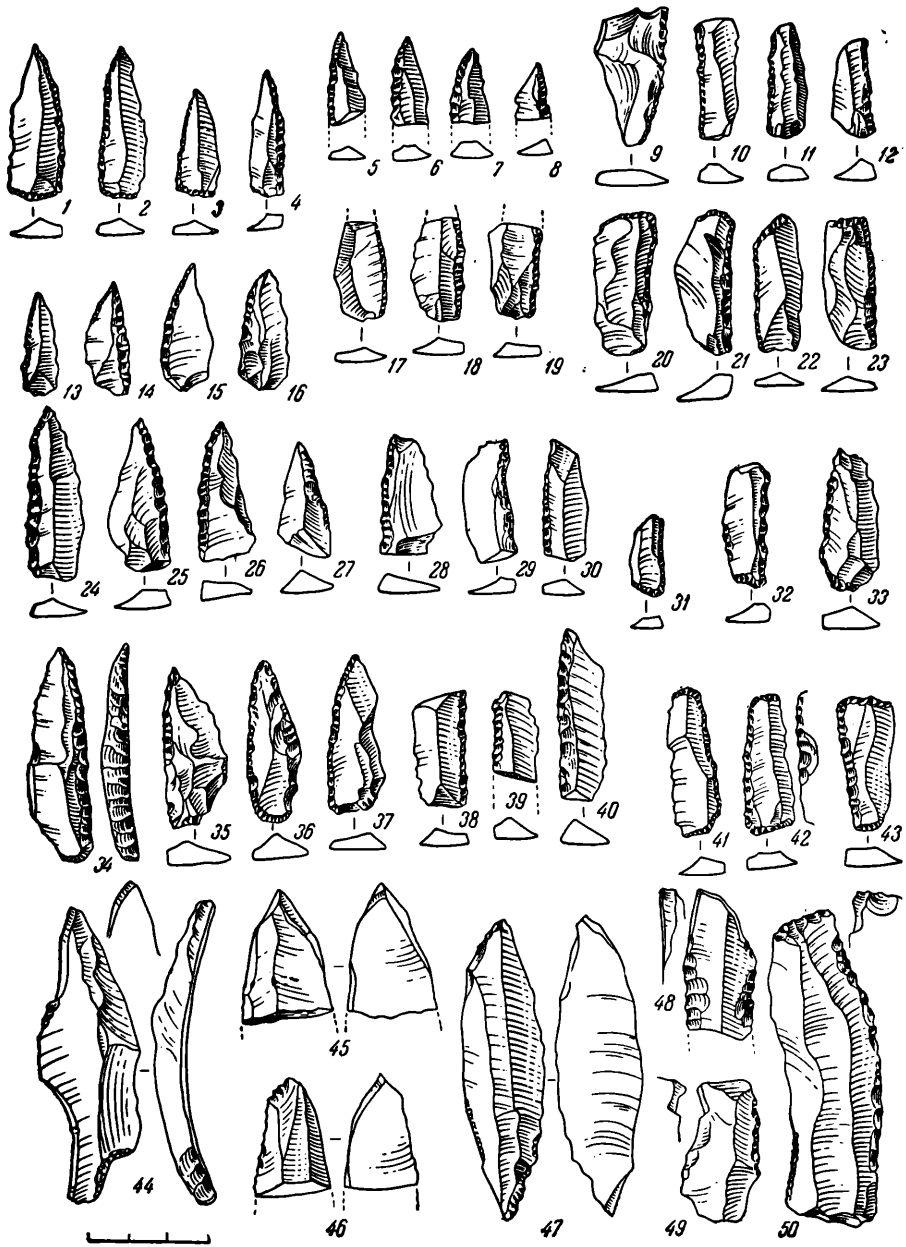

Рис. 41. Стоянка Аносовка II, культурный слой II:

1—3 — остря и пластинки с притупленным ретушью краем и обломки этих орудий; 44—50 — резацы

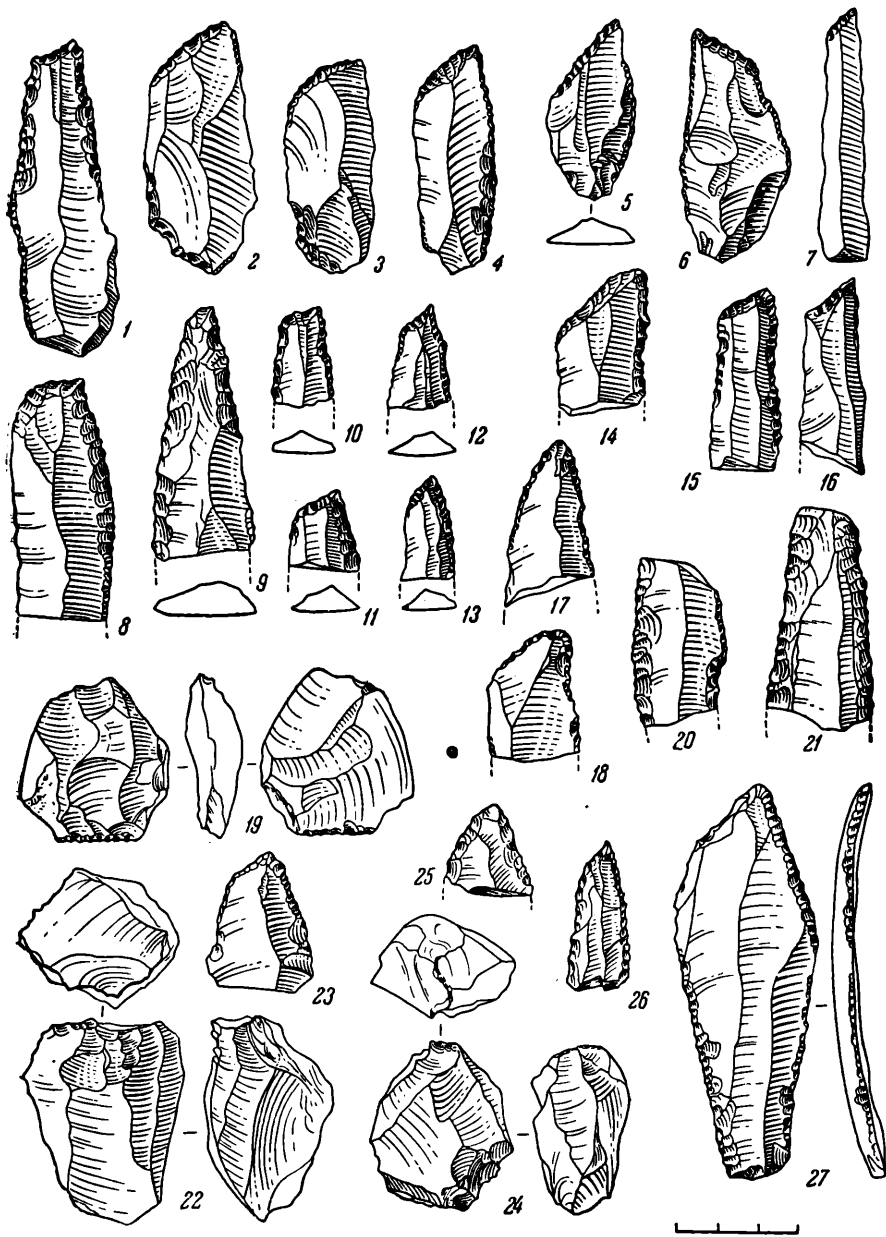

Рис. 42. Стоянка Аносовка II, культурный слой II:

1—18, 23, 25, 26 — остря; 19 — долотовидное орудие; 20, 21, 27 — обломки пластинок с плоской ретушью; 22, 24 — ядрца

тупленным краем и с поперечной ретушью основания (рис. 41—31—33); 4) 12 пластинок с притупленным краем и поперечной ретушью на обоих концах (рис. 41—41—43).

По многообразию форм острий и пластинок с притупленным краем второй слой Аносовки II близок к нижнему горизонту Александровки (в Костенках), хотя типы этих орудий различны. Для второго слоя Аносовки II характерны также крупные острия со скошенным притупляющей ретушью концом, которые можно подразделить на два типа: а) с прямым концом и б) с закругленным скошенным концом. Первые представлены 7 целыми экземплярами и 12 обломками, а вторые — 11 экземплярами и 7 обломками (рис. 42—1—18). Орудия эти нельзя отождествлять с заготовками боковых резцов, так как они имеют специальную подправку выступающего угла ретушью, что, однако, не исключает возможности в отдельных случаях подправки его и резцовым сколом.

Следующую характерную группу орудий составляют пластинки и обломки пластинок с плоской ретушью (97 штук), служившие ножами в производстве и в быту. Целых орудий почти нет, встречены лишь крупные и мелкие обломки, многие из них с сильно изношенными в процессе употребления краями (рис. 42—20, 21, 23, 25, 27). Примерно десять таких пластинок имеют на ограниченном участке очень изношенные края, закруглившиеся в процессе употребления орудий в качестве ретушеров.

Скребок мало — всего один двойной скребок и два скребка на обломках пластинок. Резцов около 100, из них 57 боковых, с поперечной ретушью конца, и 16 срединных (рис. 41—44—50). Долотовидных орудий с чешуйчатой подтеской концов всего пять (рис. 42—19), проколка — одна. Следует еще упомянуть 70 мелких обломков орудий и более 130 отщепов и пластинок с мелкой ретушью и выщербленными краями (вероятно, в процессе использования).

Прекрасный по качеству меловой кремнь типа кремня из верхнего слоя Костенок I хорошо расщеплялся и целиком утилизировался. Поэтому найдено всего 16 небольших осколков ядрищ, из них 2 с двумя скошенными в одну сторону ударными площадками и 8 обычных, с одной скошенной площадкой (рис. 42—22, 24).

Многочисленные поделки из мергеля отличаются миниатюрностью. Это скульптурные изображения животных — мамонта и носорога. Они хотя и схематичны, но достигают большого сходства с натурой, ибо изготовлявшие их подчеркивали существенные особенности животных. Размеры фигурок очень невелики: 18—35 мм в длину, 14—22 мм в высоту и 11—20 мм в толщину.

В коллекции есть 12 целых фигурок мамонтов и 3 обломка. В пяти случаях животные изображены со сравнительно крупной головой, а в десяти — с головой средних размеров или очень маленькой, как бы прилепленной к массивному туловищу, имеющему во всех случаях гладкое и ровное основание, придающее фигуркам вид настоящих статуэток (рис. 43—2, 4). Изображений носорогов всего три: целая фигурка и два обломка (рис. 43—3). Сильно схематизированные фигурки животных, удлиненные, овальные в основании, представлены семью целыми экземплярами и одиннадцатью обломками. Некоторые из них (рис. 43—5) близки подобным же изображениям из верхнего горизонта Александровской стоянки.

Найдены также полушаровидные поделки из мергеля, с плоским, как и у фигурок животных, основанием, иногда сильно стертым. Размер их: диаметр 9—12 мм, высота 6—15 мм. Всего их собрано 49 целых экземпляров и 10 обломков; при этом у одного из целых полушарий сделано сквозное отверстие в центре основания, придающее поделке вид полушаровидной

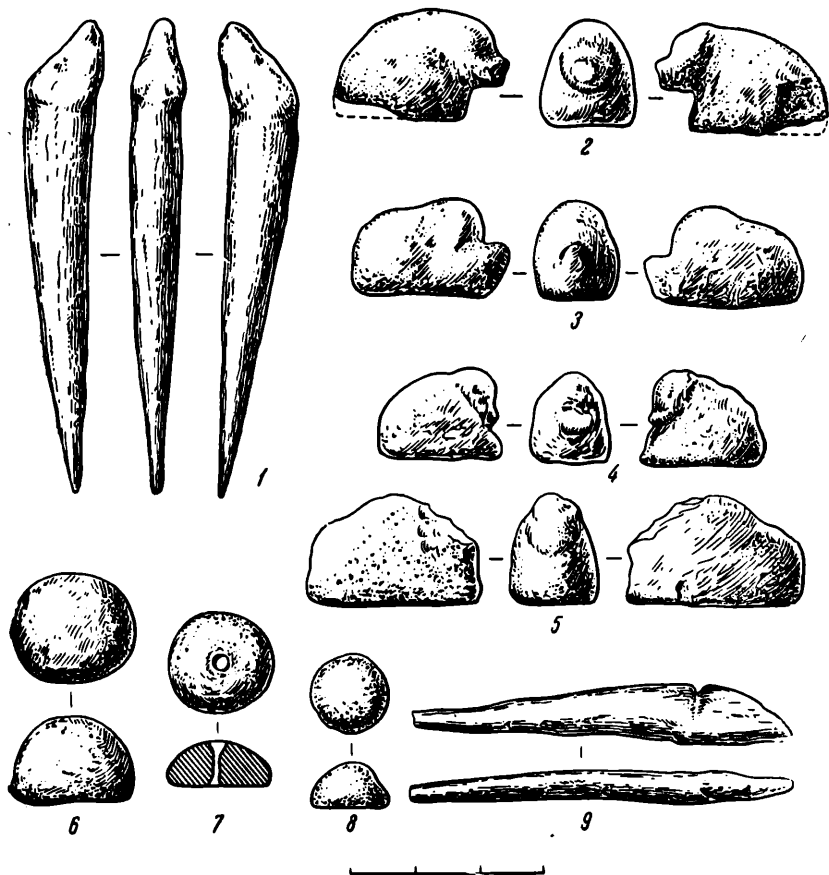

Рис. 43. Стоянка Аносовка II, культурный слой II:

1, 9 — костяные застёжки с навершием в виде головки животного; 2, 4 — фигурки мамонта;
3 — фигурка носорога; 5 — фигурка животного; 6—8 — полусферические поделки

бусины (рис. 43 — 6—8). По-видимому, это условные, еще более схематизированные фигурки тех же животных. Хорошим образцом палеолитического искусства служит застёжка с фигурным навершием в виде головы крупного хищника, вероятно волка. Второй экземпляр подобной застёжки выполнен весьма схематично и грубо (рис. 43 — 1, 9). Поделки из кости во II культурном слое представлены шильями и их обломками.

Третий культурный слой обнаружен лишь у восточного края раскопа. Он залегал на глубине 2,65—2,80 м от поверхности, на 0,2—0,3 м ниже основания II культурного слоя и занимал площадь в 28 кв. м, на которой собрано около 400 расщепленных кремней, 6 кварцитовых отщепов, 37 осколков камней и примерно 200 мелких осколков костей животных (лошади и волка). Наибольшая концентрация находок наблюдалась в северо-восточном углу раскопа, а на остальной его площади отмечены лишь отдельные осколки костей и расщепленные кремни. Он насыщен множеством целых и осколков крупных шаровидных железистых конкреций, которых совершенно не было во II слое. Собрано 18 целых конкреций и 512 часто очень крупных осколков.

Рядом с линзой III культурного слоя в небольшой западине расчищено скопление волчьих костей, сохранивших отчасти анатомический порядок.

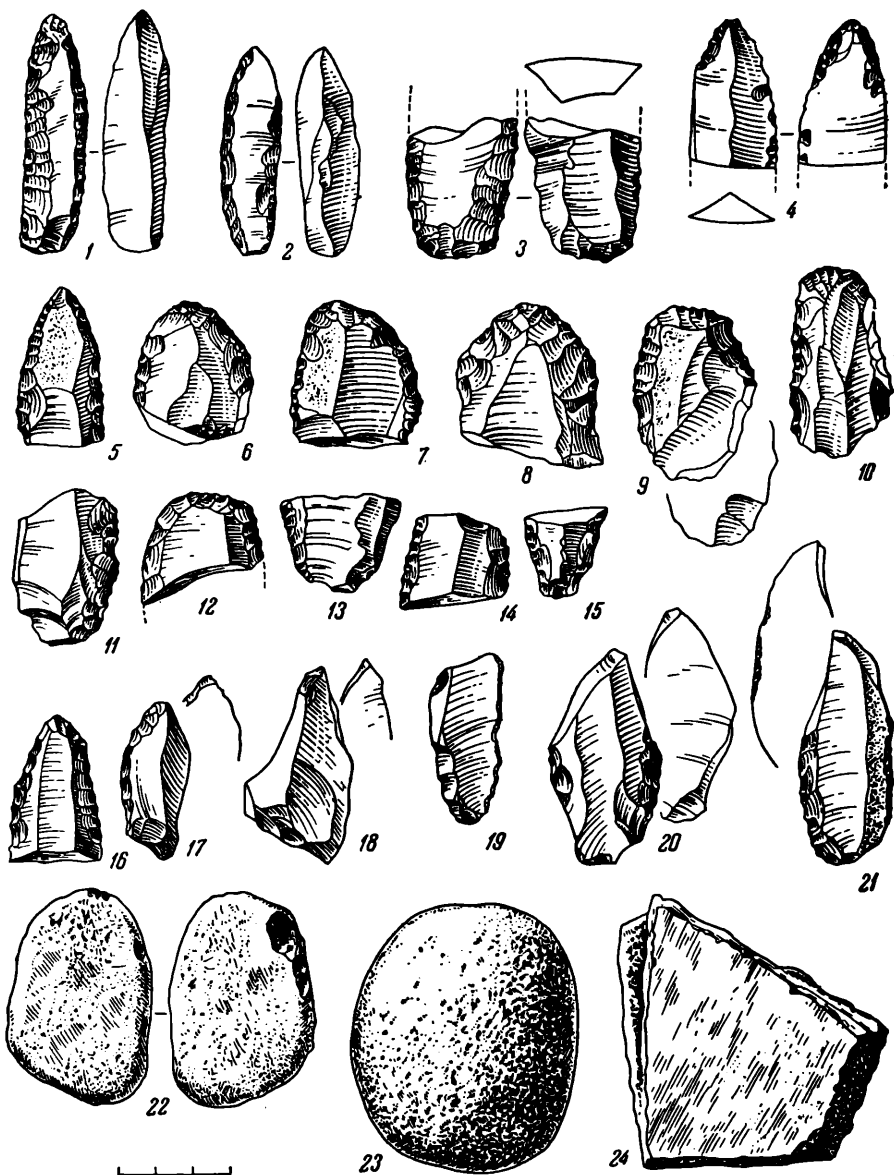

Рис. 44. Стоянка Аносовка II, культурный слой III:

1—5, 16 — листовидные остря и их обломки; 6—8 — массивные симметричные остря; 9, 10, 12 — скребки; 11, 13—15, 19 — обломки пластин с ретушью; 17, 18, 20, 21 — резцы; 22 — ретушер из плоской сланцевой плитки; 23 — терочник из песчаника с сильно стертой поверхностью на всех участках; 24 — осколок кварцевой плитки с сильно стертой поверхностью

Здесь лежали кости четырех особей, из них две — молодых. В двух метрах к западу, на уровне III культурного слоя, вскрыты остатки очага в виде небольшого луннообразного углубления с обожженными камнями на дне.

Кремень в III слое светлый, с пятнистой латиной, близкий к кремню верхнего слоя Тельманской стоянки. Техника обработки и состав кремневого инвентаря своеобразны. Не только этим, но и другими чертами третий слой отличается от второго.

Собранная в III слое коллекция характеризуется прежде всего двумя оригинальными листовидными остриями, изготовленными плоской ретушью, нанесенной только со стороны брюшка (рис. 44—1, 2). Таким же приемом ретуширования обработано пять обломков пластинок (рис. 44—3, 4), а на двух пластинках плоская ретушь, нанесенная со стороны брюшка, сочетается с ретушью со стороны спинки.

Столь же своеобразна группа массивных обломков скребков с крупной концевой и боковой ретушью. У пяти из них лезвие дугообразное (рис. 42—9, 10, 12). У трех орудий (острий) лезвие массивное и широкое, симметричное, со слегка выступающим концом. Эти широкие и массивные острия близки к орудиям такого же типа из верхнего слоя Тельманской стоянки (рис. 44—6—8). Встречены четыре обломка листовидных острий (рис. 44—5, 16). По-видимому, частями острий являются пять обломков пластинок с ретушью на противоположных краях (рис. 44—14, 15). В числе резцов три срединных, семь боковых, четыре обломка пластин с резцовыми сколами (рис. 44—17, 18, 20, 21).

Для третьего слоя характерны сланцевые ретушеры, найденные в количестве пяти штук (рис. 44—22), осколки кварцитовых плиток с сильно стертymi поверхностями и шаровидные терочки из песчаника (рис. 44—23, 24).

Четвертый, наиболее древний горизонт находок Аносовки II залегает в верхнем погребенном гумусе, на разных уровнях его метровой толщи.

Всего здесь было найдено 63 расщепленных кремня, в том числе 5 орудий, 2 крупных валуна желтого кремня со следами их расщепления, 32 небольших обломка, несколько костей лошади, песка, кусочки красной краски, отдельные древесные и костные угольки. На незначительном участке отмечена окраска гумусированного суглинка в розоватый цвет. Следует упомянуть типичное долотовидное кремневое орудие с чешуйчатой подтеской конца и острие с наискось срезанным концом. Кремень здесь разноцветный, много валунного.

Как ни мало собрано здесь материалов, все же нижний, четвертый культурный слой Аносовки II по условиям залегания и по составу инвентаря занимает в системе Костенковских стоянок совершенно определенное место. Он сходен со стоянками верхней гумусной толщи второй надпойменной террасы, для которых характерно наличие разных пород кремня, присутствие кварцита, в частности, долотовидных орудий с чешуйчатой подтеской концов. Большинство этих памятников переотложено в древности и лишь на некоторых из них (например, вторые слои Тельманской стоянки и Маркиной горы) культурный слой имеет удовлетворительную сохранность.

Третий культурный слой Аносовки II по условиям залегания и по общему виду инвентаря сходен с верхним слоем Тельманской стоянки. Третьим близким им памятником следует считать средний слой Костенок V, исследованный всего на площади 2 кв. м.⁵

Второй слой Аносовки II представляет весьма развитую верхнепалеолитическую культуру, которую могла оставить община, находившаяся в какой-то близкой, может быть даже генетической, связи с различными по культуре общинами, оставившими нижний и верхний горизонты Александровской стоянки. Культуру второго слоя Аносовки II можно связать генетически с культурой нижнего слоя Костенок V или Журавской стоянки, где в инвентаре преобладают пластинки с притупленным краем, отсутствуют концевые скребки, мало резцов и нет так называемых нуклеидных

⁵ А. Н. Рогачев. Указ., соч., стр. 96.

орудий. Утверждения о голоценовом (азильском) возрасте Журавской стоянки не доказаны⁶.

Что касается верхнего слоя в пункте А Аносовки II, то по геологическим условиям, по характеру скопления костей и по составу инвентаря он близок находящейся рядом Замятнинской стоянке (Костенки II).

В целом Аносовка II вносит несколько новых существенных штрихов в общую картину стратиграфии верхнего палеолита на Дону.

Учитывая накопленные факты, можно сделать вывод, что в европейской приледниковой зоне в эпоху верхнего палеолита население, по-видимому, передвигалось к северу и к востоку, на новые, незаселенные или слабо заселенные места в бассейне Оки и Камы. О. Н. Бадеру, например, удалось найти под Владимиром, у с. Доброе, типичный памятник костенковско-стрелецкой культуры в более развитом виде, чем известные в Костенках.

Процесс постепенного заселения северных районов Русской равнины усиливался по мере роста населения в южных районах. Но вместе с тем в палеолитической Европе были и такие районы, где развитие культуры шло спокойно и куда не вторгалось население из соседних районов.

В этом отношении Среднему Дону противоположны Средний Днестр и Крым, где наблюдается постепенное развитие культуры до поздней поры эпохи верхнего палеолита.

---

⁶ Ср. П. П. Ефименко. Первобытное общество. М., 1953, стр. 319, 615; В. Ризниченко. Геологічні та геоморфологічні умовини Журавської палеолітичної стадії. — Антропология, IV. Київ, 1930, стр. 185—188. В. Ризниченко, В. Крокос и Г. Мирчинк единодушно относят Журавскую стоянку к средней стадии последнего оледенения.

Э. А. АБРАМОВА

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ
С ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АЛЕКСАНДРОВКА

Во время исследования верхнего горизонта Александровской стоянки в Костенках в 1937—1938 гг. А. Н. Рогачевым была собрана большая и выразительная коллекция изделий из мергеля, в том числе изображения животных. Ее описание приводится в монографии А. Н. Рогачева, посвященной Александровской стоянке¹.

Коллекция имеет важное значение для характеристики приемов изображения некоторых видов четвертичных животных в палеолитическом искусстве, а также для сравнения с подобными произведениями искусства из других палеолитических стоянок. Более полное изучение этой коллекции вызывает новые мысли и предположения, касающиеся идеологических представлений палеолитического человека.

В Александровке при изготовлении фигурок животных и других поделок применялся мергель худшего качества, чем в Костенках I. Цвет его желтоватый и розовато-серый, поверхность изделий иногда выветрена и имеет золистый оттенок. Приемы обработки мергеля несложны: на некоторых изделиях видны следы длинных и довольно широких срезов с ровной поверхностью. Заметны также узкие грани, оставшиеся от строгания мергеля, следы заглаживания поверхности и шлифовки, ясно видной даже на мелких обломках. Поверхность изделий — в большинстве шероховатая из-за плохой сохранности мергеля; по-видимому, она чаще просто заглаживалась, а не пришлифовывалась.

Десять фигурок из Александровки могут быть определены как изображения мамонта и заготовки для таких статуэток. Из не законченных обработкой следует остановиться на поделке, которую А. Н. Рогачев называет антропоморфной². Эта фигурка, склеенная из многих кусков, найдена в западном жилище. Обработаны лишь основание и передняя часть с четко обозначенным, широким сверху и сужающимся книзу хоботом. Прилегающая к нему справа часть изделия заглажена. Левая сторона уплощена сколами, правая, наоборот, выпукла; в основании — заглаженная выемка. Четко вырезанный хобот с суженным концом не оставляет сомнений в том, что это — фигурка мамонта, по каким-то причинам не законченная обработкой.

¹ А. Н. Рогачев. Александровское поселение древнекаменного века у с. Костенки на Дону. — МИА, № 45, 1955, стр. 77—78. Пользуюсь случаем выразить А. Н. Рогачеву свою глубокую признательность за предоставленные неопубликованные материалы и повседневную помощь в работе.

² А. Н. Рогачев. Указ. соч., стр. 77, табл. XXII, 6. — Отдел археологии ИЭ АН СССР, коллекционный номер 6194/1925.

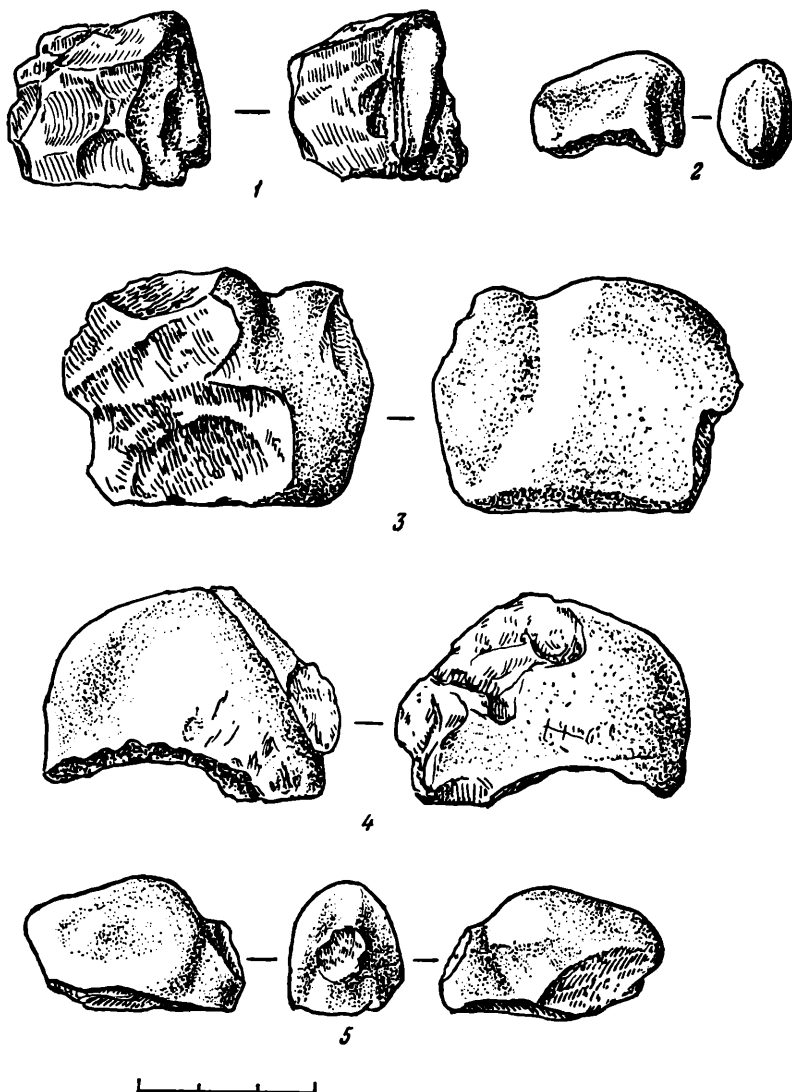

Рис. 45. Фрагменты фигурок мамонта со стоянки Александровка

Размеры фигурки: длина — 3,2 см, высота — 3 см, толщина — 2,5 см (рис. 45 — 1).

Две другие схематические фигурки мамонта по типу близки статуэткам из Костенок I. Они изображают спокойно стоящее животное. Первая, более крупная, изготовленная из серовато-желтого мергеля, найдена в яме (квадрат Ш-40). Поверхность ее выветрена и покрыта темными натеками. Размеры фигурки: длина — 4,8 см, высота — 3,7 см, толщина — 1,4 см. Как и в Костенках I, облик мамонта передан здесь лишь в самых общих, но характерных чертах. С левой стороны отчетливо видны небольшая округлая голова и круто поднимающийся горб. Изогнутый хобот не отделяется от передней части тела. Правая сторона и задняя часть фигурки повреждены в древности широкими сколами, сохранились верх головы и прилегающая часть спины. Заглаженное основание сделано в виде овала (рис. 45 —

3)³. Эта статуэтка особенно близка к фигуркам мамонта № 1 и 6 из Костенок I⁴.

Вторая фигурка найдена на квадрате N-42; изготовлена она из желто-вато-серого мергеля, поверхность выветрена. Размеры: длина — 2,6 см, высота — 1,5 см, толщина — 1,4 см. С правой стороны четко обозначен прямо спускающийся вниз хобот, который ясно выделяется и внизу. На спине хорошо выражен характерный для мамонта бугорок. Левая сторона оставлена без обработки деталей. Задняя часть — округлая и заглаженная. Основание не обработано, посредине его — широкая выемка (рис. 45 — 2)⁵.

Две другие фигурки по типу более напоминают изображения сидящего мамонта из Аносовки II. Одна из них — лишь обломок массивной фигурки животного (из ямы на квадратах Ц-38-39), изготовленной из серого мергеля, местами на обработанной поверхности покрытого темным «загаром». Размеры обломка: длина — 4,7 см, ширина — 2,9 см, высота — 3 см. В продольном сечении фигурка почти овальная. Основание ее повреждено в древности глубокой выемкой. Верхняя часть изделия также повреждена: почти полностью отбита голова, сохранились только часть ее с правой стороны и конец хобота (рис. 45 — 4)⁶. Вторая фигурка (квадрат Ш-39) несколько более условна. Размеры ее: длина — 3 см, высота — 2 см, ширина — 1,2 см. Фигурка заглажена, имеет округлые очертания; в верхней передней части виден хобот, более резко выраженный с правой стороны. В поперечнике статуэтка уплощена, основание ее скошено. С правой стороны идет большой, нанесенный в древности продольный скол (рис. 46 — 4)⁷. Пять других поделок можно считать заготовками или незаконченными фигурками, по всей видимости — тех же мамонтов (рис. 45 — 5; рис. 46 — 3, 5, 6)⁸.

Кроме того, в Александровке найдено еще несколько изображений животных, более всего напоминающих бизона. Самое характерное из них обнаружено в западном круглом жилище (квадрат R-40). Длина предмета 3,5 см, высота — 2,4 см, толщина — 1,3 см. Высокий выпуклый уплощенный горб резко падает к задней части фигурки. Плоская голова как бы увенчана рогами. Основание статуэтки срезано горизонтально. Изображение частично повреждено широкими плоскими сколами⁹.

Вторая подобная фигурка более схематизированна. Найдена она также в западном жилище (квадрат Ц-39). Размеры ее: длина — 3,2 см, наибольшая высота — 2 см, толщина — 1,3 см. Можно различить маленькую, переданную в общих чертах головку и сильно приподнятую, горбатую в передней части спину. С левой стороны внизу сделана выемка, как бы подчеркивающая очертания задней ноги. Правая сторона ровно заглажена. Нижняя часть срезана ровно — так, что фигурка может стоять¹⁰.

Третья фигурка, изготовленная из серого, цвета золы, мергеля, также найдена в западном жилище (квадрат N-42). Размеры ее: длина — 2,7 см, высота — 1,6 см, толщина — 1 см. Различаются выпуклый горб, выдвинутая вперед треугольная и уплощенная головка, сведенные на конус сдвоенные передние и задние конечности (рис. 46 — 2)¹¹.

³ Коллекция ИЭ АН СССР, № 6194/1923.

⁴ П. П. Ефименко. Костенки I. М.—Л., 1958, стр. 385—387, рис. 170 и 174, 1.

⁵ Коллекция ИЭ АН СССР, № 6194/1915.

⁶ Коллекция ИЭ АН СССР, № 6194/1914.

⁷ Коллекция ИЭ АН СССР, № 6194/1916.

⁸ Коллекция ИЭ, АН СССР, № 6194/1917, 6194/1919, 6194/1920, 6194/1921, 6194/1960.

⁹ А. Н. Рогачев. Указ. соч., стр. 77, рис. 28, 2. Хранится в ИЭ, коллекционный номер 6194/1918.

¹⁰ А. Н. Рогачев. Указ. соч., стр. 77, табл. XXII, 3. Хранится в ИЭ, коллекционный номер 6194/1913.

¹¹ Коллекция ИЭ АН СССР, № 6194/1922.

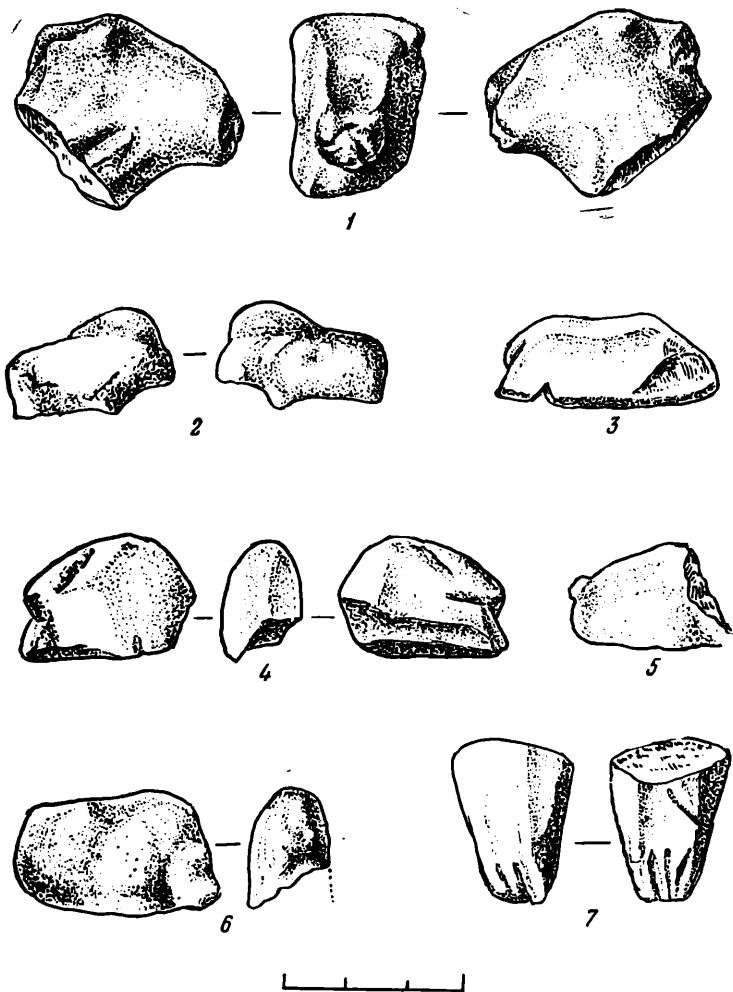

Рис. 46. Фрагменты фигурок животных со стоянки Александровка:
1 — головка животного; 2—6 — фигурки животных; 7 — изображение лапы медведя

Среди находок в Александровке отметим также головку животного, вид которого трудно определить. Она обнаружена в западном округлом жилище; головка, склеенная из многих обломков, изготовлена из серого мергеля, тщательно заглажена и по технике обработки напоминает образцы из Костенок I. Размеры ее: длина — 3 см, высота — 3,5 см, сечение шеи — $2,8 \times 2,3$ см. Отчетливо выражены две пары выступов в верхней части головы. Задние выступы сбиты и как бы намеренно испорчены, передние имеют вид тщательно заглаженных округлых выпуклостей и, возможно, изображают глаза. Нижняя часть морды сглажена и прорезь рта поднята вверх; с правой стороны головки поперек сечения шеи — глубокий вырез. По мнению А. Н. Рогачева, предмет более всего напоминает головку барана¹². Но если рассматривать ее под иным углом, она будет одновре-

¹² А. Н. Рогачев. Указ. соч., стр. 77, рис. 28, 1. ИЭ АН СССР, коллекционный номер 6194/1912.

менно напоминать и сайгу и лошадь, а вырез рта характерен для кошачьих. Определение вида животного затрудняется еще и тем, что передняя верхняя часть головки повреждена широким сколом (рис. 46 — 1).

В заключение следует упомянуть любопытную поделку в виде неправильного уплощенного конуса с широкой вершиной. Основание ее косо срезано. У вершины заметны глубокие нарезки, две — с одной стороны, три — с другой. Возможно, что это изображение лапы какого-то хищника, вероятнее всего — медведя (рис. 46 — 7)¹³.

Описанные изображения животных, обнаруженные в верхнем горизонте Александровки, существенно дополняют материалы по палеолитическому искусству.

В настоящее время известно свыше 30 скульптурных изображений мамонта из стоянок Костенковско-Боршевского района: Костенок I, Александровки и Аносовки II. Одна скульптура мамонта найдена на стоянке Авдеево близ Курска и одна гравюра на пластинке из бивня мамонта происходит из сибирской стоянки Мальта¹⁴.

Рисунки и гравюры с фигурами мамонта встречаются довольно часто в палеолитическом искусстве Западной Европы, хотя и уступают по численности изображениям копытных. Скульптуры мамонта известны лишь на некоторых стоянках Центральной Европы: Дольни-Вестонице, Павлов, Фогельгерд. Среди этих изображений нет аналогичных фигуркам мамонта из Костенковско-Боршевского района, техника выполнения которых отличается большим своеобразием и ставит их в особое положение. В то же время авдеевская статуэтка мамонта, как это отметила М. Д. Гвоздовер, чрезвычайно близка по общим контурам, стилю и даже размерам фигурке мамонта из Пржедмоста, отличаясь от нее материалом.

Вполне понятно особое внимание, которое уделяли мамонту жители Александровского поселения. Среди представителей фауны ледникового периода мамонт, наряду с шерстистым носорогом, был одним из самых распространенных животных, с которыми соприкасался палеолитический человек. Кости мамонта обнаружены почти по всей Европе, за исключением самого крайнего юга, и по всей северной Азии. О важном значении мамонта в экономике палеолитических общин свидетельствует то, что кости его встречаются в большинстве верхнепалеолитических стоянок, а в стоянках Восточно-Европейской равнины — часто в виде громадных скоплений. Число особей мамонта, даже на сравнительно небольших по площади раскопах, насчитывается несколькими десятками: Кирилловская — 70, Пушкари — 65, Гонцы — 53, Бердыж — 35, Новгород-Северский — 20 и т. д. Только за один год раскопок (1936) на стоянке Елисеевичи обнаружено свыше 30 особей мамонта. На стоянке Костенки I, где найдены наиболее выразительные фигурки мамонта, основная масса костных остатков состоит из различных частей его скелета. Это кости конечностей, лопатки, тазовые кости, обломки черепов, бивни и т. п., происходящие, очевидно, от нескольких сотен особей, нередко молодых. В Авдееве кости мамонта принадлежат 86 особям. В Александровке, Аносовке II и Мальте находки костей мамонта также занимают видное место.

Таким образом, мы видим, что охота на мамонта имела большое хозяйственное значение, что и определяло особое положение этого животного. С нею, по-видимому, связаны и магические обряды, о которых свидетельствуют косвенные данные, например, находка в Гагарине хвостовых позвонков мамонта в правильном анатомическом порядке; хвост был забот-

¹³ Коллекция ИЭ АН СССР, № 6194/1931.

¹⁴ Изображение «мамонта» из Озаринцев, как доказано С. Н. Бибиковым, не относится к палеолитическому времени. См. С. М. Бібіков. Зображення тварини на кістній пластинці з с. Озаринців (Поділля). — Археологія, V, Київ, 1951.

ливо уложен в ямку на дне жилища¹⁵. Магическое значение, вероятно, имели и находимые иногда на стоянках кости ног, сохранившие анатомически правильное расположение частей, например кости стопы мамонта в Авдееве. С особым отношением к мамонту следует, вероятно, связывать и предпочтение, отдаваемое частям его скелета как материалу для изготовления произведений искусства и для других целей. В первую очередь в этих целях использовался бивень мамонта, что объясняется, естественно, его великолепными качествами как сырья для художественных изделий. Но употребляли не только бивень; для скульптурных антропоморфных поделок (Авдеево, Пржедмост) служили также кости стопы. Лопатками мамонта прикрывались погребения людей (Городцовская стоянка, Костенки XVIII, Дольни-Вестонице, Павлов, Пржедмост). Скелет в Брно был прикрыт бивнем и лопаткой. В Павиленде (Англия) рядом с окрашенным красной охрой скелетом человека, сопровождавшимся пронизками из раковин и из бивня мамонта, в особой яме лежал целый череп его. На лопатку и челюсти мамонта из Мезина был нанесен красной краской сложный узор. В Елисеевичих найдено скопление из 30 черепов мамонта и между ними — свыше 10 пластин из бивня, орнаментированных сложными условными изображениями.

Для понимания верований, связанных с мамонтом, в какой-то мере могут быть полезны этнографические параллели. Оставляя в стороне представления сибирских народностей, относящиеся к ископаемым остаткам мамонта, приведем лишь некоторые взгляды современных народов Африки на слонов — «родных братьев» мамонта. Так, кафры после удачной охоты на слона погребают в земле, с торжественными церемониями, конец хобота вместе с предметами, изготовленными из слоновой кости¹⁶. В «примирительных» и «искупительных» церемониях, связанных с охотой на слона у одного из племен банту — миндасса в Африке, большое значение имеют хвост и хобот. В этих обрядах подчеркивается также магическая роль женщины для обеспечения удачи в охоте¹⁷.

В то время как изображения мамонта, в соответствии с большим количеством костных остатков, представлены очень широко, фигурки бизона в палеолитическом искусстве СССР известны только в Александровке. Кости бизона, зубра или быка чрезвычайно редки в фауне палеолитических стоянок средней полосы Восточной Европы. Так, например, в Александровке три кости крупного быка (*Bos sp.*, а возможно, и *Bison priscus*) найдены в южном раскопе 1937 г., где отсутствуют поделки из мергеля, и наоборот, в верхнем горизонте Александровки кости быка или бизона не обнаружены. В то же время на некоторых южных стоянках найдены огромные скопления костей зубра. В. И. Громов отмечал, что фауна мустьерской Ильской стоянки представляет фаунистический комплекс, совершенно отличный от верхнепалеолитического, прежде всего характерным преобладанием сем. Bovidae, — первое место по количеству костей в Ильской занимает зубр¹⁸. Еще поразительнее Амвросиевское палеолитическое «костище», где, по подсчетам И. Г. Пидопличко, залегают остатки 950—1000 зубров¹⁹.

Следует остановиться еще на одной находке из Александровки — изображении лапы медведя (?), высеченном из мергеля. Этнографические и археологические данные свидетельствуют о том, что лапе медведя припи-

¹⁵ С. Н. З а м я т н и н. Раскопки у с. Гагарина. — ИГАИМК, вып. 118, 1935, стр. 61—62.

¹⁶ Д. Ф р е з е р. Золотая ветвь, часть IV. Л., 1928, стр. 53—54.

¹⁷ А. Е v e n. Les cérémonies propitiatoires et expiatoires de la chasse à l'éléphant chez les Mindassa d'Okondja. — L'Anthropologie, t. 46, 1936, p. 367—372.

¹⁸ В. А. Г о р о д ц о в. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки. — МИА, № 2, 1941, стр. 13.

¹⁹ П. И. Б о р и с к о в с к и й. Палеолит Украины. — МИА, № 40, 1953, стр. 332.

сывалось особое значение и она играла большую роль в обрядности, связанной с медвежьим культом. Изображения лапы медведя, выполненные из глины, встречались, например, в северных славянских курганах IX—X вв.²⁰

Отмеченное выше сходство фигурок из Александровки, Костенок I и Аносовки II, очевидно, не случайно и его нельзя объяснить только тем, что они изготовлены из одинакового материала. Наряду с другими фактами это сходство свидетельствует как о временной близости поселений, так и об определенных традициях в изображении животных в Костенковском районе. С другой стороны, изображения в верхнем горизонте Александровки бизона, редкого животного в этой полосе Восточной Европы, позволяют предположить наличие каких-то южных связей населения этой стоянки, сохранившихся в определенных особенностях техники обработки камня.

---

²⁰ Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке. — МИА, № 6, 1941, стр. 162—163.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

КРЕМНЕВЫЕ МАСТЕРСКИЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ ВАЛУЕК
НА РЕКЕ ОСКОЛ.

Одним из зачинателей исследования памятников каменного века по среднему течению р. Оскол был С. Н. Замятин. В 1921 г., работая в качестве хранителя в Археологическом отделе Воронежского краеведческого музея, С. Н. Замятин провел в этих местах археологические разведки, во время которых близ дер. Ново-Изрожная, в 3 км к югу от Валук, им обнаружены кремневые изделия и керамика. Описывая эти находки в своей первой печатной работе, С. Н. Замятин отметил, что материалом для изготовления орудий служил местный кремнь, в изобилии имеющийся в меловых обнажениях на противоположном, правом берегу р. Оскол¹. В 1935 г. примерно здесь же, к югу от Валук, проводила археологические работы М. Е. Фосс, обнаружившая ряд стоянок, где встречены многочисленные кремневые орудия и керамика. М. Е. Фосс раскопала некоторые из этих стоянок, расположенные близ с. Шалаево и относящиеся к эпохе бронзы, а также отметила у с. Пристен выходы кремня, залегающего в мелу в виде громадных желваков. Возможно, что именно здесь древние обитатели Шалаевских стоянок и добывали кремневое сырье для изготовления орудий².

В 1958 г. по поручению Института истории материальной культуры АН СССР мною также были проведены археологические разведки по среднему течению р. Оскол, к северу и к югу от Валук³. Постановка этих работ связана с костенковской палеолитической проблематикой. Как известно, основным материалом, который использовали палеолитические обитатели Костенок для изготовления орудий, был темный меловой кремнь. Многолетние поиски месторождений этого кремня по течению Дона выше и ниже Костенок оказались безрезультатными⁴. Но, может быть, такие месторождения все же существовали в ближайших окрестностях Костенок,

¹ С. Н. Замятин. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах. Воронеж, 1921, стр. 5. См. также: С. Н. Замятин. Очерки по доистории Воронежского края. Воронеж, 1922, стр. 8; А. А. Орлов. Стоянка каменного века на р. Оскол. — Труды Воронежской ученой архивной комиссии, вып. II. Воронеж, 1904, стр. 143.

² М. Е. Фосс. Раскопки стоянок на реке Оскол. — Труды ГИМ, вып. XII. М., 1941; ее же. Валуйский район. В сб.: «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 161—164; ее же. Отчет об экспедиции 1935 года. — Архив ГИМ.

³ В работах принимали участие Г. Ф. Коробкова и М. Р. Касымов. Большую помощь при проведении разведок оказали нам исследователи местного края, в первую очередь Г. Ф. Денисенко (Валуйки) и Н. П. Харченко (Уразово).

⁴ П. П. Ефименко. Костенки I. М.—Л., 1958, стр. 209—213, 287.

а впоследствии были исчерпаны, разрушены или же просто до сих пор остаются необнаруженными? Это маловероятно. Во всех костенковских палеолитических стоянках, обитатели которых использовали меловой кремль, привлекает к себе внимание очень малый процент нуклеусов и относительно большое количество законченных кремневых орудий по сравнению со всем расколотым кремнем. В костенковских палеолитических стоянках почти никогда не обнаруживают крупных желваков мелового кремня, превышающих 10 см в поперечнике. Редки здесь и крупные отщепы, сохранившие на своей поверхности свежую, неветренную известковую корку. Отбросы обработки мелового кремня представлены преимущественно мелкими отщепами, чешуйками и краевыми отщепами резцов, т. е. получились не вследствие первичного раскалывания желваков, а главным образом в результате ретуширования пластинок, превращения их в орудия, переделки сломанных орудий в резцы. Все это составляет резкий контраст с позднепалеолитическими стоянками с берегов Десны, такими, как Пушкари I, Тимоновка и др. Их обитатели жили вблизи богатых месторождений мелового кремня, и поэтому здесь встречается очень много отщепов, осколков и кусков кремня. Процент целых орудий по отношению к отбросам, получившимся при их обработке, очень мал, а процент нуклеусов по отношению к законченным орудиям значительно больше, чем в Костенках. Следует отметить, что в тех костенковских стоянках, где использовался преимущественно цветной валунный кремль местного происхождения, таких нуклеусов значительно больше, чем нуклеусов из мелового кремня, а законченных орудий из цветного кремня по сравнению с находками отбросов того же материала обычно очень мало⁵.

Публикуемая ниже (стр. 106) таблица дает представление об этой особенности костенковских стоянок, резко отличающей их от стоянок с берегов Десны.

Таким образом, есть все основания думать, что палеолитические обитатели Костенок приносили кремль откуда-то издалека. М. Н. Грищенко высказал предположение, что районом, где добывался кремль, был бассейн Оскола⁶. Такого же мнения придерживается и П. П. Ефименко, считающий, что соответствующие залежи хорошего мелового кремня должны были находиться где-то к западу от Костенок, возможно, на водоразделе Дона и Оскола⁷. В поисках подобных месторождений, а также мест, где меловой кремль мог подвергаться первичной обработке прежде, чем его заготовки уносили в район Костенок, мы и предприняли в 1958 г. разведку по Осколу.

В результате исследований в районе Валук обнаружено несколько богатых месторождений мелового кремня и, что самое интересное, несколько кремневых мастерских (рис. 47). Мастерские Углово и Хохлово расположены на левом берегу Оскола, выше Валук, недалеко от с. Принцевки. Они связаны с большим, широким оврагом Балки, впадающим слева в долину Оскола. Правый склон оврага прорезает меловые отложения, в которых залегают целые пласты желваков черного мелового кремня, достигающих 20—50 см в поперечнике. Часть желваков вымывается и грядками лежит на дне оврага. Сразу же над этим месторождением, в верхней части правого склона оврага, на его очень пологой, распахиваемой поверхности расположена обширная кремневая мастерская, названная нами Углово. Кремни найдены здесь на поверхности, на площади примерно 3 × 0,3 км. Преобладают, как обычно в подобных мастерских, куски и осколки кремня, не носящие признаков намеренного раскалывания рукой

⁵ Характерный пример в этом отношении представляет средний культурный слой стоянки Боршезо II и стоянка Валукинского (Костенки XIX).

⁶ М. Н. Грищенко. Палеогеография Костенковско-Боршевского района эпохи верхнего палеолита. — КСИИМК, вып. XXXI. 1950, стр. 87, 88.

⁷ П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 210, 211.

Таблица соотношений находок орудий и нуклеусов⁸

Стоянки	Процент нуклеусов ко всему кремню	Процент орудий ко всему кремню
Костенковско-Боршевские		
Тельманская, верхний культурный слой	0,4	25
Костенки IV, круглые жилища	0,6 *	11
Костенки IV, длинные жилища	0,4	12
Костенки II	1 **	13
Костенки XVII, нижний культурный слой	0,5	3 ***
Костенки XVII, верхний культурный слой****	0,7	6,6
Боршево I	0,5	7,4
Боршево II, нижний культурный слой	0,6	10
Боршево II, верхний культурный слой	1	10
Деснинские		
Пушкари I	2	2
Бугорок I	3	5
Чулатово I	1	3
Чулатово II	1	4

* В подсчет нуклеусов нами не включены так называемые вторичные ядрища, сделанные не из желваков и кусков кремня, а из массивных пластин и отщепов (см. А. Н. Рогачев. Костенки IV—поселение древнекаменного века на Дону. М.—Л., 1955, стр. 37—42).

** Подсчитаны только нуклеусы, сделанные из мелового кремня Костенок II; нуклеусы из цветного кремня составляют 5%.

*** Следует учесть, что 74% всех отбросов составляют мелкие чешуйки, имеющие до 1 см в поперечнике и получившиеся в результате ретуширования кремневых орудий; 6% всех отбросов составляют крупные отщепы рывцов.

**** Подсчитаны только изделия из мелового кремня. Если сделать общий подсчет предметов из мелового и цветного кремня и из кварцита, то нуклеусы составят 0,7%, а орудия — 3%.

человека. Но среди них встречено 80 расколотых кремней. По характеру поверхности кремни отчетливо делятся на две группы: первая группа (50 экземпляров) — окатанные, покрытые более или менее густой белой и голубой патиной (рис. 48—А). Вторая группа (30 экземпляров) — свежие, черные, непатинизированные (рис. 48—Б).

Кремни первой группы характером своей поверхности напоминают мустьерские кремни из местонахождений на берегах рек Миус и Крынка в Приазовье. Среди них выделяется диск, несколько напоминающий мустьерские (рис. 48—5), и отщеп с довольно большой ударной площадкой с фасетками, расположенной под прямым углом к нижней отбивной плоскости (рис. 48—2). Остальное — маленькие отщепы, до 5 см в поперечнике. Другие кремни покрыты не столь глубокой, более тусклой, белой, голубой и синей патиной. Характером поверхности они очень напоминают донские и деснинские позднепалеолитические кремни. Среди них привлекает внимание типичный призматический нуклеус (рис. 48—4). Однако пластинки, соответствующие ему по форме и размерам, отсутствуют, имеются лишь небольшие отщепы и осколки, до 5 см в поперечнике (рис. 48—1, 3).

Для второй группы кремней из этого местонахождения характерны лучше выраженные типичные формы. Здесь найдено семь призматических нуклеусов довольно правильных очертаний (рис. 48—7, 10), пять типичных отбойников (большинство представляет собой призматические нуклеусы, превращенные затем в отбойники), удлиненные пластинки и отщепы (рис. 48—6, 8).

Среди подъемного материала отсутствуют орудия (кроме отбойников) и заготовки их или полуфабрикаты (кроме пластинок и отщепов). Не обна-

⁸ Подсчеты, относящиеся к стоянкам Чулатово I и Чулатово II, приводятся по М. В. Воеводскому, относящиеся к стоянке Бугорок — по М. В. Гвоздовер, относящиеся к Костенкам IV — по А. Н. Рогачеву, к Боршеву I — по Е. А. Векиловой.

ружена и керамика. В разведочном шурфе, в верхней части подстилающего почвенный слой суглинка, найдены два осколка кремня, покрытых белой патиной. Весь этот комплекс находок свидетельствует, что в Углове обнаружена кремневая мастерская, связанная с месторождением кремня. Здесь производилось первичное раскалывание кремня, получались кремневые заготовки, которые потом уносились на поселения и превращались там в орудия. Эта мастерская близко напоминает многие подобные мастерские, открытые в 1950 г. по берегам р. Крынки и служившие также местом первичного раскалывания кремня⁹. Она отличается от тех мастерских, где наряду с отбойниками, нуклеусами, пластинками и отщепами встречаются орудия, не законченные обработкой¹⁰, и от мастерских с берегов Крынки, таких, как Новоклиновка, тем, что здесь отсутствуют отщепы, сохранившие на значительных участках поверхности желвачную корку и получившиеся в результате первоначальной обивки кремневых желваков. Можно предположить, что удаление известковой корки производилось внизу, под мастерской, при извлечении желваков из толщи мела. Тем самым устанавливалась пригодность желваков для дальнейшей обработки, а затем уже они поднимались наверх.

Кремневая мастерская Углово существовала, видимо, очень долго. Многие поколения людей каменного века приходили сюда для добычи кремня и его первичной обработки, для получения кремневых заготовок. Характер патинизации угловских кремней первой группы позволяет датировать ее поздним палеолитом. Вторая группа, вероятно, относится к неолиту и к эпохе бронзы, частично, может быть, одновременна Шалаевским стоянкам, исследованным М. Е. Фосс.

Кремневая мастерская Хохлово расположена на том же правом берегу большого оврага, ближе к его устью и к долине Оскола, несколько южнее Угловской. Площадь ее примерно 1 км × 30 м. Находки и тут собраны на поверхности. И здесь можно выделить две группы кремней: 1) покрытые более или менее густой белой, голубой и синей патиной (36 экземпляров, рис. 49—А) и 2) свежие черные непатинизированные (100 экземпляров, рис. 49—Б).

Рис. 47. Размещение кремневых мастерских, открытых в 1958 г. в окрестностях Валук:

I — Костенковско-Боршевский палеолитический район; II — палеолитические и неолитические кремневые мастерские, открытые в 1958 г. (1 — Углово; 2 — Хохлово; 3 — Солотя; 4, 5 — Знаменское)

⁹ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. М.—Л., 1953, стр. 362—368.

¹⁰ Примеры таких кремневых мастерских см., например, в работе: П. И. Борисковский. Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье. — Таганрогский краеведческий музей. Краеведческие записки, вып. 1. Таганрог, 1957.

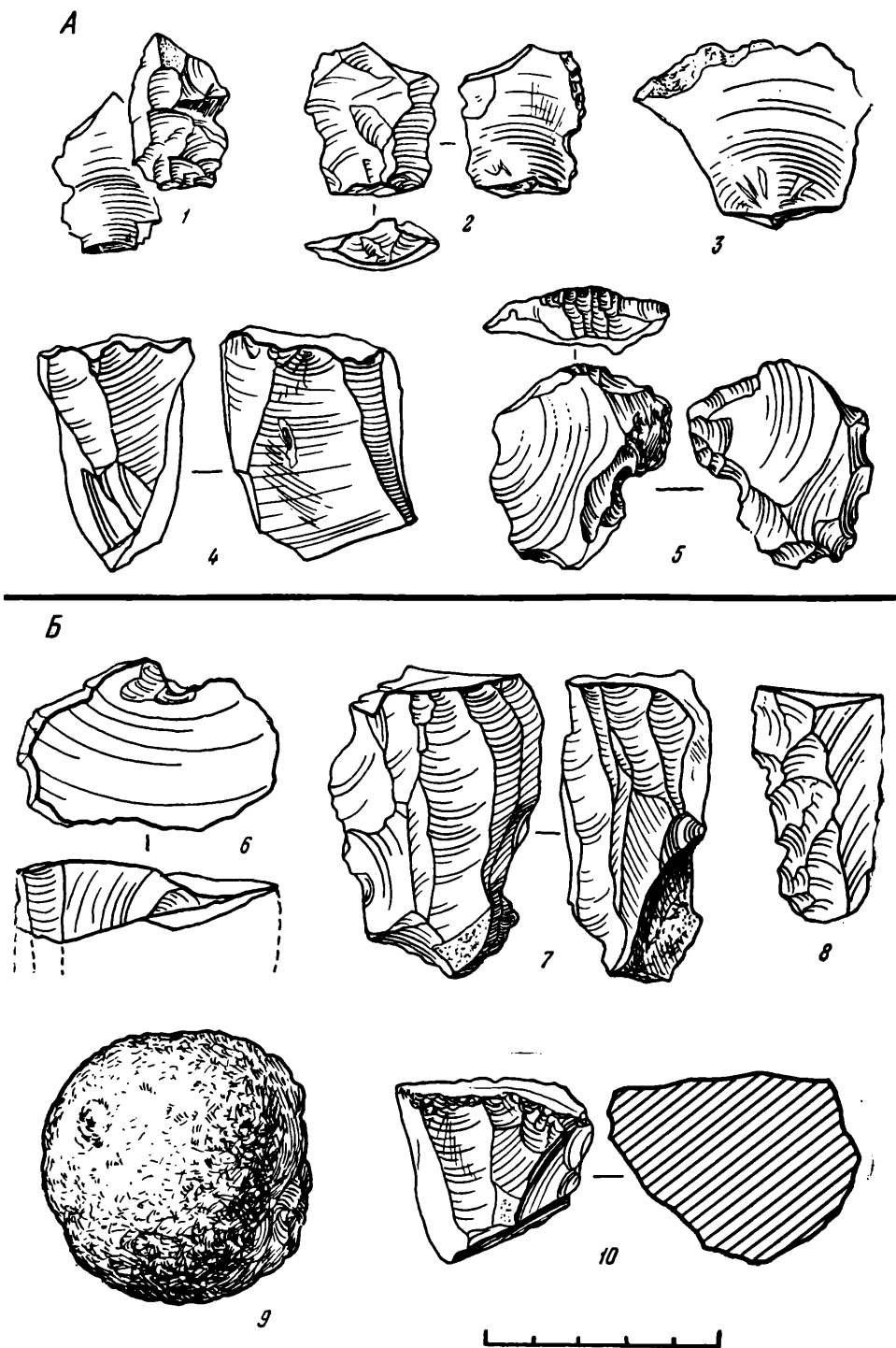
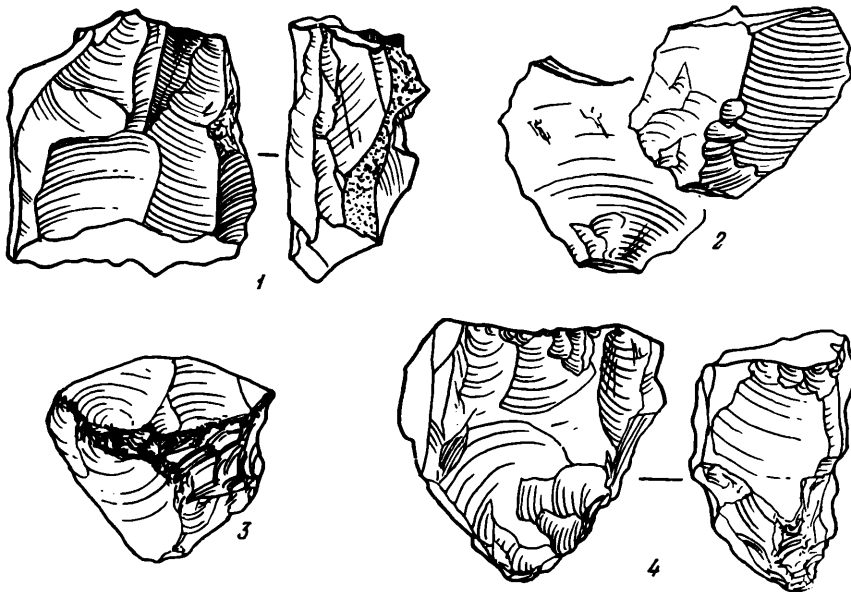

Рис. 48. Кремневая мастерская Углово:

А — патинированные палеолитические кремни (1—5); Б — непатинированные кремни, относящиеся к неолиту и к эпохе бронзы (6—10)

A

B

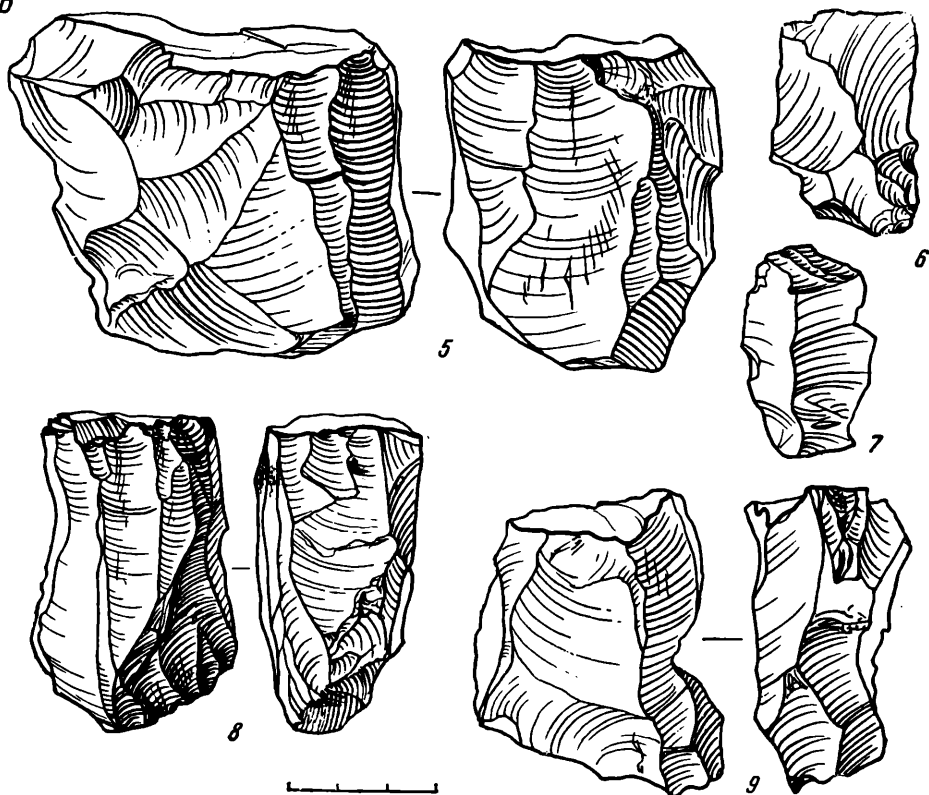

Рис. 49. Кремневая мастерская Хохлово:

A — патинизированные палеолитические кремни (1—4); *B* — непатинизированные кремни, относящиеся к неолиту и к эпохе бронзы (5—9)

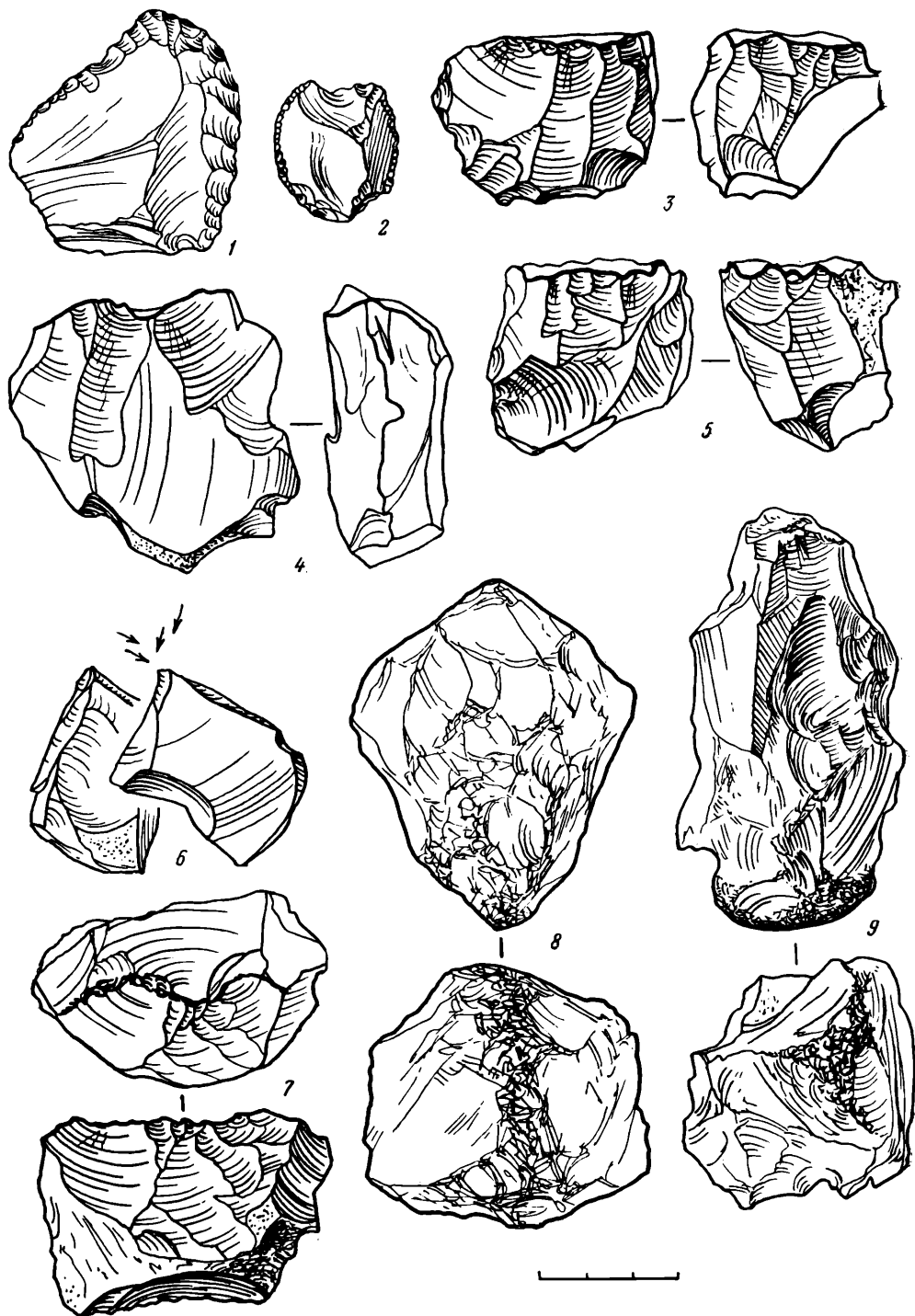

Рис. 50. Кремневая мастерская Хохлово.
Непатинизированные неолитические кремни

Первая группа включает 7 призматических нуклеусов (рис. 49—1, 4), два плохо выраженных отбойника (рис. 49—3), ряд удлиненных пластинок и отщепов (рис. 49—2).

Во второй группе 23 призматических нуклеуса (рис. 49—5, 8, 9; рис. 50—3—5, 7), три плохо выраженных отбойника (рис. 50—8, 9), отжимник, 22 удлиненные пластинки и 38 отщепов (рис. 49—6, 7). Здесь найдены также довольно массивный многофасеточный резец (рис. 50—6), может быть, выполнявший функции нуклеуса и служивший для отделения тонких пластинок, и кварцитовое орудие, напоминающее и остроконечник и скребок со скошенным лезвием (рис. 50—1).

В Хохлове также привлекает внимание полное отсутствие керамики и орудий, не законченных обработкой (заготовок, полуфабрикатов). И здесь почти вовсе отсутствуют кремни, значительная часть поверхности которых покрыта коркой; видимо, и сюда приносились желваки, с которых корка уже была удалена. Интересно и то, что в обеих мастерских мало удлиненных кремневых пластинок по сравнению с количеством призматических нуклеусов, а очертания этих пластинок гораздо менее правильны, чем у нуклеусов. По-видимому, подавляющее большинство их, в частности пластинки более правильных очертаний, уносились отсюда в качестве заготовок.

Кремневая мастерская Хохлово, вероятно, также существовала достаточно долго, от позднего палеолита до эпохи бронзы.

Кремневые месторождения и связанные с ними мастерские открыты также южнее Валук, ниже по течению Оскола, в районе Уразова. Из них наиболее интересно месторождение на правом берегу Оскола, у Знаменского, против Уразова. Меловые отложения с залегающим в них пластом крупных желваков черного кремня размываются здесь впадающим в долину Оскола Курячьим логом. На правом берегу лога и расположена кремневая мастерская, где на площади примерно 300×100 м собрано около 50 расколотых кремней. Все кремни слегка окатаны, покрыты характерной позднепалеолитической белой, голубой и синей патиной. Преобладают отщепы (27 экземпляров); нередко встречались удлиненные пластины (17 экземпляров). Призматические нуклеусы представлены только тремя атипичными экземплярами. Найден также один хорошо выраженный отбойник. В заложеном на территории мастерской разведочном шурфе обнаружены в черноземе и в подстилающем его сером переходном слое, на глубине 0,2—0,55 м от поверхности, четыре кремневых отщепа и четыре пластинки. Характер их поверхности такой же, как и у остальных кремней из этой мастерской, они точно так же патинизированы.

На противоположном склоне лога найдены остатки другой, гораздо более бедной кремневой мастерской.

Из известных в настоящее время кремневых месторождений и мастерских кратко описанные нами в настоящей статье ближе всего расположены к Костенкам. Месторождения и мастерские из окрестностей Принцевки находятся в 140 км к юго-юго-западу от Костенок. Палеолитические обитатели Костенок могли без особого труда преодолевать это расстояние, добывать и раскалывать здесь хороший меловой кремень, а затем заготовки (крупные нуклеусы, пластины, куски, лучшие желваки) приносить на стоянки. Этнографический и археологический сравнительный материал свидетельствует о том, что подобное расстояние не могло быть препятствием для людей той эпохи. Так, например, обитатели позднепалеолитических стоянок Чахлеу на севере Румынии, в долине р. Бистрицы, приносили кремень за 180—200 км с берегов Прута. Продолжение разведок по течению Оскола и его притока Валуя, к северу от Валук, может привести к обнаружению кремневых месторождений и мастерских, расположенных еще ближе к Костенкам.

М. Д. ГВОЗДОВЕР

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ АВДЕЕВСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

В последние годы перед исследователями палеолита особенно остро встает проблема периодизации и выявления локальных различий верхнего палеолита Русской равнины. Стало очевидным, что необходимо учитывать местные особенности развития культур, и в первую очередь специфические (этнографические) черты, определяющие принадлежность стоянки к той или иной культуре. Нельзя при таком подходе брать механически широкие, случайные аналогии с других территорий. Следует сравнивать лишь группы памятников, сходных и в целом (что может объясняться хронологической близостью), и по ряду специфических особенностей инвентаря, объединяемых общими традициями обработки кремня. Только такой метод позволит выявить конкретную историю общественных образований верхнего палеолита.

Для Авдеевской стоянки чертами, определяющими ее культурную принадлежность, следует считать: долговременное жилище, разнообразие форм кремневого инвентаря, наличие наконечников с боковой выемкой, ножей с «подтеской» концов, орудий, частично обработанных солютрейской ретушью, в сочетании с мелкими пластинками с притупленным краем, высоко развитую обработку кости, прорезание отверстий на костяных поделках, наличие тесел-мотыг и копалок, памятников реалистического искусства, геометризванного орнамента. Сочетание всех этих особенностей четко отделяет Авдеево от близких по времени, но отличных по культуре стоянок.

Характернейшим орудием для Авдеева является наконечник с боковой выемкой. Этот тип орудий встречается в памятниках периода от ориньяка до мадлена на территории от Дона до Бискайского залива. Среди наконечников с боковой выемкой следует выделять три основных типа:

1) наконечник с боковой выемкой из солютрейских стоянок Франции (рис. 51—1). Длина его до 7 см, очертания очень правильные, изготовлен на узкой ножевидной пластинке, обработан плоской солютрейской ретушью, с длинными, узкими фасетками либо сплошь, либо у острия. Очевидно, это наконечник метательного орудия. Из находок на территории СССР наиболее близок к нему наконечник из верхнего горизонта стоянки Костенки IV, представленный единственным экземпляром;

2) наконечник костенковского типа. Длина его до 12—14 см. Изготовлен на правильных, довольно широких пластинах. Солютрейской ретушью подработано перо и основание с обеих сторон. Сбоку крутой ретушью выделена выемка, нередко занимающая до $\frac{2}{3}$ длины орудия. По своему функциональному назначению — это нож¹ (рис. 51—4, 5);

¹ С. А. Семенов. Изучение функций палеолитических орудий по следам работы. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2. 1950.

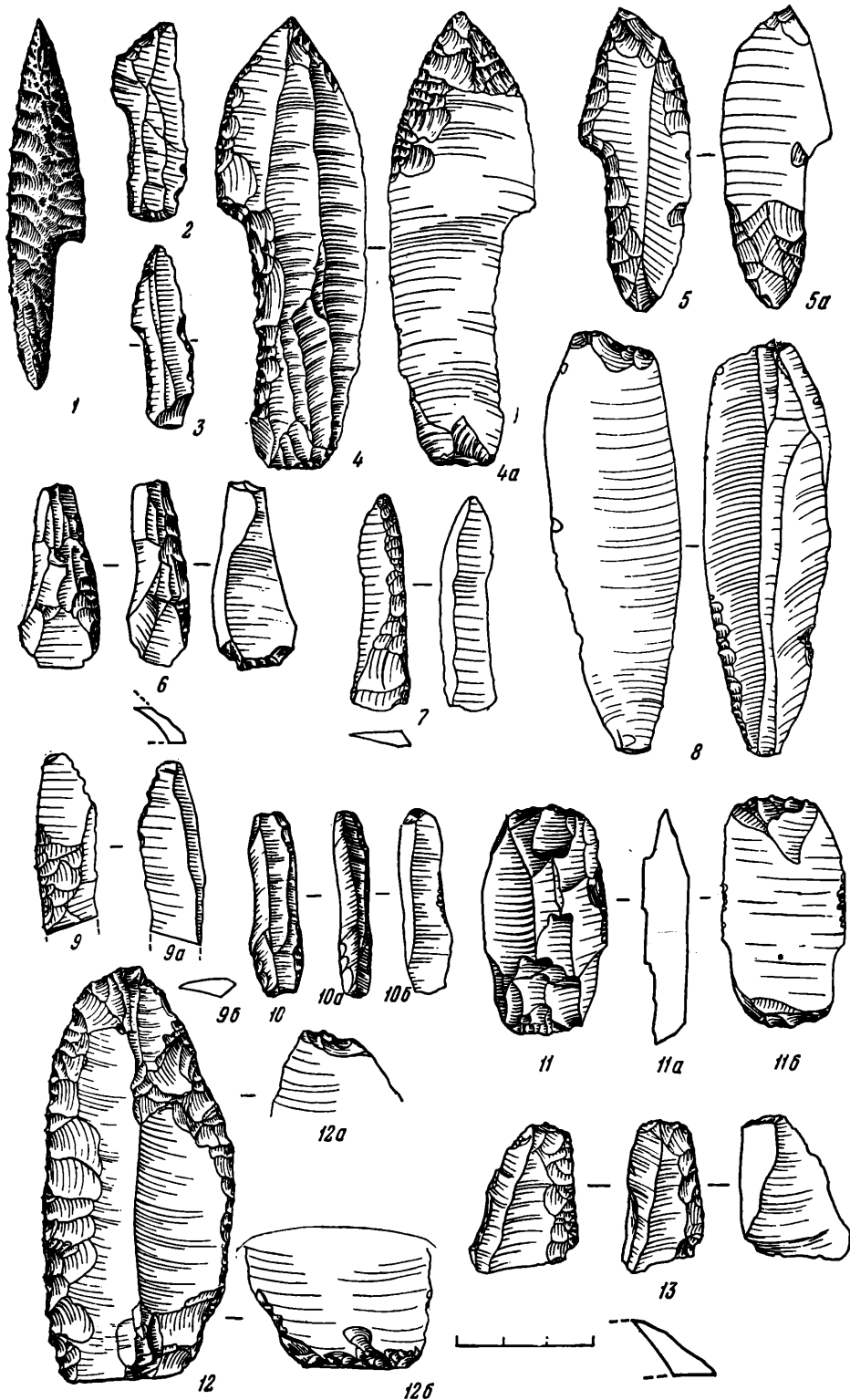

Рис. 51. Наконечники различных типов и другие орудия:

1 — наконечник с боковой выемкой солиотрейских стоянок Франции (по Г. Мортилье); 2, 3 — атипичный наконечник с боковой выемкой (по М. В. Воеводскому); 4, 5 — наконечники с боковой выемкой костяковского типа (Авдеево); 8, 11, 12 — орудия со стесанным концом — ножи костяковского типа (Авдеево); 6, 7, 9, 10, 13 — краевые отщепы (Авдеево)

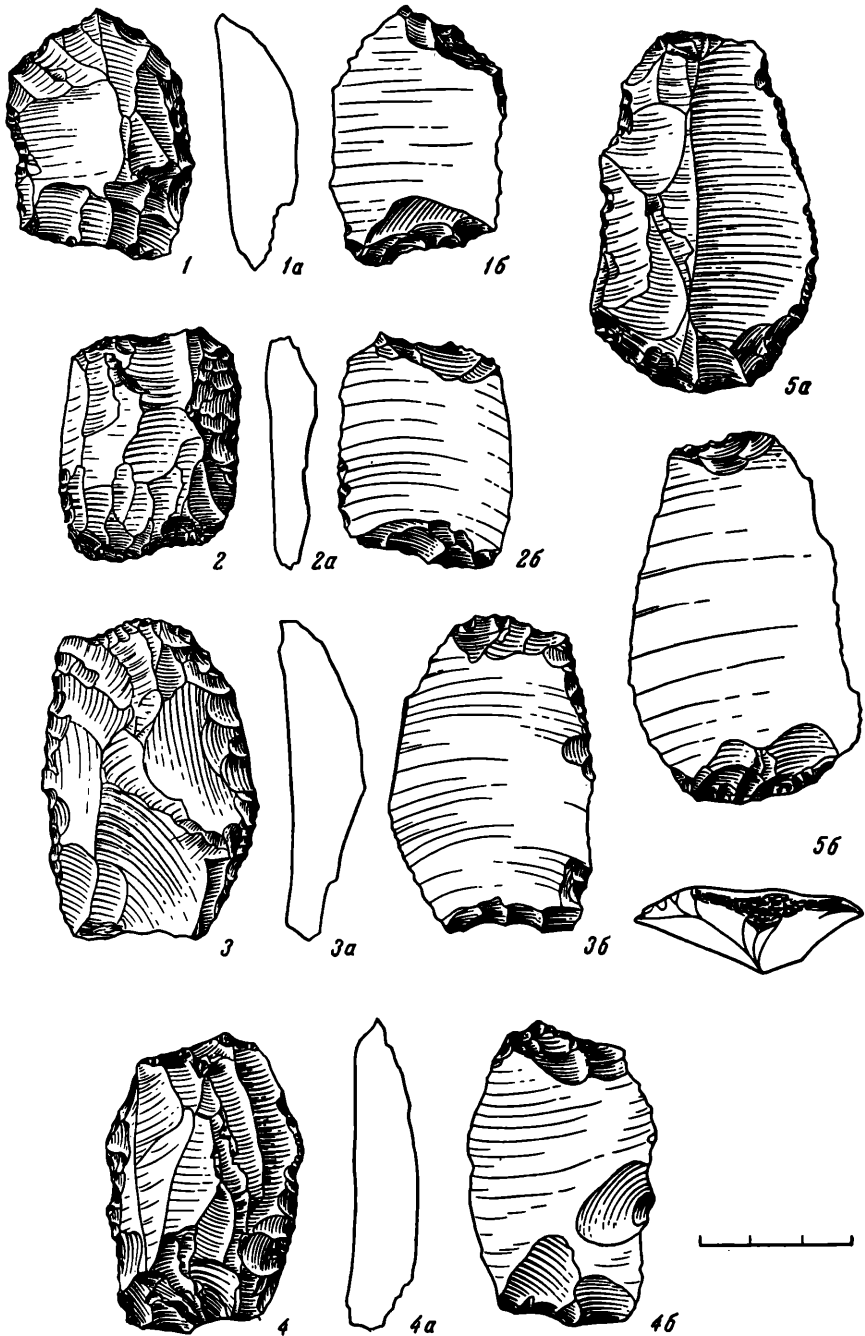

Рис. 52. Авдеевская палеолитическая стоянка:
 1—5 — орудия со стесанными концами — стамески и долота

3) атипичический наконечник с боковой выемкой. Наиболее широко распространен был в период от раннего ориньяка до мадлена включительно. Наконечники эти имеются в различных комплексах инвентаря и почти нигде не составляют многочисленных серий. Для их изготовления употребляли пластины — неправильные, часто изогнутые, что исключало возможность их использования в качестве метательных орудий (рис. 51 — 2, 3). Атипичические наконечники, как это явствует из самого названия, не составляют выдержанных по форме серий орудий — оформление их рабочей части и черешка, а также размеры варьируют. По назначению — это проколки, мелкие острия, лезвия небольших ножей. По технике обработки они очень близки к пластинкам с притупленным краем; по сути дела, это один из вариантов. Возникновение подобных орудий объясняется общим ходом развития техники в эпоху верхнего палеолита и так же естественно для всего позднего палеолита, как и наличие резцов. Подобные орудия могли появляться в различное время и на разных территориях самостоятельно при достаточно развитой технике притупления края.

В Авдееве наконечники с боковой выемкой составляют около 7% всех орудий и представлены они преимущественно костенковским типом. Крупные экземпляры использовались как ножи, а небольшая группа орудий среднего размера, возможно, — как наконечники копий. В небольшом количестве встречаются и атипичические наконечники с выемкой. Кроме Авдеева, наконечники костенковского типа известны в Костенках I, Бердыже, Гагарине. Известны они и из некоторых стоянок средней Европы (Виллендорф, Пржедмост, Мораваны, Петржковицы).

Вторая характерная особенность техники обработки кремня на Авдеевской стоянке — это плоская «подтеска» концов пластин со стороны брюшка — прием, несколько отличающийся от солютрейской плоской ретуши. Здесь обычно фасетки широкие, часто с заламами; они не лежат в одной плоскости с брюшком пластины, а снимают неровности у концов, причем почти всегда фасетки лежат под углом к излому пластинки, оформляя вогнутое лезвие. Орудия со стесанными концами впервые были описаны П. П. Ефименко² в 1915 г. в инвентаре стоянки Костенки I. Исследовавший кремневую индустрию Пржедмоста А. Брейль³ также выделил этот тип орудий, причем отметил, что он характерен лишь для Восточной Европы и неизвестен на Западе. С. Н. Замятнин⁴ описал эти «вогнутые стамески» среди находок из Карачаровской и Гагаринской стоянок. Единичные находки «ножей костенковского типа» отмечаются в других стоянках Восточной Европы. В небольшом количестве известны они в некоторых памятниках Сибири. Орудия со стесанными концами — наиболее широко представленный в Авдееве тип — составляют около 32% всего инвентаря. Однако они различны по форме, размерам и по целому ряду характерных деталей. Подтеска конца является техническим приемом оформления различных орудий, облегчающим их использование⁵. Не всегда удается расчленить группу орудий со стесанными концами по их функции. Это объясняется тем, что авдеевский кремень, по мнению С. А. Семенова, «маловыразителен в смысле сохранения следов использования орудий». Кроме того, в Авдееве часто перемалывались сломанные орудия, и невозможно решить, относятся ли следы к первоначальному использованию или к ра-

² П. П. Ефименко. Костенковская палеолитическая стоянка. — Ежегодник Русского антропологического общества, т. V, 1915.

³ H. Breuil. Notes de voyage paléolithique en Europe Centrale. — L'Anthropologie, t. 34, 1925.

⁴ С. Н. Замятнин. Карачаровская палеолитическая стоянка. Аспирантский сборник ГАИМК, I, 1929; его же. Раскопки у с. Гагарино. — Изв. ГАИМК, вып. 118, 1935.

⁵ К близким выводам приходит С. А. Семенов. См. его работу «Первобытная техника». — МИА, № 54, 1957.

боте уже в переделанном виде. Наконец, многие орудия были комбинированными и отдельные их части выполняли различную работу.

Орудия со стесанными концами изготовлялись на пластинках, отщепках и на нуклеидных обломках кремня. Концы оформлялись стесыванием как со спинки, так и с брюшка. Со стороны спинки идут обычно вытянутые узкие пластинчатые сколы, уплощающие конец пластины, а в некоторых случаях снимающие ребро и другие неровности спинки почти на всю ее длину. При обоих стесанных концах это выравнивание шло как бы навстречу друг другу. С брюшка конец уплощался широкими, нередко с заломами фасетками, идущими под углом к обрезу пластины. В результате создавалось скошенное или прямое, желобчатое или слегка дугообразное лезвие. Края пластины часто приострены ретушью и несут следы потертости, выщербины и некоторую забитость. Ретушь неоднородна. Нередко от стесанного конца идут сколы, напоминающие резцовые; это негативы от краевых отщепов, снятых для оживления сносившегося края орудия. При наличии стесанного конца рабочий край очень точно может быть оживлен ударом, отделяющим тонкий, так называемый краевой отщеп. Этот прием широко представлен в Авдееве, где краевые отщепы составляют многочисленную группу (их свыше 2500 экземпляров). Они напоминают резцовые отщепы, но отличаются от них поперечным сечением. Обычно это плоские, вытянутые, трехгранные в сечении отщепы. Они сняты сильным, точным ударом, причем при откалывании захватывался и узкий участок брюшка и спинки орудия (рис. 51—6, 10, 13).

На спинке отщепки иногда видны следы от нескольких предшествующих сколов. На уцелевших основаниях сохранился участок стесанного конца. Ретушь на всех отщепках нанесена до откалывания их от орудия и, как и на пластинках со стесанным концом, она разная. Отретушированный край часто сильно изношен и замят; на брюшке отщепки также видны следы продолжительной работы, иногда оставляющей зеркальную заполировку. О том, что чаще всего рабочей частью описываемых пластинок служила длинная сторона и прилегающий к ней участок стесанного конца, вполне определенно свидетельствуют краевые отщепы и следы сработанности на них и на самих орудиях.

Орудия со стесанными концами можно разделить на несколько групп.

1. Наиболее многочисленную группу (150) составляют ножи костенковского типа (рис. 51—8, 11, 12). Это довольно крупные, правильные ножевидные пластины, у которых один конец стесан, а на другом нередко сохранился участок ударной площадки нуклеуса. Ретушь часто идет по длинной стороне орудия — на участке, прилегающем к стесанному концу. Здесь всегда заметны следы сильной изношенности (выщербины, потертость, заглаженность). Стесанный конец как бы продолжает прямое и острое лезвие пластины, создавая режущий конец. Таким образом, у ножей костенковского типа при работе использовался не весь стесанный конец, а лишь его край. Реже весь стесанный край образует острый и плоский кончик ножа, иногда дугообразный, прямой, чаще — несколько скошенный. В некоторых случаях он в средней части так массивен и притуплен, что мог служить опорой для пальца при резании. Судя по следам использования, обломки этих орудий не теряли своей рабочей пригодности. Встречены подобные ножи с двумя остриями, образованными либо у противоположных концов, либо у обоих углов одного.

2. Вторая группа орудий — стамески-долота. На них следы сработанности расположены по обрезу стесанного, более массивного конца; край его очень ровный, без выступов граней фасеток, как это отмечено у ножей. Он, как правило, вогнутый, реже прямой. Забитость его напоминает чешуйчатую или звездчатую сработанность и иногда переходит на спинку, уплощенную рядом удлиненных сколов, идущих навстречу с обоих концов и

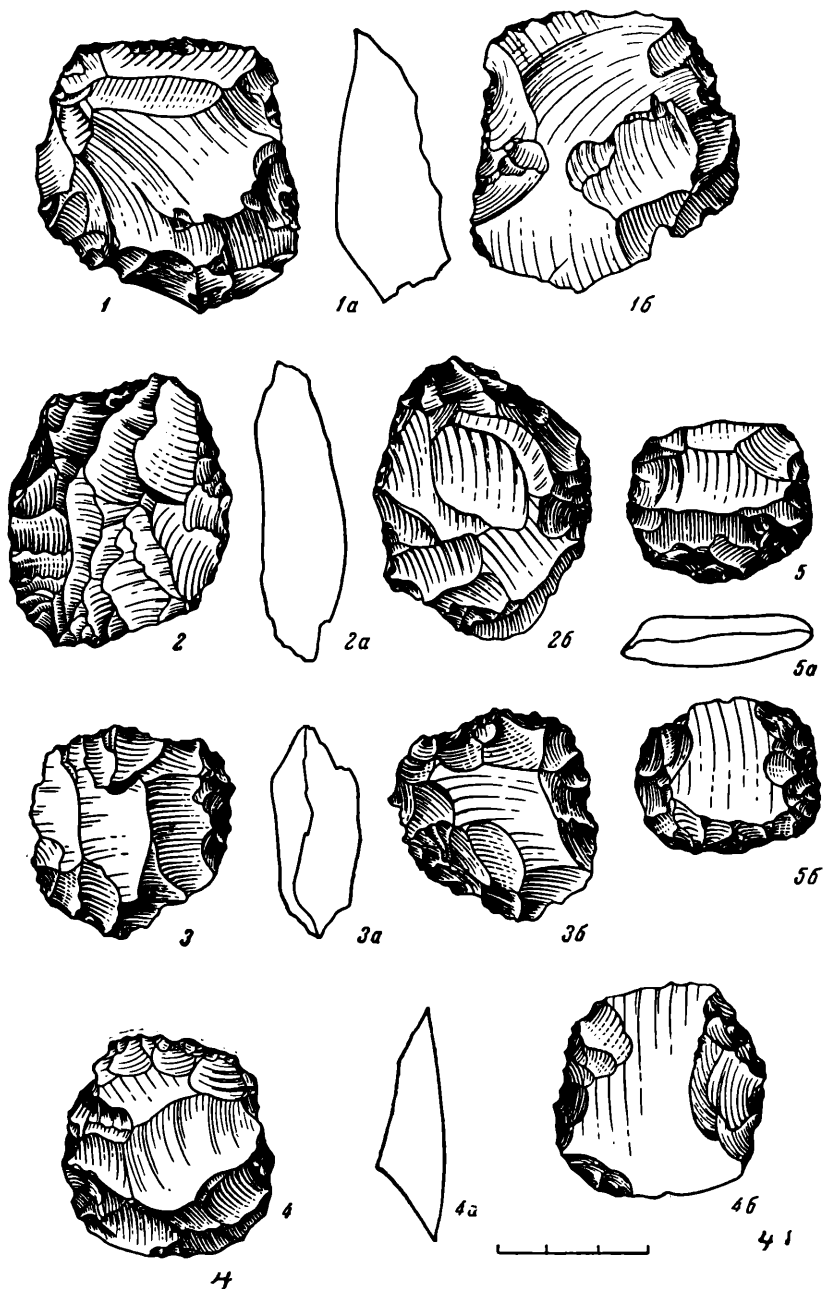

Рис. 53. Авдеевская палеолитическая стоянка:

1—5 — рубящие орудия со стесанными концами

снимающих все неровности спинки. Изготавливались стамески-долота из массивных, коротких и широких пластин или из их обломков. У большинства орудий этой группы подтесаны оба конца одинаково. У других — на одном конце нож, на другом стамеска. У некоторых орудий, кроме забитости по краю стесанного конца, заметна на боковых сторонах ретушь и следы работы. Судя по тому, что концы орудий оформлены иногда одинаково, иногда по-разному, можно думать, что они использовались попеременно и едва ли вставлялись в рукоять (рис. 52).

3. Техникой подтески изготавливались также дисковидные рубящие орудия. Их в коллекции немного и почти все они различны по оформлению и характеру рабочего края и напоминают обломки вторичных нуклеусов, но отличаются от них большей систематичностью обработки и наличием правильного рабочего конца с характерной сработанностью. Большая часть рубящих орудий — неправильной дисковидной формы; размер их до 5 см. Все они изготовлены на массивных пластинах или отщепках. Техникой подтески выравнены и притуплены концы, а иногда и боковые грани. Само лезвие, довольно массивное и короткое, образовано либо гранью отщепа, либо стесыванием со стороны спинки и с брюшка. На нем под бинокулярной лупой можно видеть следы сработанности, характерные для рубящих орудий⁶. Край забит. Эти орудия употреблялись для работы по твердому материалу и были закреплены в рукояти (рис. 53).

Изложенное выше позволяет сделать некоторые общие выводы. Подтеска концов — технический прием, служивший для различных целей: для притупления краев излома пластины; для выравнивания концов пластины по ее длинной оси; для уплощения тыльных концов орудий для вставления в рукоять; для оформления рабочих лезвий орудий (ножа, острия, долота, рубящего орудия). Стесанный конец представлял собой выступающую площадку (напоминающую основания некоторых нуклеусов Авдеевской стоянки), с которой удобно было тонким сколом снимать выступающее ребро и неровности спинки пластины, а также краевые отщепы, оживляющие рабочий край, что обеспечивало возможность длительного использования орудия. Прием подтески концов не получил в верхнем палеолите широкого распространения. Орудия со стесанными концами известны примерно в тех же памятниках, что и наконечник костенковского типа (в Костенках I, Бердыже, Гагарине, Пржедместе и некоторых других).

Рассматривая памятники, выделенные на основании наличия в их инвентаре наконечников костенковского типа и пластин со стесанными концами, мы видим, что сходство между ними прослеживается и в типах жилища, и в технике обработки кости, и в наборе костяных орудий, и в характере искусства.

Авдеевская стоянка обнаруживает поразительное сходство со стоянкой Костенки I во всех проявлениях культуры, что нельзя объяснить только хронологической близостью, так как наблюдается сходство не только культуры в целом, но и второстепенных деталей. Это свидетельствует о генетическом родстве Авдеева и Костенок I. При сравнении Авдеева с другими стоянками Русской равнины, где встречаются наконечники с боковой выемкой, мы пришли к выводу, что лишь в Гагарине и Бердыже атипичский наконечник напоминает наконечники костенковского типа. Ряд специфических черт позволяет отнести эти памятники к костенково-авдеевской культуре. Особенности инвентаря Гагаринской стоянки дают возможность предполагать более поздний ее возраст в пределах существования костенковской культуры. При сравнении Авдеева с Тельманской стоянкой (верхний горизонт) и Костенками IV (верхний горизонт) видно, что Ко-

⁶ С. А. Семенов. Топор в верхнем палеолите. — КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

стенки IV по технике обработки кремня и кости значительно отличаются от Тельманской стоянки и более близки к Авдееву.

За пределами Русской равнины сходные с перечисленными памятники известны в Чехословакии (Петржковицы, Мораваны, Пржедмост, Дольни Вестонице, Павлов) и Австрии (Виллендорф). На этих стоянках встречаются наконечники костенковского типа, пластины со стесанными концами и другие сходные типы орудий. И эту группу стоянок следует отнести к авдеевско-костенковской культуре.

Все изложенное дает нам право рассматривать описанные формы орудий как этнографические особенности Авдеевской стоянки, объединяющие ее с другими памятниками родственной культуры, и определить группу генетически родственных памятников. Сравнительное изучение таких групп стоянок, связанных единством технических приемов, объяснимым лишь общностью происхождения, даст возможность выявить пути распространения этой культуры.

Г. Ф. ДЕБЕЦ

ЧЕРЕП ИЗ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ
В ПОКРОВСКОМ ЛОГЕ (КОСТЕНКИ XVIII)

Изучение позднего палеолита Русской равнины неразрывно связано с Костенковско-Боршевской группой памятников. Кроме большого количества стоянок здесь найдены и погребения.

В 1952 г. скелет ребенка 5—6 лет обнаружен А. Н. Рогачевым на Городцовской стоянке (Костенки XV). Подробное описание находки опубликовано В. П. Якимовым¹. В 1953 г. другой скелет ребенка, несколько более старшего возраста, обнаружен А. Н. Рогачевым в устье Покровского Лога (Костенки XVIII). Описанию этой находки и посвящена настоящая статья. В том же 1953 г. П. И. Борисовским найден скелет взрослого мужчины на стоянке Костенки II. Наконец, в 1954 г. А. Н. Рогачев нашел на стоянке Маркина гора (Костенки XIV) погребение с прекрасно сохранившимся скелетом молодого мужчины. Основные данные о двух последних находках опубликованы автором настоящей статьи в предварительном сообщении².

Погребение в Покровском Логе расположено на третьей (35—40-метровой) террасе, на глубине 1 м от поверхности. Установлено, что скелет лежал в специально выкопанной могиле, сильно поврежденной лет за 50 до раскопок, при рытье ям для хозяйственных целей. Тогда же были выброшены некоторые кости конечностей. Удалось все же установить, что скелет лежал на левом боку, в слегка скорченном положении, головой на юго-запад. Ни вещей, ни следов красной охры в могиле не было. Однако ее палеолитический возраст с несомненностью устанавливается на основании костей мамонта, лежавших над скелетом поперек могильной ямы³.

Скелет сохранился очень плохо. Более или менее пригоден для исследования только череп (рис. 54). Удовлетворительно сохранилась мозговая коробка, но и в ней есть большие лакуны. Отсутствуют левая половина лобной кости и значительная часть левой височной кости. В правой теменной кости нет заднего отдела. Правая височная кость отсутствует полностью. Затылочная кость состоит из нескольких фрагментов. Клиновидная (основная) кость не сохранилась. Из костей лицевого скелета осталось

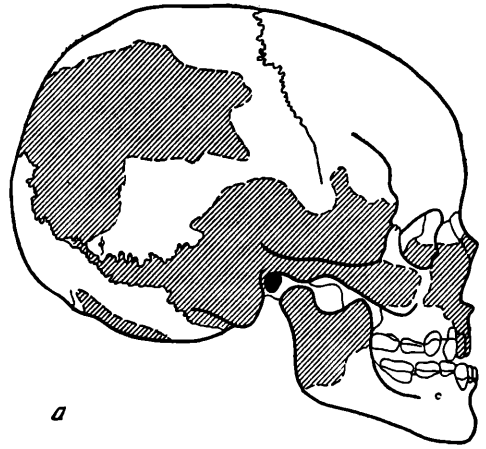
¹ В. П. Якимов. Позднепалеолитический ребенок из погребения на Городцовской стоянке в Костенках. — Сборник МАЭ, т. XVII, 1957.

² Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические находки в Костенках. — СЭ, 1955, № 1.

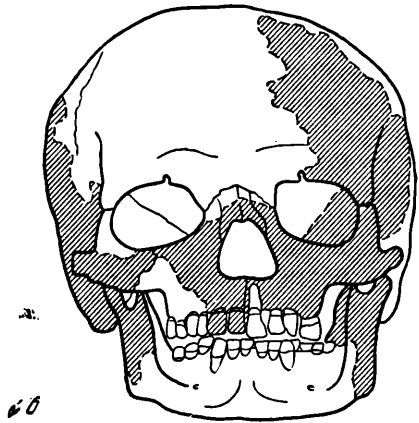
³ А. Н. Рогачев. Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV (Маркина гора). — СЭ, 1955, № 1, стр. 31—32. См. также А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону... — МИА, № 59, 1957, стр. 15—16.

тело нижней челюсти с зубами, обе ветви отсутствуют. В более или менее удовлетворительном состоянии верхняя челюсть. От скуловых костей уцелел только лобный отросток правой кости, от носовых — небольшие части верхнего отдела. Реконструкция лицевого скелета в целом носит в значительной мере гипотетический характер. Правда, лобный отросток правой скуловой кости в нескольких точках соприкасается с фрагментами правой верхнечелюстной кости, и поэтому можно более или менее точно восстановить общую высоту лица. Благодаря сохранности сочленовной ямки на левой скуловой кости можно удовлетворительно восстановить ветвь нижней челюсти. Недостающие части восстановлены по противоположной стороне. В результате получена реконструкция почти полного черепа. К сожалению, положение базиса нельзя определить даже приблизительно, так как части затылочной кости, прилегающие к большому затылочному отверстию, отсутствуют полностью.

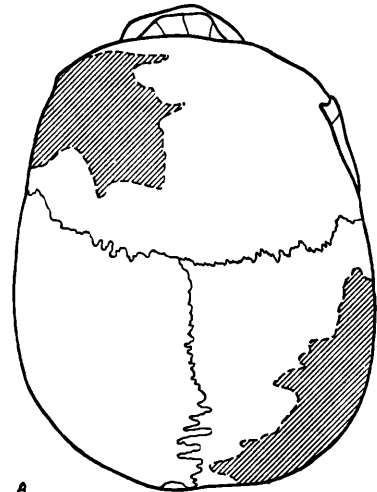
Из-за аномалии в развитии зубной системы возраст погребенного определить затруднительно. На нижней челюсти полностью сменились все четыре резца и оба клыка, для которых, однако, в зубной дуге недостаточно места, вследствие чего оба клыка, еще не вполне прорезавшиеся, немного выступают вперед за линию зубного ряда. Все четыре молочных коренных зуба еще не сменились. Первые постоянные коренные прорезались полностью. Второй постоянный коренной начал прорезаться слева, справа он виден в теле челюсти. На верхней челюсти отсутствуют клыки. Сохранились два левых резца. Непосредственно вслед за вторым резцом идет вполне сформировавшийся постоянный премоляр. Далее имеется лакуна шириной 1,5 см. Первый постоянный моляр с левой стороны прорезался, второй начал прорезаться. С правой сто-

а

б

в

Рис. 54. Череп из Покровского Лога (по рис. Т. С. Суриной)

а — сбоку; б — спереди; в — сверху

роны наблюдается несколько необычная картина: оба резца отсутствуют, места для клыка нет, далее идут два постоянных премоляра, а за ними молочный коренной зуб и корень от сломанного первого постоянного коренного. В общем, на основании того, что смена молочных зубов еще не закончена, а вторые постоянные моляры еще не прорезались, возраст погребенного из Покровского Лога устанавливается в пределах около 9—11 лет.

Пол, судя по значительным размерам черепа, скорее мужской, но это заключение гадательно.

Характеристика морфологических особенностей детских черепов ископаемого человека всегда встречается с затруднениями, связанными с возрастными различиями. Естественно, что в зависимости от определения возраста меняется и оценка значения отдельных размеров. На основании данных Н. Д. Довгялло⁴ и Н. С. Сысака⁵ были составлены таблицы прироста основных краниометрических размеров от рождения до взрослого состояния. Само собой разумеется, что теоретически реконструируемые таким образом размеры черепа взрослого человека лишь в известной мере могут послужить материалом для сопоставления, но это единственный путь.

Мозговая коробка черепа из Покровского Лога — длинная (183 мм) и широкая (146 ± 2 мм; табл. 1). Реконструируемые размеры взрослого черепа были бы равны 194 мм для продольного и 150 мм для поперечного диаметра. Черепной указатель подлинного объекта равен 80, у взрослого он был бы несколько меньше — около 77. Во всяком случае, долихокrania выражена не резко. Высота черепа в общем небольшая. Определить высоту от базииона нельзя. Высота порион-брегма равна примерно 105 мм. В нашем распоряжении нет данных об увеличении этого размера по мере роста. У взрослого он не выходил бы, вероятно, за пределы средних величин (соответствующий размер базион-брегма у взрослого около 130 мм). Лоб очень широкий; хотя размер его определяется очень приближенно, но все же наименьшая ширина лба не могла быть менее 103 мм, что следует считать крупной величиной даже для черепа взрослого. Наклон лба и выраженность надбровных дуг умеренные. Лобные бугры хорошо развиты, теменные, по-видимому, также, хотя мозговая коробка сохранилась более или менее удовлетворительно только в области левого теменного бугра. Сосцевидные отростки (сохранился только левый) для данного возраста выражены хорошо, значительной следует считать и степень выраженности выйного рельефа.

Лицо, как сказано, реконструировано с большой долей условности (табл. 2). Все же скуловой диаметр вряд ли менее 130 мм, что на взрослом объекте соответствует величине около 148 мм. Лицо имеет очень большую ширину при малой высоте его. Полная высота около 95 мм, и, во всяком случае, не больше 97 мм. Высота верхней части лица около 53 мм, что соответствует 64 мм у взрослого. Лицевой указатель, следовательно, очень низкий. По лицевому углу — череп ортогнатный. Величина лицевого треугольника и указатель выступления лица не могли быть определены из-за отсутствия большого затылочного отверстия. Горизонтальная профилировка лица более или менее удовлетворительно определяется только на уровне назиона. Назомалярный угол, равный 132° , мало изменяется в процессе дальнейшего роста черепа, и горизонтальную профилированность лицевого скелета следует считать очень значительной.

⁴ Н. Д. Довгялло. О росте черепа человека. — Архив анатомии, гистологии и эмбриологии, 1937, т. XVII, вып. 1.

⁵ Н. С. Сысак. Материалы для возрастной морфологии черепа человека. Антропологическ. сборник, II. Труды Инст. этнографии АН СССР, т. L, 1960.

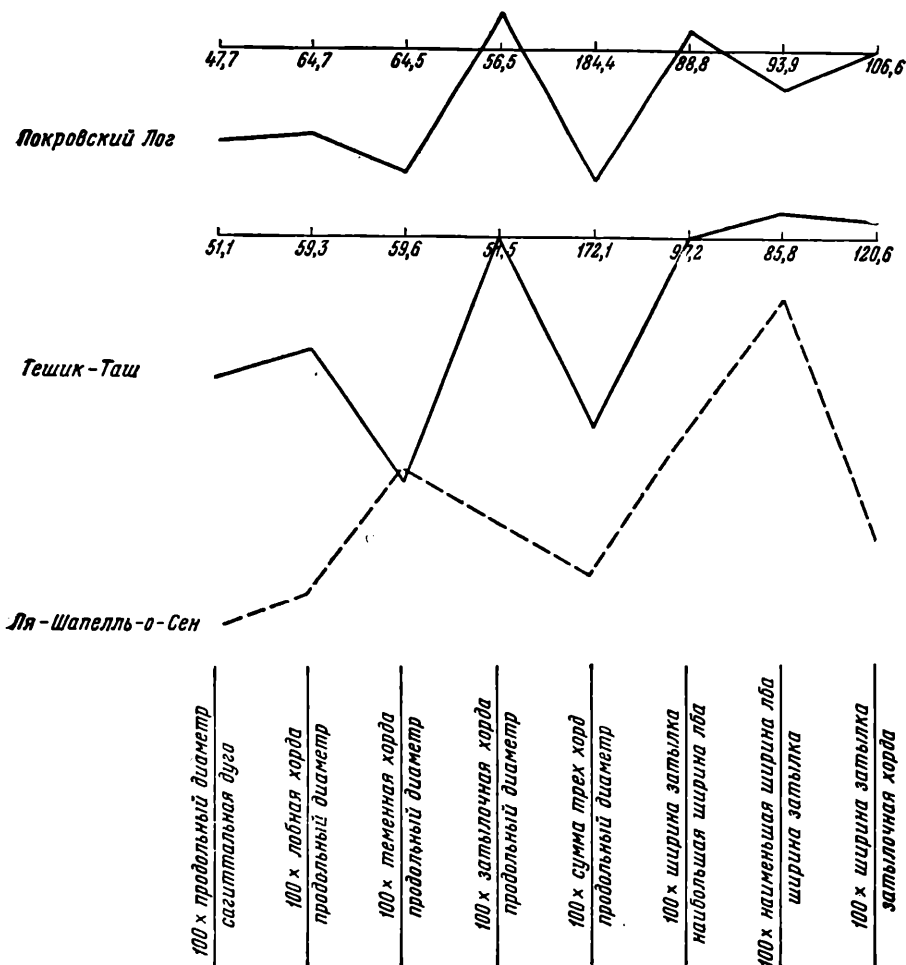

Рис. 55. Некоторые размеры черепов из Покровского Лога в сравнении со средними величинами черепа современного человека и неандертальцев (размеры детских черепов приведены к размерам взрослых)

Носовая область полностью реставрирована, и производить на ней какие-либо измерения вряд ли целесообразно. С удовлетворительной точностью могут быть определены только размеры носовых костей в верхней их части. Наименьшая ширина носовых костей очень велика, не менее 1 см. Впрочем размер их с возрастом мало изменяется, и у взрослого он должен был бы увеличиться не более чем на 1 мм. Симпатическая высота, равная 4,5 мм, должна была увеличиться значительно, не менее чем до 6 мм. Орбита низкая и широкая. С возрастом высота ее должна была увеличиться незначительно, ширина же — в гораздо большей степени, поэтому орбитный указатель, уже достаточно низкий на изучаемом объекте, должен был быть еще ниже во взрослом состоянии. На нижней челюсти ясно заметен подбородочный выступ. Угол подбородка к базальной плоскости, равный 74° , свидетельствует об умеренном выступании. С возрастом выступание подбородка, вероятно, увеличилось бы, но у нас нет сколько-нибудь точных данных о степени увеличения. В общем челюсть довольно массивная. Толщина ее в области подбородочного отверстия равна 14,5 мм. Хотя этот

размер в процессе роста увеличивается очень мало, все же его следует признать значительным даже для челюсти взрослого человека.

Определение видовой принадлежности черепа из Покровского Лога не вызывает никаких затруднений. При сопоставлении с черепом неандертальского ребенка из Тешик-Ташского грота, биологический возраст которого одинаков с возрастом исследуемого объекта, все признаки, используемые обычно для разграничения неандертальского и современного видов, дают вполне отчетливую картину (табл. 3). Череп из погребения на стоянке Покровский Лог принадлежит современному виду человека и не имеет сколько-нибудь отчетливых признаков примитивизма, хотя бы в какой-то мере приближающихся к неандертальским.

Так как угловые размеры, обычно применяемые для диагностики, определены на черепе из Покровского Лога очень приблизительно, то для сравнения использованы (кроме данных табл. 3) соотношения хорд, иллюстрирующие отличия неандертальского человека от современного: степень уплощенности черепного свода и относительную ширину затылка. На рис. 55 дано графическое изображение положения черепов из Покровского Лога и из грота Тешик-Таш в сравнении с современным человеком и неандертальцем из Ля-Шапелль-о-Сен. Две параллельные линии выражают пределы групповой дифференциации у современного человека. На нижней линии отложены величины, наиболее близкие к величинам, свойственным ископаемым видам человека, на верхней — наиболее удаленные.

Гораздо труднее определение расовой принадлежности. По мнению некоторых исследователей, в позднепалеолитическое время даже основные расовые деления современного человечества — негроидная, европеоидная и монголоидная расы еще не сформировались⁶. Решение этого вопроса связано с дальнейшим накоплением материала по внеевропейским странам. Сейчас мы могли бы только повторить уже высказанные в печати соображения по этому вопросу⁷, что вряд ли целесообразно. Придерживаясь фактических данных, отметим, что череп из Покровского Лога характери-

Таблица 1

Размеры мозговой коробки черепа из стоянки Покровский Лог

1. Продольный диаметр глабелла-опистокранион	183
2. Продольный диаметр глабелла-инион	165
8. Поперечный диаметр	146±2
20. Высотный диаметр порион-брегма	105±2
9. Наименьшая ширина лба	103±2
10. Наибольшая ширина лба	132±2
11. Ушная ширина	119±2
12. Ширина затылка	115±3
23. Горизонтальная окружность через глабеллу	532±3
23а. Горизонтальная окружность через офрион	531±3
24. Поперечная дуга между порионами через брегму	303±4
25. Сагиттальная дуга	380±5
26. Лобная дуга	134
27. Теменная дуга	116
28. Затылочная дуга	130±5
29. Лобная хорда	116
30. Теменная хорда	104
31. Затылочная хорда	107±5
32. Угол линии назион-метопион с ушно-глазничной плоскостью	83°
— Угол линии глабелла-метопион с той же плоскостью	78°

⁶ В. В. Бунак. Человеческие расы и пути их образования. — СЭ, 1956, № 1.

⁷ Г. Ф. Дебец. О принципах классификации человеческих рас. — СЭ, 1956, № 4.

**Размеры лицевого отдела черепа из стоянки
Покровский Лог**

45. Скуловой диаметр	131±2
47. Полная высота лица	95±4
48. Верхняя высота лица	53±2
51. Ширина орбиты	39±1
52. Высота орбиты	27±1
SC (57). Симотическая хорда	11,3±0,3
SS. Симотическая высота	4,5±0,2
66. Бигониальная ширина	95±2
72. Общий лицевой угол	84°
77. Назомалярный угол	132°
C'. Угол подбородка	74°

Таблица 3

**Некоторые специальные размеры черепов из стоянки
Покровский Лог и из грота Тешик-Таш**

	Череп из Покровского Лога	Череп из Тешик-Таша
32(2). Угол линии глабелла-брегма с линией глабелла-инион	59°	53°
32а. Угол линии глабелла — выпуклость лба с линией глабелла-инион	102°	85°
33(в). Угол линии ламбда-инион с линией глабелла-инион	86°	74°
22а. Высота свода над линией глабелла-инион	109 мм	93 мм
100 × 22а : 2. Указатель высоты свода	66,9	53,4
100 × 31 : 28. Указатель изгиба затылка	82,3±0,7	77,5

зается сильным выступанием носовых костей, слабой уплощенностью лица и, насколько можно судить по реставрированному черепу, ортогнатным профилем. Такое сочетание признаков в настоящее время считается характерным для европеоидной расы.

Переходя к вопросу о более детальном определении систематического положения черепа из Покровского Лога, мы сталкиваемся со все более возрастающим количеством разногласий. Не вдаваясь в рассмотрение спорных положений, остановимся на более или менее общепринятых положениях. «Классический» кроманьонский тип характеризуется, как известно, большими абсолютными размерами и «дисгармоничным» сочетанием форм мозговой коробки и лицевого скелета. Удлиненная форма мозговой коробки сочетается у типичных кроманьонцев с широким и низким лицом. Все эти особенности хорошо выражены на черепе из Покровского Лога.

Как уже отмечалось, эти же особенности характерны для черепа из погребения на стоянке Костенки II. В табл. 4 приведены величины разностей основных размеров черепа из Покровского Лога и других черепов из Костенковского района. Размеры детских черепов приведены к размерам взрослых. В той мере, в какой этот способ сравнения является допустимым, из данных таблицы можно вывести заключение о наибольшей близости черепа из Покровского Лога к найденному на стоянке Костенки II. Из шести средних разностей размеров четырех черепов разность размеров этих двух наименьшая. Средняя разность трех других черепов по тем признакам, которые перечислены в табл. 4, составляет (в долях среднего

Разность основных размеров черепа из Покровского Лога и других позднепалеолитических черепов из Костенковского района
(Размеры детских черепов увеличены до предполагаемых размеров во взрослом состоянии)

Размеры	Среднеквадратическое уклонение	Разность размеров черепа из Покровского Лога		
		Костенки II	Костенки XV (Городцовская)	Костенки XIV (Маркина гора)
1. Продольный диаметр	6,1	0,16	0,66	2,46
8. Поперечный диаметр	5,0	2,00	1,80	4,40
17. Высотный диаметр	4,9	1,04	2,65	0,20
45. Скуловой диаметр	5,1	0,59	2,74	3,14
48. Высота лица	4,1	0,00	2,68	0,98
8 : 1. Широтно-продольный указатель	3,2	1,72	1,91	1,81
17 : 1. Высотно-продольный указатель	3,1	0,71	1,68	1,64
17 : 8. Высотно-широтный указатель	4,4	2,20	3,34	3,20
48 : 45. Лицевой указатель	3,15	0,29	4,07	0,70
Средняя по всем признакам	—	0,97	2,39	2,06
Средняя по абсолютным размерам	—	0,76	2,11	2,24
Средняя по указателям	—	0,98	2,20	1,47
Средняя по лицевому скелету	—	0,29	3,18	1,61
Средняя по мозговой коробке	—	1,30	2,01	2,29

квадратического уклонения): 1,40 (Костенки II — Маркина гора); 1,47 (Костенки II — Костенки XV); 1,75 (Костенки XV — Маркина гора).

Череп из Городцовской стоянки (Костенки XV), описанный В. П. Якимовым, не обладает характерной для «классического» кроманьонского типа дисгармоничностью лицевого скелета. В. П. Якимов находит (с известным основанием) в этом черепе черты сходства с черепами из Пржедмоста.

Череп из погребения на стоянке Маркина гора (Костенки XIV) отличается гораздо меньшими абсолютными размерами при ясно выраженной дисгармоничности. Прогнатизм лицевого скелета заставляет вспомнить о «расе Гримальди»⁸.

Таким образом, четыре черепа из Костенковского района относятся к трем «расам»: собственно кроманьонской (Костенки II и Покровский Лог), брно-пржедместской (Костенки XVII) и гримальдийской (Маркина гора). Это обстоятельство в известной мере говорит в пользу мнения А. Н. Рогачева⁹ о том, что памятники костенковской группы принадлежат племенам разного происхождения и не могут рассматриваться лишь как ступени единого процесса развития культуры позднего палеолита.

⁸ Пользуюсь случаем исправить грубый недосмотр (на который мне указал В. П. Якимов), допущенный мной в статье о скелете с Маркиной горы. Зигмаксиллярный угол этого черепа не 135, а 125°.

⁹ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района...

Следует, однако, иметь в виду, что опираться на антропологические данные в этом вопросе следует с величайшей осторожностью. Не говоря о возможных ошибках в реставрации весьма фрагментированных черепов и о различном их биологическом возрасте, следует также помнить о том, что мы имеем дело с единичными случаями. Строго говоря, нельзя отвергнуть предположение о том, что все отмеченные различия являются лишь индивидуальными вариациями или ступенями развития единого типа. В особенности эта оговорка относится к различиям между собственно кроманьонской «расой» и брно-пшедмостской¹⁰.

---

¹⁰ Г. Ф. Дебец. Брюни—Пшедмост. Кро-Маньон и современные расы Европы. — Антропологический журнал, 1936, № 3.

М. М. ГЕРАСИМОВ

КРУГЛОЕ ЖИЛИЩЕ СТОЯНКИ МАЛЬТА

В 1959 г. закончено исследование одной из интереснейших в Восточной Сибири стоянки верхнего палеолита — Мальты. Последние годы раскопки здесь производились при содействии Геологического института Восточно-Сибирского филиала АН СССР. В течение этих последних лет и были сделаны наиболее ценные открытия, раскопаны целые комплексы жилищ и в значительной степени выяснено геолого-стратиграфическое положение памятника.

Мальтинская стоянка датируется временем формирования делювиального плаща третьей надпойменной террасы реки Белой. Уже это определяет ее как одну из древнейших на территории Восточной Сибири¹.

Мальтинский палеолитический охотничий лагерь — памятник сложный. Это целый поселок, объединяющий жилища различного типа: вместе с летними жилищами, типа чума, здесь обнаружены врытые в край террасы полуземлянки-навесы, землянки и наземные жилища различных форм. Стратиграфия памятника, его планировка, отсутствие следов перестроек и переделок, равно как и причина гибели всего лагеря, позволяют говорить об одновременности существования всех вскрытых жилищ на протяжении одного и того же, очень короткого промежутка времени.

Далеко не все обнаруженные на стоянке жилища сохранились настолько, что можно с полной достоверностью говорить об их форме. От некоторых сооружений типа чума уцелели лишь круглые углубленные основания без следов конструктивных деталей². На палеолитических стоянках не только Сибири, но и Европы круглые в плане жилища встречаются наиболее часто, причем реконструкция их авторами исследований производится порою без особых на то оснований. Вот почему особенно интересно круглое в плане мальтинское жилище, открытое в 1957 г. Оно расположено в северо-западной части лагеря древних охотников; с запада к нему примыкала полуземлянка-навес, типичная для Мальты, а с юга — дугообразное наземное жилище (единственное в своем роде, неизвестного ранее типа).

Круглое жилище, в отличие от известных раньше, не летнее, а зимнее, о чем свидетельствуют и расположенный в нем очаг и монументальность сооружения основания, размеры которого (4 м в диаметре) также больше

¹ Безусловно предшествует Мальте стоянка Коты — место находки двух каменных орудий и зубов трогонтериевого слона. Памятник почти не исследован.

² Интересно, что в полу некоторых жилищ этого типа нами обнаружены небольшие углубления с погребенными скелетами или частями скелетов утробного мамонта, пса и птиц.

обычных (не более 3 м). Основание жилища сложено из массивных плит известняка, для стен и кровли использованы рога северного оленя, затем присыпанные землей. Раскопки жилища проведены с предельной тщательностью, что дало возможность воспроизвести его в виде модели размером $\frac{1}{10}$ натуральной величины. Эта объемная реконструкция помогла выяснить значение обнаруженных конструктивных деталей и позволяет с большой вероятностью говорить о форме всего жилища. Мысль о реконструкции возникла в результате того, что при раскопках выявлены такие детали конструкции, которые не встречались ни на стоянке Мальта, ни на других памятниках верхнего палеолита.

Жилище это, как и другие на Мальте, брошено человеком не потому, что пришло в негодность, а потому, что весь лагерь был залит водой разлившейся реки. Защищенное с двух сторон соседними жилищами от непосредственных ударов волн, оно почти не было разрушено наводнением. Ни пол, ни очаг совершенно не пострадали от времени, но лагерь погиб, и люди сюда не вернулись.

Поставленная задача — создание модели — потребовала, кроме особой тщательности обычной при раскопках фиксации, еще и полной зарисовки всех костей и плит и выяснения взаимной связи отдельных деталей. Был зафиксирован процесс разборки всего комплекса сооружения, чтобы можно было уяснить конструктивное значение каждой плиты, каждой кости. Благодаря этому впоследствии, в процессе реконструкции жилища, было понято многое, оставшееся неясным при раскопках.

Ниже дается краткое описание раскопок. За стеной расчищенного ранее навесообразного жилища в северном углу раскопа 1957 г. обнаружена невысокая (60 см) насыпь, около 5 м диаметром, с неглубокой западиной в середине. Насыпь перекрыта тонкой гумусированной прослойкой, отчетливо ограничивающей поверхность холмика от лежащей выше делювиальной светло-палеовой лёссовидной супеси. Насыпь не была однородной: под тонкой (2—3 см) прослойкой гумуса находилась бесструктурная темно-палевая глина, которая тонким, но неровным слоем перекрывала остатки какого-то сооружения. Под глиной проглядывали плиты известняка и рога северного оленя. Местами в глине и на ее поверхности отмечены были выбросы золы, осколки кремня, мелкие кусочки костей (ребра, позвонки, фаланги) северного оленя. Глина эта перекрывала круг, сложенный из крупных, тяжелых плит известняка, к которому внутри примыкал круг из стержней рогов северного оленя. Многие плиты сохранили свое первоначальное положение — на ребре, с легким наклоном к центру, причем плиты эти, тщательно подобранные по величине и форме, уложены были так, что каждая из них (как чешуя) прикрывала край соседней (рис. 56—1). Наклон плит дал впоследствии возможность решить форму перекрытия, представлявшего собой асимметричный конус. Некоторые плиты расслоились и распались, но их положение нетрудно было восстановить.

В западине внутри каменной ограды сверху лежала беспорядочная груда рогов северного оленя (преимущественно целые рога с частью лобных костей) очень плохой сохранности. Среди них был череп с нижней челюстью и с громадными ветвистыми рогами. Плохая сохранность рогов и их положение на поверхности позволяют предположить, что они лежали на пологих стенках жилища сверху, причем череп с рогами, возможно, был поднят над крышей, венчая собою конструкцию из деревянных шестов.

В верхней части глинистой засыпи часто встречались осколки кремня и обломки орудий. Костяные орудия здесь не попались ни разу, кроме двух тонких наконечников дротиков, которые найдены с северной стороны жилища, над гумусной прослойкой. Положение их наводит на мысль, что они были поставлены здесь еще в древности; древки разрушились, а костяные острия сохранились.

Рис. 56. Круглое жилище со стоянки Мальта:

1 — завал жилища (момент расчистки); 2 — расчищенное жилище. Отчетливо видна кладка основания стен и очаг

После удаления глинистой засыпи внутри каменного круга обнажились лежащие в определенном порядке стержни рогов северного оленя, ребра мамонта и носорога. Почти все рога одинаково обрезаны: обрублены основание, мелкие ответвления глазничного отростка и вся вершина рога. Большая часть стержней и ребер, видимо, сохранили свое первоначальное положение — они лежали радиально, упираясь основанием на внутренний край плит ограды. Поверх костей и рогов в отдельных местах находились большие, но очень тонкие плиты известняка. Плиты основания достигали

толщины от 5—7 до 15—18 см, вес их — до 15—20 кг, а верхние плиты имели толщину 2 см и вес их, при площади 40×60 м, не превышал 3 кг.

Стержни рогов и плиты безусловно являются остатками завалившихся стен жилища. При расчистке завала нам не удалось обнаружить конструктивных деталей входа. Лишь в северо-восточном секторе кольца наблюдалось меньшее количество стержней рогов и отклонение их от обычного радиального расположения. Позднее выяснилось, что около этого края находился очаг. Вероятно, входом в жилище служило дымовое отверстие.

Под завалившимися остатками стен обнаружен стерильный слой из тонкослоистого голубовато-серого ила с изредка встречающимся в его толще мельчайшими жирными сажистыми примазками. Толщина слоя не превышала 35 см; он расчленен на четыре горизонта, разделенные тремя тонкими буроватыми прослойками, по которым каждый горизонт легко отслаивался при расчистке. В верхнем горизонте находок не обнаружено, во втором горизонте у северной стенки найдены во взвешенном положении костяные изображения летящей гагары и стоящего лебедя, в третьем обнаружены как бы смытые, лежащие на полу крупные кости: в северо-западном секторе — бедро мамонта, в юго-восточном — лопатка мамонта и на ней обломки женской статуэтки без головы (головка статуэтки раздавлена плитами). Здесь же, ближе к центру, найдены остатки раздавленного черепа носорога.

При снятии стерильной прослойки по краю, у самых плит, расчищены у-образные обрубки рогов северного оленя. Некоторые из них упали, часть же стояла, видимо, сохраняя первоначальное положение. Наиболее крупные из них торчали над поверхностью верхней прослойки. После удаления иловатого слоя выяснилось, что эти обрубки были в древности вбиты в землю почти вплотную к плитам основания стен, образуя своеобразную ограду. Вбиты были парные отростки, причем каждый левый отросток перекрывался правым следующего рога. Вероятнее всего, этими роговыми «шпильками» закреплялись шкуры внутреннего покрытия жилища. В материк они были вбиты, видимо, на глубину около 20 см, судя по тем из них, которые сохранили первоначальное положение.

Под стерильным иловатым слоем обнаружен плотно утрамбованный и сглаженный, местами углубленный пол, окрашенный кровавиком (рис. 56—2). Углубленный пол у стен образовал завалинку неодинаковой ширины. В середине (ближе к северо-восточной стене) находилось очажное углубление, дно которого выложено плитами известняка. Между очагом и северной стенкой в полу расчистилась небольшая (диаметром 23 см и глубиной 8 см) лунка, в которой лежали кусочки расщепленного нефрита и размельченный в порошок красный кровавик.

Почти все изделия из кости и камня, найденные в жилище, расположены на приступочках по обе стороны очага или на завалинке у самых стен. В центральной части пола находок не обнаружено. Инвентарь отчетливо распределялся: на правой стороне встречены женские орудия и украшения, на левой — мужской инвентарь. В настоящей статье мы не даем описания находок, так как нас интересует лишь конструкция жилища.

В процессе раскопок все детали комплекса тщательно фиксировались, с точными промерами, планами, профилями и т. п. При работе над реконструкцией сначала все детали жилища были воспроизведены в масштабе $1/10$ — плиты основания, кострища и перекрытия стен, роговые стержни, ребра и другие кости, входившие в конструкцию перекрытия (рис. 57). Затем (на площадке 60×60 см) был воспроизведен углубленный пол с очагом и деталями рельефа. Далее установлены плиты, правильность положения которых не вызывала сомнений. Плиты, дошедшие до нас разбитыми, воспроизводились в виде отдельных обломков, которые затем по изломам подбирались в целые плиты. Учитывая наклон главных камней

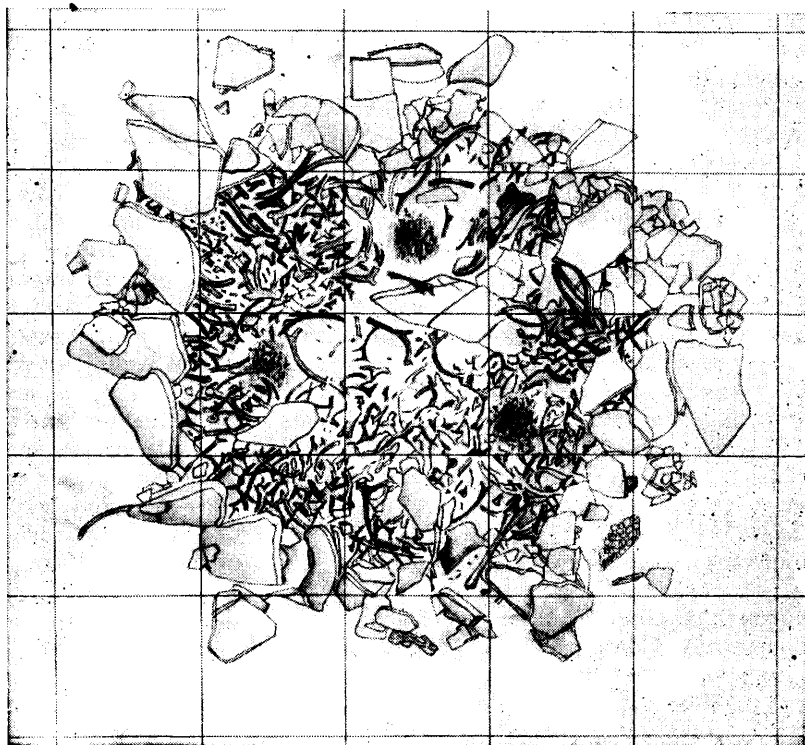
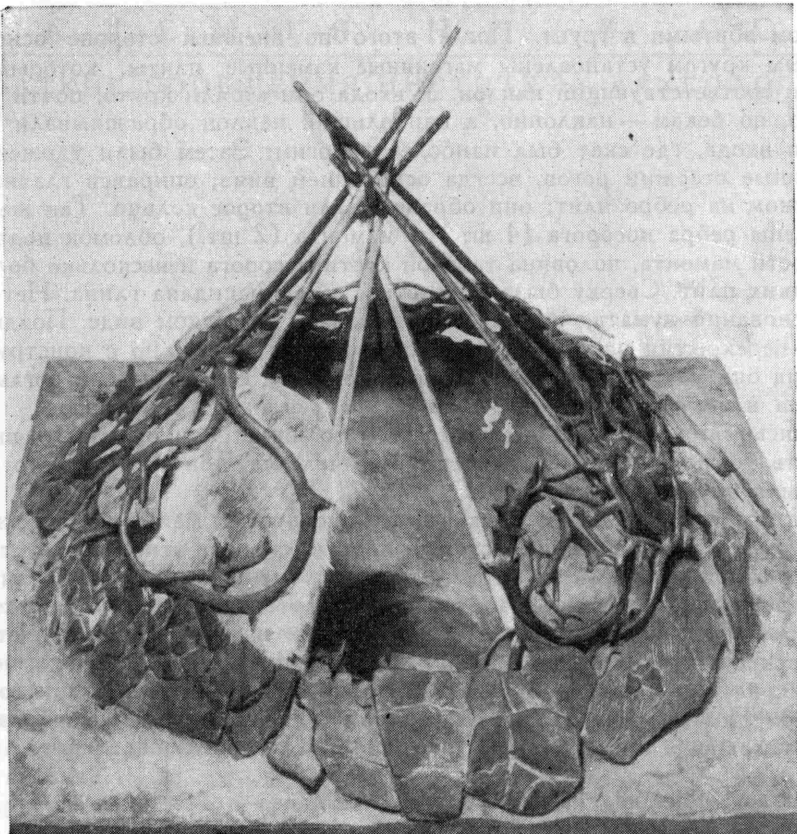

Рис. 57. Стоянка Мальта. Схема перекрытия круглого жилища

основания, мы установили опоры перекрытия (жерди). Тем самым была определена их длина и выявлена форма крыши — асимметричный конус. Над очагом жердей не было. Положение очага в полной мере совпало с асимметрией кровли. По восстановлению кровли стало совершенно очевидным, что входом служило отверстие для дыма, которое находилось на короткой стороне перекрытия. У-образные обрубки рога — шпильки были установлены в один ряд параллельно основанию стен, и их хватило как раз на полный круг. Величина и положение шпилек позволяют предположить, что это крепление полотнища покрытия конусообразной кровли, которое, очевидно, было сшито из шкур (вероятно, оленя).

Итак, сооружение жилища представляется нам следующим образом. Чашеобразное углубление пола тщательно утрамбовывалось, затем по кругу наклонно устанавливались тонкие длинные жерди-шесты (в нашей модели поставлено лишь девять основных опорных шестов), образующие конус. Только два шеста, наиболее короткие и массивные, были связаны между собой; они были расположены по бокам дымового отверстия и служили как бы рамой входа. Наиболее длинный шест проходил через середину жилища, опираясь на развилку коротких шестов. У основания стены через правильные промежутки ставились боковые шесты, поочередно — то справа, то слева (рис. 58). Таких шестов должно было быть много, значительно больше, чем на нашей модели (рис. 58). В современных чумах и вигвамах их бывает 20—30, вероятно, и в мальтинском жилище их было не менее 18—20. Поверх конуса накидывалось сшитое из шкур полотнище перекрытия, края которого вверху запахивались, внизу же, у внутренней стороны основания, оно прикреплялось роговыми шпильками, сплошным

и вырезаны здесь на стратиграфии. Фигуры и другие изобразы. а

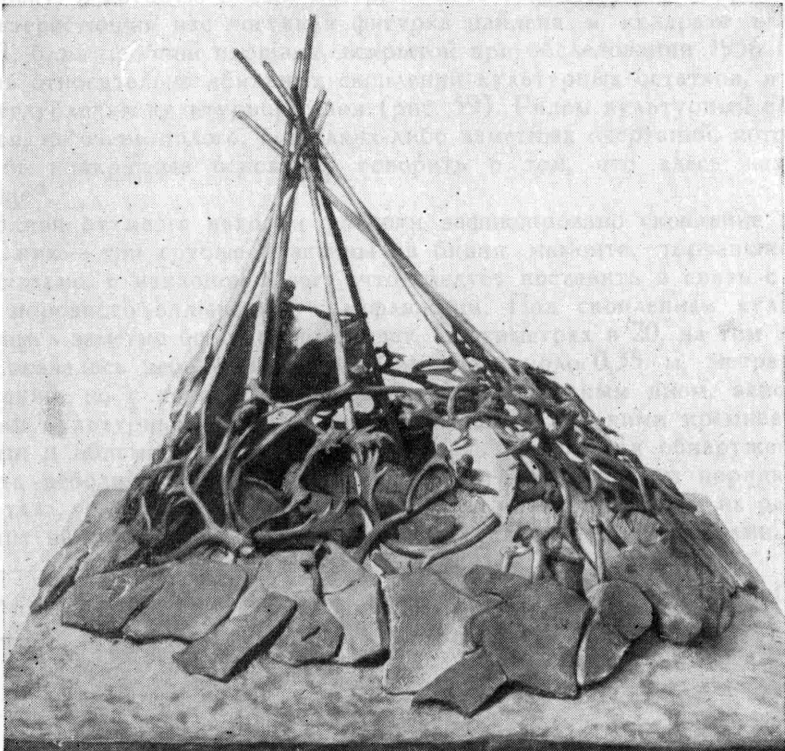

Рис. 58. Стоянка Мальта. Модель жилища (в двух нормах а и б)

кольцом вбитыми в грунт. После этого по внешней стороне основания плотным кругом установлены массивные каменные плиты, которым был придан соответствующий наклон. У входа они стояли круто, почти вертикально, по бокам — наклонно, а наибольший наклон образовывали плиты против входа, где скат был наиболее пологим. Затем были уложены обрубленные стержни рогов, всегда основанием вниз, опираясь глазничным отростком на ребро плит; они образовывали второе кольцо. Так же были положены ребра носорога (4 шт.) и мамонта (2 шт.), обломок подвздошной кости мамонта, половина тазовой кости носорога и несколько больших, но тонких плит. Сверху была нетолстым слоем накинута глина. Нет никаких оснований думать, что она намазывалась в жидком виде. Позднее на скаты перекрытия накладывались рога убитых оленей, но с конструкцией жилища они не связаны. Череп северного оленя с громадными рогами, лежащий в центре, может быть, был укреплен наверху жилища.

Описываемое жилище, несмотря на небольшие размеры, могло, видимо, служить убежищем коллективу из 8—10 человек, при условии, что взрослых было не более 4—5 человек.

Эта предварительная публикация реконструкции мальтинского жилища предлагается на суд специалистов, в первую очередь этнографов, от которых мы ждем указаний на параллели в современном и недавнем быту народов не только Сибири и Америки, но и других стран. Археологические материалы позволяют заключить, что круглое жилище представляет один из древнейших типов. Но те данные, которыми обычно располагают археологи, не дают достаточно материалов для заключения о конструкции жилища. Поэтому предложенные рядом исследователей реконструкции очень условны и схематичны.

О. Н. БАДЕР

УНИКАЛЬНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ФИГУРКА
СО СТОЯНКИ СУНГИРЬ

В 1957 г., при первых раскопках палеолитической стоянки Сунгирь в черте г. Владимира на Клязьме, вместе с обильным кремневым инвентарем, костяными поделками и мамонтовой фауной найдена плоская костяная фигурка животного, украшенная точечным орнаментом и окрашенная охрой. Ввиду значительного интереса, который представляет для науки это уникальное произведение палеолитического искусства, здесь дается его предварительное описание без детального историко-сравнительного анализа.

Краткие сведения о стоянке Сунгирь — самой северной палеолитической стоянке в Средней России — уже опубликованы¹, и мы не будем останавливаться здесь на стратиграфии, фауне и других вопросах, исключая датировку, в которую новый материал внес существенные коррективы.

Интересующая нас костяная фигурка найдена в квадрате ь/147 раскопа I, близ пробной площади, вскрытой при обследовании 1956 г.² в одном из относительно обильных скоплений культурных остатков, в небольшом углублении культурного слоя (рис. 59). Рядом культурный слой опускается, но очень полого, без каких-либо заметных очертаний, которые давали бы конкретные основания говорить о том, что здесь находилось жилище³.

Вблизи от места находки фигурки зафиксировано скопление костей⁴; среди них — три грубые пластины из бивня мамонта, торчавшие почти вертикально, с наклоном к югу, что следует поставить в связь с процессами морозного оплывания, солифлюкции. Под скоплением культурный слой имел заметно более темный цвет. Сантиметрах в 20, на том же квадрате, оказалась небольшая ямка, диаметром около 0,35 м, неправильных очертаний, но с хорошо выраженным котлообразным дном, заполненная темным культурным слоем с угольками, охрой, мелкими кремневыми отщепами и обломками костей. Почти у дна углубления обнаружена часть скелета небольшого зверька — позвонки в анатомическом порядке, половина таза, головка бедра, обломки ребер. В разных местах и на различной глубине найдены три костяные бусы со сквозными сверлинами. Четкое

¹ О. Н. Бадер. Палеолитическая стоянка Сунгирь на реке Клязьме. — СА, 1959, № 1.

² Там же, рис. 3.

³ На квадратах 148—152 ряда ь.

⁴ На квадрате ь/148.

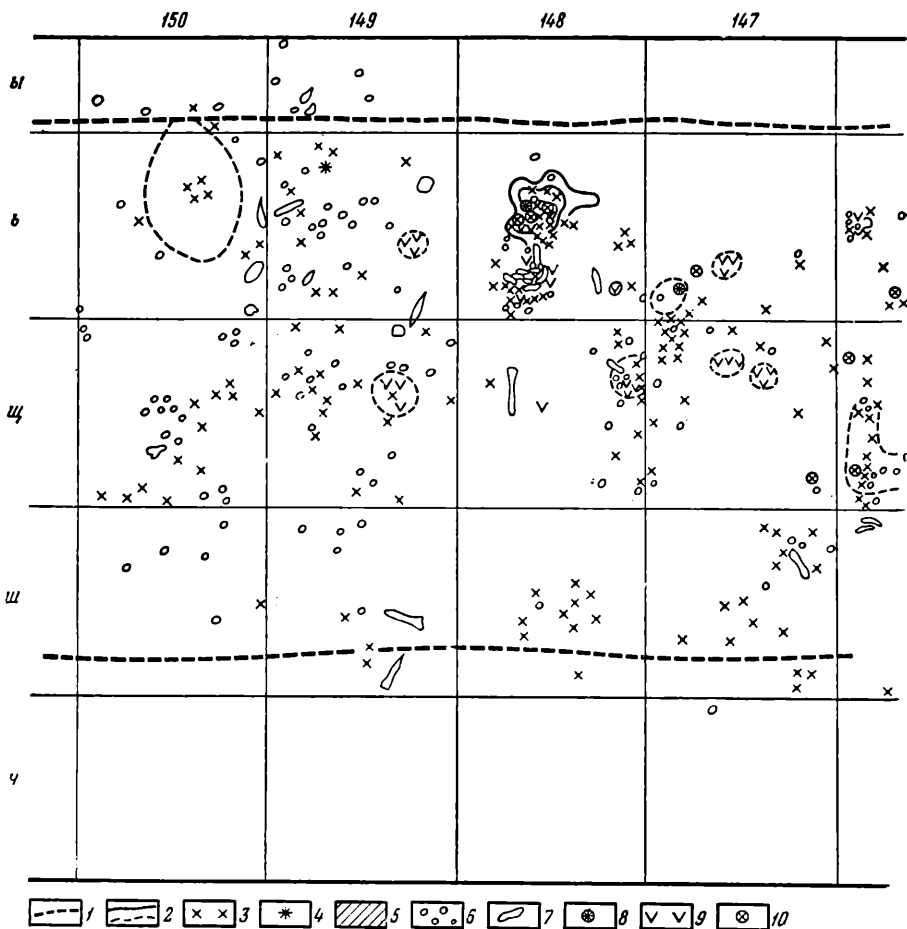

Рис. 59. Расположение культурных остатков в месте находки костяной фигурки:

1 — край ненарушенного культурного слоя; 2 — контуры темных пятен в культурном слое; 3 — осколки кремня и камня; 4 — каменные орудия; 5 — крупные камни; 6 — мелкие обломки костей; 7 — крупные кости; 8 — поделки из кости и рога; 9 — угольки; 10 — кусочки охры

очертание дна и малопотревоженная часть скелета позволяют рассматривать эту ямку как сделанную руками человека.

Как и упомянутые пластины из бивня мамонта и многие кости и их обломки, костяная фигурка находилась в вертикальном положении, головой вниз, и при расчистке слоя ножом была повреждена, а задняя нога фигурки со сквозной сверлиной обнаружена лишь после тщательного просеивания отработанной земли через мелкое сито.

В результате фигурка целиком восстановлена (рис. 60)⁵. Это костяная пластинка максимальной длиной 5,6 см, не идеально плоская, толщиной от 4 до 1 мм и менее; верхняя и в особенности средняя часть головы заострена, вернее — заточена, почти как лезвие. Это заставило даже поставить вопрос о какой-то производственной функции острого края, тем

⁵ Номер фигурки по коллекционной описи — $\frac{Д657}{157}$.

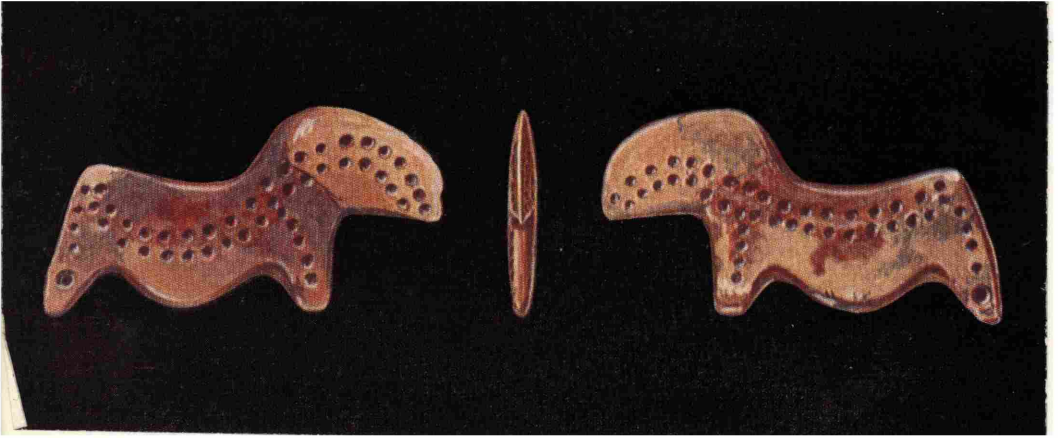

Рис. 60. Костяная фигурка с Сунгирия.

более, что он особенно сильно заглажен и на конце морды, видимо, слегка выломан и потом снова зашлифован. Животное изображено в профиль, схематично, каждая пара ног дана клиновидным выступом. Следы первоначальной обработки почти не сохранились; лучше они видны на голове — в виде слабых бороздок, впоследствии зашлифованных. Вся поверхность фигурки тщательно, до блеска заполирована, в особенности на выступающих местах, что могло произойти отчасти и при ношении фигурки в качестве амулета. О последнем свидетельствует сквозное отверстие на задней ноге — не вполне круглое, диаметром 2,0—2,5 мм, выполненное двухсторонним сверлением.

На обеих сторонах пластинки фигура животного еще более схематично повторена при помощи линий, состоящих из неглубоко высверленных круглых точек-лунок диаметром от 1 до 2 мм. На одной стороне их 48, на другой — 44. При этом туловище дано двумя рядами точек, а ноги — одним.

В некоторых лунках сохранилась ярко-красная охра. Следы ее видны пятнами и на поверхности обеих сторон фигурки. Очевидно, в свое время вся фигурка была окрашена в красный цвет.

Технические приемы, при помощи которых изготовлен амулет, не исключительны для предметов, найденных на этой стоянке. Одновременно здесь обнаружены сделанные аналогичным способом мелкие костяные бусы со сверлинами, просверленные на концах клыки песцов и даже просверленные с двух сторон каменные подвески из плоских сланцевых галек. Встречены и отлично обработанные наконечники и другие предметы из бивня мамонта, кости и рога.

Определить с достоверностью, какое животное изображено первобытным художником, нельзя. Вероятнее всего, это лошадь, большеголовый тарпан или близкая ему форма. По В. И. Громову, на стоянке представлены кости не крупной толстоногой лошади, пока не определяемой ближе; ее череп отсутствует. Не прибегая здесь к сопоставлению сунгирской лошади с единичными палеолитическими скульптурами, немногими барельефами и сотнями наскальных рисунков, изображающих лошадей, отметим, что техника выполнения находит аналогии в Западной и Средней Европе и в далекой сибирской Мальте. Но ни одно из известных нам палеолитических изображений не имеет близкого сходства с публикуемой

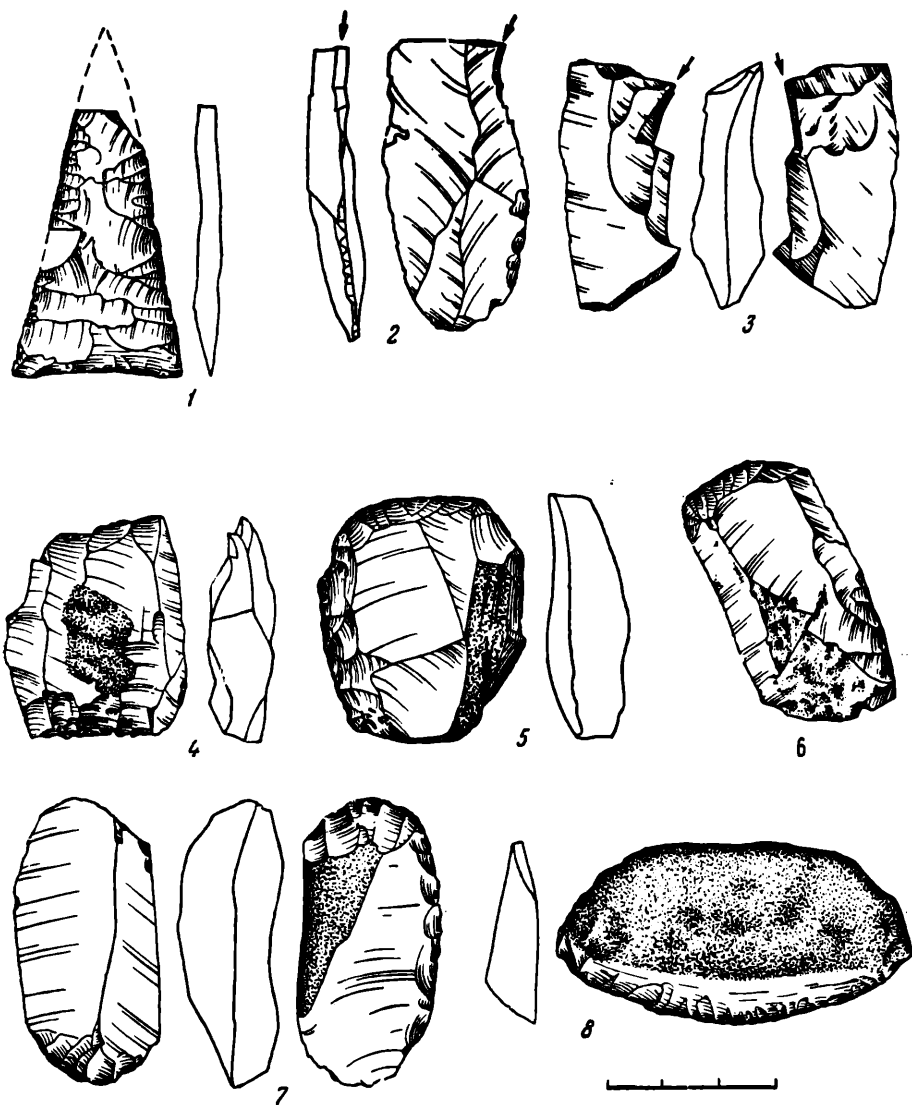

Рис. 61. Кремневый инвентарь стоянки Сунгирь (раскопки 1957 г.):

1 — наконечник; 2, 3 — резацы; 4 — долотовидное орудие (pitte écaillée); 5—7 — скребки; 8 — скребло

фигуркой, основной особенностью которой является не объемная, а плоскостная манера скульптурного изображения, со схематическим повторением фигуры пунктирными линиями.

Раскопки стоянки Сунгирь, произведенные в 1957 и 1958 гг., позволили уточнить ее датировку, а вместе с тем и определить дату найденного изображения. Сравнение каменного инвентаря из Сунгирия с материалом стоянок Русской равнины и Сибири привело нас уже в 1956 г. к выводу о принадлежности стоянки к числу памятников восточноевропейской группы и позволило сблизать ее с донскими стоянками. Большой же новый материал из раскопок не только подтвердил этот вывод, но и точно определил место Сунгирия в хронологическом ряду донских стоянок. Бли-

жайшим и весьма полным аналогом Сунгиря является пятый, нижний слой стоянок Костенки I, Стрелецкая II и некоторых других того же типа⁶.

Каменный инвентарь Сунгиря и указанных донских стоянок объединяют следующие признаки: 1) валунный кремьнь как основное сырье (отчасти кварцит); 2) примитивность техники раскалывания кремня и изготовления значительной части орудий; 3) резкое численное преобладание отщепов над ножевидными пластинками и сравнительно невысокое качество последних; 4) отсутствие вкладышей; 5) заметная роль скребловидных орудий по сравнению со скребками; 6) сходство форм скребков, в частности — высоких; 7) наличие тождественных подтреугольных кремневых наконечников со слабоогнутым основанием, обработанных совершенной плоской ретушью. В Сунгире найдены три таких наконечника (рис. 61). Они известны также в пятом слое Костенок I, в Стрелецкой II, в Городцовской стоянке и во втором слое Маркиной горы⁷. Как известно, подобный наконечник обнаружен и в позднемустьерской Ильской стоянке на Северном Кавказе⁸, что подтверждает глубокую древность этого рода орудий.

Стоянки Сунгирь и Костенки⁹ близки не только по культуре, отмечено сходство и некоторых условий их залегания. И в том и в другом районе в позднелеистоценовых отложениях имеются два хорошо выраженных горизонта ископаемой почвы. Обе стоянки залегают в нижнем горизонте и обе они впоследствии были затронуты мерзлотными, солифлюкционными процессами. По А. И. Москвитину они геологически синхронны¹⁰.

На Клязьме, в районе Сунгиря, геологическими работами В. И. Громова и Л. Д. Шорыгиной подтверждено наличие двух морен, которые можно сопоставлять с окским и днепровским оледенениями. Стоянка залегает в суглинках, перекрывающих верхнюю, днепровскую морену. По мнению Л. Д. Шорыгиной, следы последующей солифлюкции следует относить к калининскому оледенению.

Основываясь на указанных археологических и геологических фактах, возраст стоянки Сунгирь надо определить как верхнепалеолитический, но относительно ранний. Применительно к общепринятой французской относительной хронологической схеме время стоянки, а следовательно и описанной костяной фигурки может быть определено как поздний ориньяк.

⁶ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. — МИА, № 59, 1957.

⁷ А. Н. Рогачев. Указ. соч.

⁸ С. Н. Замятин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. — Труды II Международной конференции АИЧПЕ, 1934, вып. V, стр. 212 и рисунок на стр. 217.

⁹ Стоянка Сунгирь, видимо, несколько более поздняя, чем пятый слой Костенок I.

¹⁰ А. И. Москвитин. Доклад на Рабочем совещании по стратиграфии и периодизации палеолита. Москва, октябрь 1957 г.

В. В. ФЕДОРОВ

НОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ РЫБ
С ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Древнейшие обитатели Европейской части СССР, по-видимому, давно научились добывать рыбу, вначале различными примитивными способами — руками, шкурами животных, а также при помощи палок и камней. Такая добыча была несистематической и не играла существенной роли в хозяйстве, оставаясь одной из отраслей собирательства.

Только в мадленское время рыбу стали добывать специальными приемами и в значительно большем количестве. Об этом свидетельствуют находки костей рыб в кухонных отбросах и появление в искусстве изображений рыб. Можно предполагать, что рыбу добывали при помощи тех же охотничьих орудий — копий и гарпунов, с которыми охотились на животных, так как специальные орудия рыбного промысла неизвестны. Появление в мадленское время довольно большого количества изображений рыб, возможно, свидетельствует и об их важной роли в идеологии первобытного человека.

Изображения рыб известны с палеолитических стоянок Европейской части СССР: «гравюры» из Елисеевичей (раскопки К. М. Поликарповича)¹, из Тимоновской стоянки². Недавно стало известно изображение из Супоневской стоянки³ (рис. 62—3).

При более детальном рассмотрении поделок из бивня мамонта, происходящих из Тимоновской стоянки, нам удалось обнаружить еще два изображения рыб, не опубликованных В. А. Городцовым. Они выполнены в том же стиле, но, в отличие от изображения, изданного В. А. Городцовым, на бивне мамонта вырезана не одна фигура рыбы, а группа их. При внимательном изучении удалось установить любопытную подробность одного рисунка. Между двумя изображениями помещен замысловатый узор, который можно трактовать по-разному: это может быть или сеть, на которую должны наткнуться рыбы, или водоросли (рис. 62—1)⁴. На другом обломке бивня изображение отличается от упомянутых

¹ К. М. Поликарпович. Работа по палеолиту в Западной области в 1936 г. — СА, V, 1940, рис. 2.

² В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. — Труды Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР, вып. 3, 1935, стр. 34.

³ І. Г. Шовкопляс. Кістяні вироби Супоневської палеолітичної стоянки. — Археологія, т. VI, 1952, табл. II, рис. 8.

⁴ Отдел археологии Института этнографии АН СССР, коллекция № 5410-12.

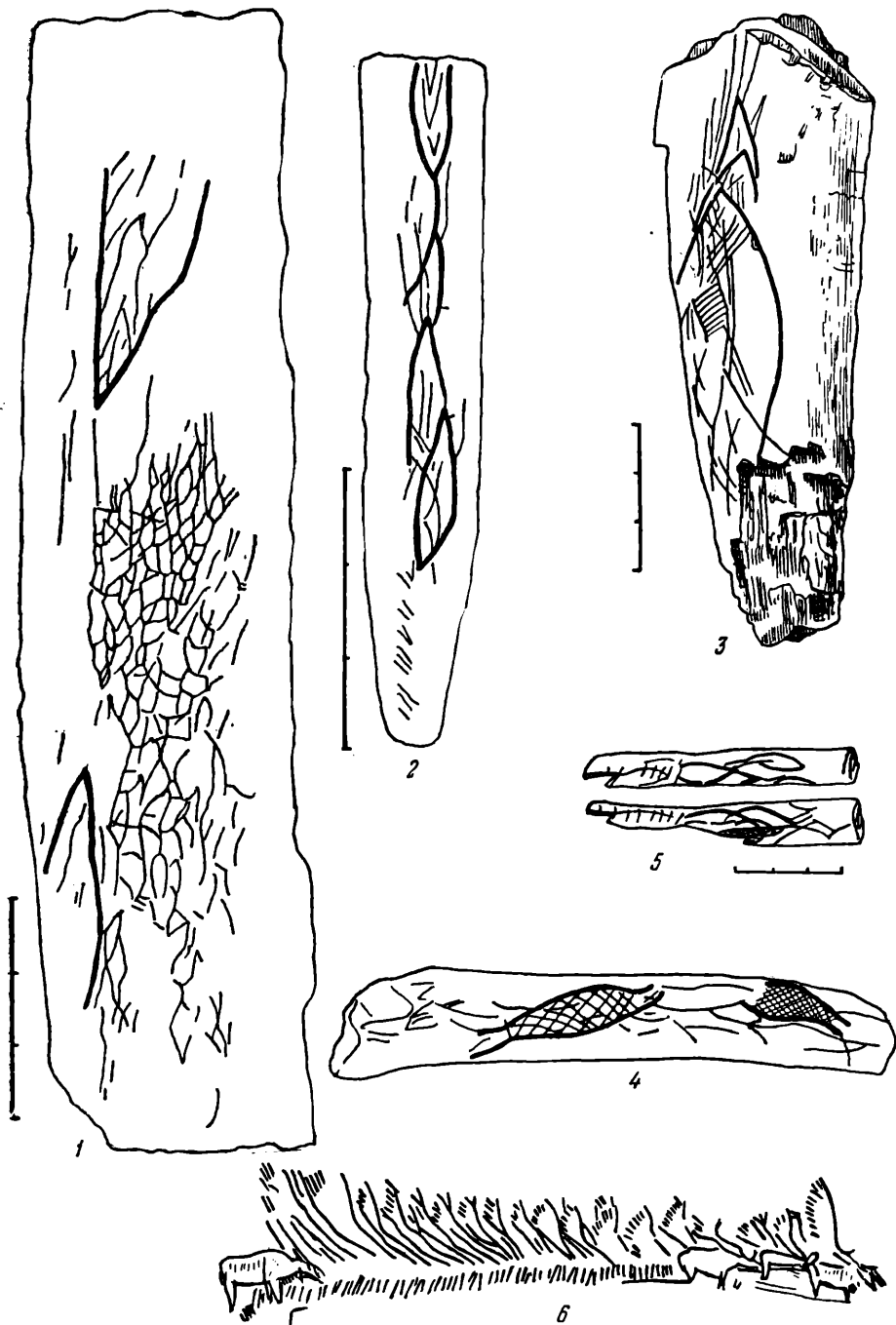

Рис. 62. Изображения с палеолитических стоянок:

1—5 изображения рыб: 1, 2 — Тимоновская стоянка; 3 — Супоново; 4 — Верхняя Ложери (Франция);
5 — Гурдан (Франция); 6 — изображение стада оленей в гроте Мэрни (Франция)

(рис. 62 — 2)⁵ — здесь отчетливо видны четыре рыбы, плывущие в одном направлении. Возможно, что первоначально их было и больше, но бивень обломан. Рыбы на сохранившемся обломке обрисованы глубокими резными линиями таким образом, что фигура одной рыбы как бы налегает на другую и пересекает ее. Создается впечатление, что человек явно стремился представить на ограниченной площади массу плывущих рыб. При этом у некоторых рыб отчетливо видны не только головы, но и плавники хвостов. Некоторые изображения как бы дополнены добавочными контурами, которые могут быть истолкованы как фигуры других рыб, плывущих рядом, на втором плане. Такой способ изображений множества рыб в разных планах известен по находкам из Верхней Ложери⁶ и Гурдан (рис. 62 — 4, 5)⁷ во Франции. В том же стиле сделано изображение стада северных оленей из грота Мэрии близ Тейжа (Дордонь, Франция; рис. 62 — 6)⁸. На переднем плане этого рисунка отчетливо выполнены контуры северных оленей и одновременно на втором плане схематично изображены другие олени в виде небольших штрихов — ноги и леса рогов.

Первое изображение рыбы из Тимоновки, опубликованное В. А. Городцовым, напоминает стилистически рисунок из Супонево. Видимо, большинство изображений рыб палеолита Восточной Европы выполнялось в конце мадленской эпохи в такой схематической, стилизованной форме.

Подобная трактовка отражает, очевидно, какие-то существенные изменения в представлениях человека конца верхнего палеолита, обусловленные изменениями в экономике древнего населения Европейской части СССР и лишний раз подтверждает позднепалеолитический возраст этих стоянок.

---

⁵ Там же, коллекция № 5401-531/2.

⁶ H. Breuil et R. de Saint Perier. Les poissons, les batraciens et les reptiles dans l'art quaternaire. — Archives de l'Institut de paléontologie humaine. Memoires, 2. Paris, 1927, tabl. 1—4.

⁷ То же, табл. 1—5.

⁸ H. Breuil, L. Capitan, P. Bourrinet, D. Peyrony. La grotte de la Mairie à Teyjat (Dordogne), fouilles dans gisement magdalenien. — Revue de l'Ecole d'anthropologie, 18 annal, t. V. 1908, tabl. 212.

Е. А. ВЕКИЛОВА

К ВОПРОСУ О СВИДЕРСКОЙ КУЛЬТУРЕ В КРЫМУ
(СТОЯНКА СЮРЕНЬ II)

Стоянка Сюрень II была открыта в 1879 г. К. С. Мережковским, который, отметив близкое расположение и общее сходство Сюреньских пещер (I и II), пришел к заключению, что обе пещеры были обитаемы в одно и то же время, одним и тем же населением¹. В результате раскопок (1924 и 1926 гг.) Г. А. Бонч-Осмоловский пришел к выводу о одновременности этих стоянок². Как К. С. Мережковский, так и Г. А. Бонч-Осмоловский провели в пещере Сюрень II небольшие работы, оставив значительную часть площади стоянки неисследованной. Добытый этими исследователями археологический материал получил в литературе лишь предварительное освещение. Место раскопа К. С. Мережковского в навесе стоянки Сюрень II точно неизвестно. Раскоп Г. А. Бонч-Осмоловского 1924 г. (28 кв. м) расположен в западном углу пещеры и имел самостоятельную нумерацию квадратов. Раскоп 1926 г. (около 40 кв. м) также находился в западной части пещеры, местами смыкаясь с раскопом 1924 г. и несколько выходя за пределы потолка пещеры. Нумерация квадратов и нивелировочный репер были общими для Сюрени I и Сюрени II.

Материалы, собранные К. С. Мережковским и Г. А. Бонч-Осмоловским в Сюрени II, очень своеобразны. Здесь впервые для Крыма обнаружена серия иволистных наконечников стрел, чуждых крымскому мезолиту.

Своеобразие инвентаря, залегающего в определенных стратиграфических условиях и сопровождающегося остатками фауны и флоры, побудило Сюреньский отряд Крымской палеолитической экспедиции³ возобновить в 1954 г. раскопки стоянки Сюрень II. Летом 1955 г. исследование памятника было завершено. За два сезона вскрыта площадь более 150 кв. м, также в западной части пещеры. Важнейшим итогом раскопок 1954 г. было открытие культурного слоя, залегавшего в верхней части суглинка непосредственно под гумусированным слоем, т. е. в иных стратиграфических условиях, чем материалы, добытые К. С. Мережковским и Г. А. Бонч-Осмоловским⁴.

¹ К. С. Мережковский. Отчет о предварительных исследованиях каменного века. — Изв. РГО, т. XVI, 1880, 1881, стр. 12.

² Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. — Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 124.

³ Начальник отряда Е. А. Векилова, начальник экспедиции С. Н. Бибииков.

⁴ Е. А. Векилова. Мезолитическая стоянка Сюрень II (раскопки 1954—1955 гг.). — КСИА АН УССР, вып. 7, 1957, стр. 7—8.

Для собранного здесь инвентаря особенно характерна выразительная серия (около 50 экземпляров) геометрических микролитов в виде сегментов и, реже, треугольников, при полном отсутствии иволистных наконечников. Эти изделия отличались миниатюрными размерами и своеобразием изготовления, что позволило выделить их в особый тип, характерный для Сюрени II⁵. Остальной набор кремневых орудий сходен с материалами относительно ранних крымских мезолитических памятников и содержал призматические нуклеусы, скребки верхнепалеолитического облика, концевые и на отщепках, резцы разных типов, среди которых преобладали боковые и сделанные на углу сломанной пластинки, острия со скошенным краем и костяные острия (рис. 63).

Хотя на исследованной в 1955 г. площади стоянки не удалось выявить взаимное перекрывание этих двух своеобразных комплексов культурных остатков, все же был установлен важный факт, освещающий их стратиграфическое положение. Это находка в средней части навеса (на двух соседних квадратах), на глубине 1,6—1,8 м, в слое желтого суглинка, насыщенного плитками известняка, двух наконечников в форме ивового листа, а вблизи них — двух превосходных призматических нуклеусов удлиненной формы, почти с круговым ограничением (рис. 64), вместе с обломками и осколками кремня. Эти находки, несомненно, свидетельствуют о том, что здесь обнаружены остатки того самого нижнего культурного слоя, который исследовали наши предшественники.

Уточненная стратиграфия залегания слоев стоянки такова:

1. В пещере — пылеобразный кизяк мощностью 5—10 см. Вне ее пределов — более мощная задернованная прослойка. Отдельные находки эпохи бронзы и более позднего времени.

2. Позднечетвертичный суглинок со щебенкой и раковинами *Helix vulgaris*, мощностью 0,5—0,7 м, с остатками верхнего культурного слоя с геометрическими микролитами.

3. Значительная толща (0,7—4,8 м) крупных плит, упавших с потолка и разделенных прослойками суглинка. В верхней части толщи, от 0,7 м, на склоне до 0,3—2,5 м встречены находки нижнего культурного слоя с иволиственными наконечниками.

4. Прослойка (4,8—5,5 м) окатанной гальки без археологических остатков.

Скалистое дно пещеры достигнуто не было.

Во время раскопок собраны расколотые кости животных: сайги, благородного оленя, северного оленя, бурого медведя, кабана, козули, лошади, волка, собаки, лисицы двух видов, зайца русака, рыси и еще 5—6 видов млекопитающих, представленных единичными находками. Встречены также остатки грызунов (17 видов), птиц (12 видов), рыб (2 вида) и большое количество костей земноводных и пресмыкающихся.

Присутствие плейстоценовых реликтов (бурый медведь и северный олень) в голоценовой, в целом, фауне стоянки и находка костей желтогорлой мыши, которую И. М. Громов рассматривает в качестве эмигранта с севера или с предгорий Яйлы, позволяют говорить об относительно холодном климате в период обитания здесь человека и сопоставлять это время с самой ранней фазой голоцена.

Обнаружение в Сюрени II верхнего мезолитического слоя, характеризующегося серией своеобразных сегментов и треугольников при почти полном отсутствии трапециевидных форм и общем раннемезолитическом (азильском) облике инвентаря, сохраняющего черты верхнепалеолитической техники, представляет значительный интерес. Верхний комплекс

⁵ Е. А. Векилова. Указ. соч., стр. 8.

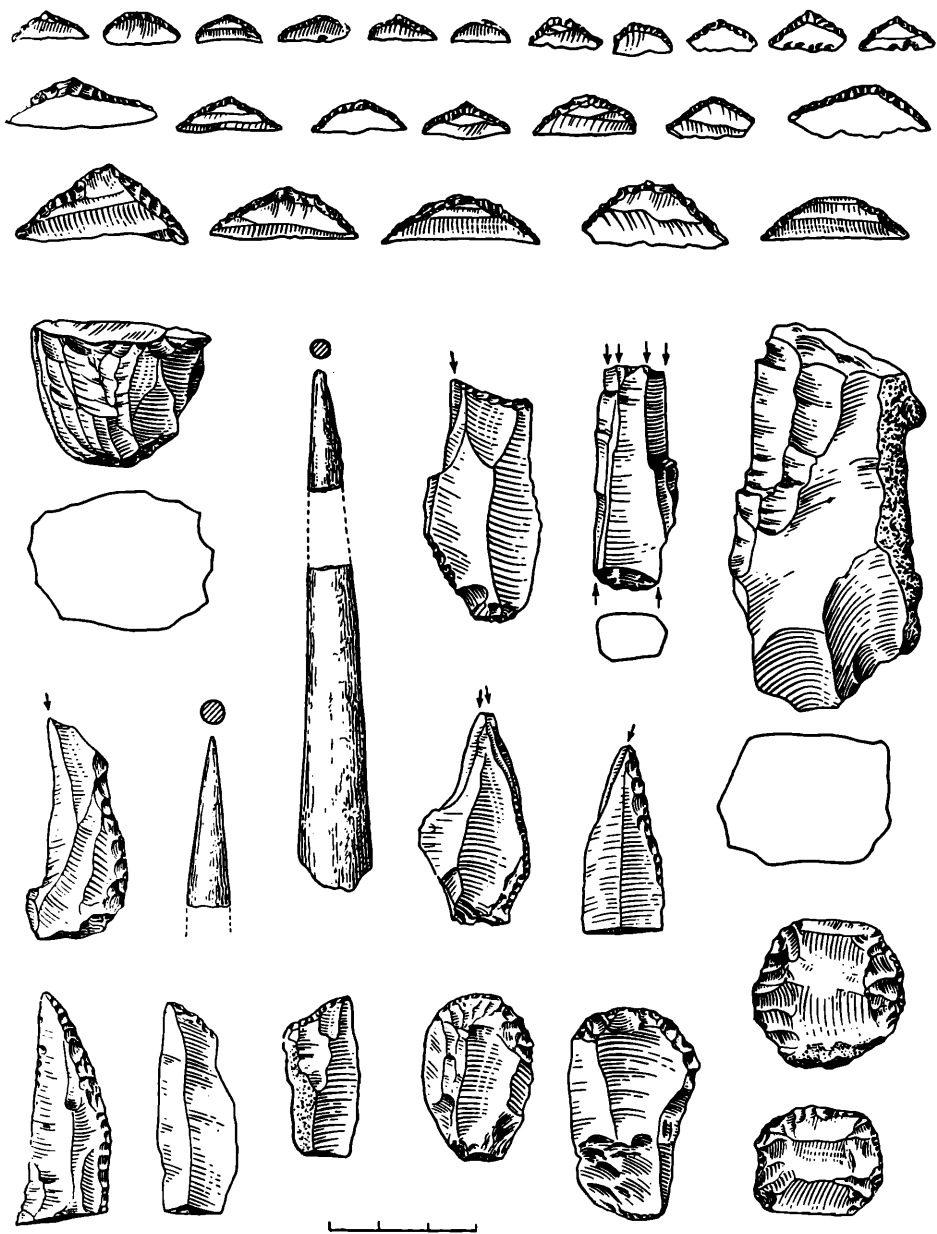

Рис. 63. Стоянка Сурень II. Кремневые и костяные орудия. Верхний культурный слой

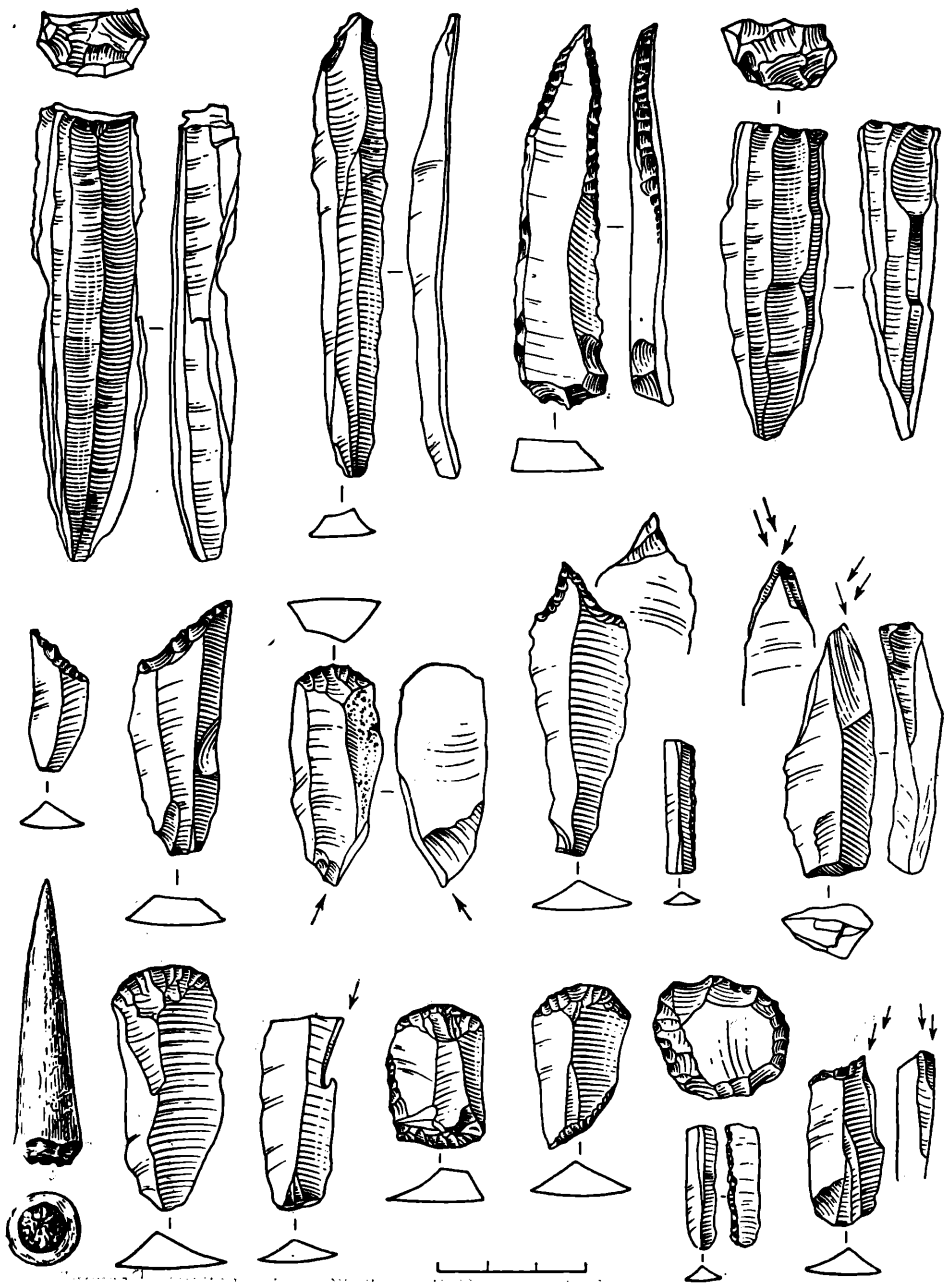

Рис. 64. Стоянка Сурень II. Кремневые и костяные орудия. Нижний культурный слой

Сюрени II не находит себе подобных по формам микролитов среди других мезолитических стоянок Крыма. Любопытно, что ближайшую аналогию ему мы находим в материалах грота Сосруко, открытого и исследованного в последние годы С. Н. Замятинным в Кабарде. В третьем, наиболее выразительном и богатом находками слое этого грота встречены сходные типы сегментов, острый и скребков⁶. По сравнению с азильскими слоями Шан-Кобы, Замиль-Кобы и Фатьма-Кобы кремневый инвентарь верхнего слоя Сюрени II более совершенен. Его следует рассматривать как комплекс, непосредственно предшествующий тарденуазским стоянкам типа Мурзак-Коба, и сопоставлять с финальным этапом раннего мезолита Крыма⁷.

В пользу такой датировки говорят развитые формы сегментовидных микролитов, отсутствие в инвентаре типичных тарденуазских форм (разнообразных трапеций и пластинок с выемками), наконец, — стратиграфическое положение слоя и плейстоценовые реликты в голоценовой фауне. Верхний слой стоянки Сурень II свидетельствует о большей длительности раннего этапа мезолита Крыма.

Руководящей формой кремневого инвентаря нижнего слоя Сюрени II следует считать выразительную серию (около 50 экземпляров) наконечников иволистной формы (рис. 65), сопровождаемую несколькими атипичными наконечниками с черешком. В остальном же инвентарь нижнего и верхнего слоев стоянки сходен. Здесь есть общие формы концевых скребков и скребков на отщепе, боковых резцов и резцов на углу сломанной пластинки, пластинок со скошенным краем. Привлекает внимание большее совершенство нуклеусов, что, видимо, вызывалось потребностью получать узкие правильные призматические пластинки, из которых изготовлялись наконечники стрел. Как и в верхнем слое, встречено некоторое количество пластинок с притупленным краем.

Г. А. Бонч-Осмоловский сопоставлял нижний слой стоянки Сурень II со свидерскими материалами. Он рассматривал Крымский полуостров как территорию распространения свидерской культуры и считал необходимым при датировке свидерских комплексов исходить из стратиграфии крымского мезолита. По его мнению, свидерская культура относилась не к позднему мадлену, а к позднему азилю⁸. С этим его взглядом согласиться нельзя. Известно, что граница распространения свидерской культуры не заходит так далеко на юг. Еще более ошибочным будет исходить при датировке свидерских памятников из стратиграфического положения, отмеченного выше для комплекса находок из Сюрени II. Комплекс этот, с иволистыми наконечниками стрел, представляется возникшим в Крыму внезапно. И существовал он здесь недолго. Предшественников его в верхнем палеолите Крыма нет, как нет и потомков. Единичные находки подобных наконечников в азильских (4 экземпляра: Шан-Коба, 4-й слой — 3 экземпляра; Фатьма-Коба, 5-й слой — 1 экземпляр) и тарденуазских горизонтах (4 экземпляра: Шан-Коба, 3-й слой — 1 экземпляр; Замиль-Коба I — 1 экземпляр, Мурзак-Коба — 2 экземпляра) пережиточны и не меняют общего облика слоев.

Вряд ли культура, столь непродолжительное время существовавшая, хотя и оставившая яркий след в истории развития мезолита Крымского

⁶ С. Н. З а м я т н и н, П. Г. А к р и т а с. Исследование по каменному веку в Кабарде в 1954—1955 г. (Предварительный отчет). — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, т. XI. Нальчик, 1957, стр. 424.

⁷ С. Н. З а м я т н и н, П. Г. А к р и т а с. Раскопки грота Сосруко в 1955 году. — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, т. XIII (к 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России). Нальчик, 1957, стр. 448.

⁸ Г. А. Б о н ч - О с м о л о в с к и й. Указ. соч., стр. 164.

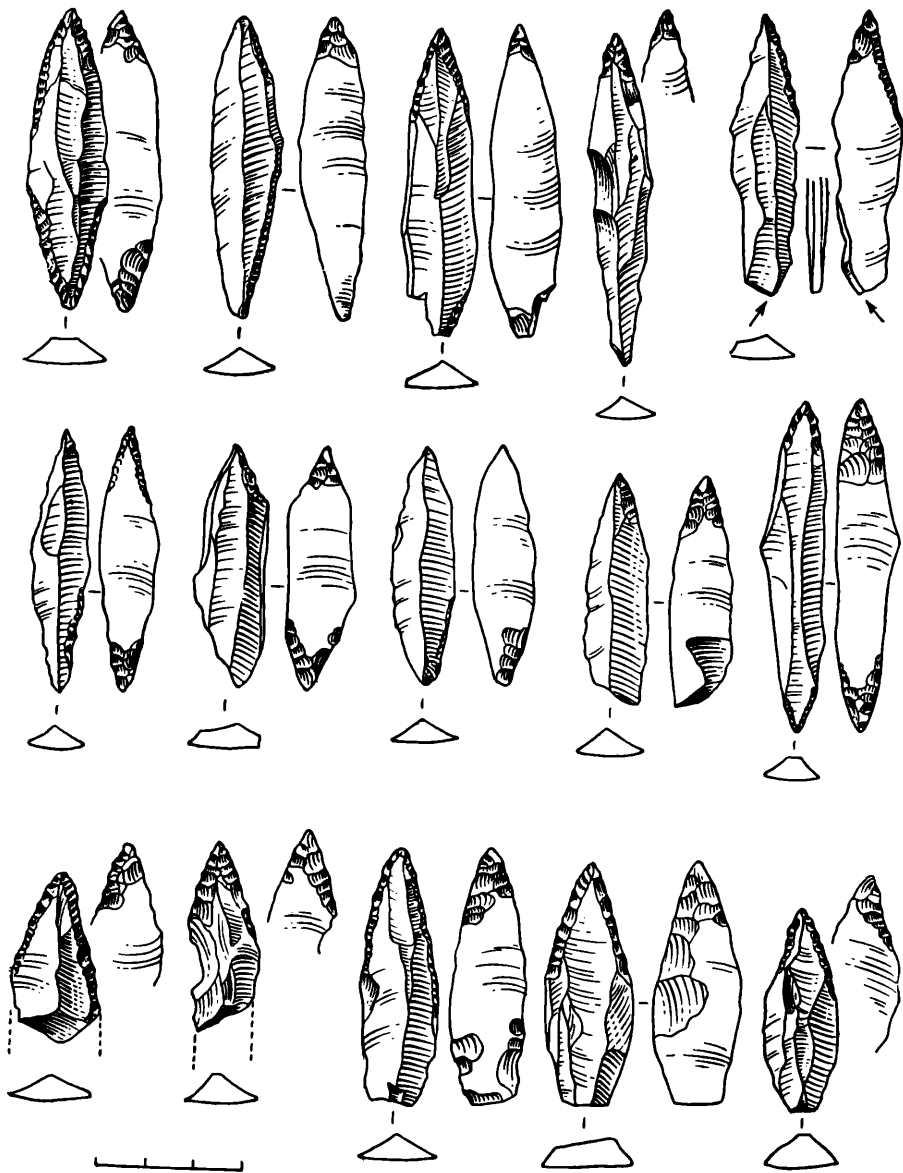

Рис. 65. Стоянка Сурень II. Иволстые наконечники стрел. Нижний культурный слой

полуострова, могла быть аборигенной. Более правдоподобным будет допустить появление ее извне.

Следует думать, что в конце плейстоцена в Крым проникла северная культура, восходящая своими истоками к свидерской культуре Польши. На новом месте она далее не развилась, а была ассимилирована местными крымскими культурами.

Комплекс находок со свидерскими наконечниками из нижнего слоя стоянки Сюрень II отражает, как нам представляется, этот конкретный эпизод в истории развития мезолитической культуры Крымского полуострова.

Н. Н. ГУРИНА

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЩЕПОЧНИК

(К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ВАЛДАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Летом 1958 г. неолитический отряд Прибалтийской экспедиции исследовал неолитическую стоянку на берегу Березовского плеса — залива оз. Селигер. В эту узкую и длинную губу впадает небольшая речка Плотина, устье которой в летнее время нелегко отыскать в камышах. Стоянка занимает небольшой залесенный мыс под названием Щепочник, образованный левым берегом речки и плесом. Высота его над современным уровнем воды не более 2,5 м. Сильные весенние разливы реки нарушили целостность культурного слоя стоянки, значительно сократив ее площадь. Заложенный нами раскоп (48 кв. м) почти полностью исчерпал памятник.

Стратиграфия памятника обычна для неолитических стоянок этого района: 1) почвенный слой — 0—0,04 м; 2) серый подзол — 0,04—0,11 м; 3) темно-желтый гумусированный песок с вкраплением мелких угольков — 0,11—0,40 м (культурный слой); 4) желтовато-серый материковый слой.

Нижняя граница культурного слоя на основной части раскопа шла ровно, верхняя нарушалась корнями деревьев.

Единственное западание культурного слоя, прослеженное в верхней части (квадраты 8 и 10), представляло темное пятно овальных очертаний, диаметром 2 м; в нижней части, на глубине 1 м, диаметр его уменьшался до 1,8 м. Темный культурный слой, заполнявший углубление, содержал большое количество мелких угольков и керамику; на дне его найдено несколько некрупных, сильно обожженных камней.

Наибольшее количество находок сконцентрировано на квадратах, примыкающих к углублению. Материал состоял из каменных орудий, отщепов и фрагментов сосудов. Костяной инвентарь и остатки фауны отсутствовали, вероятно, вследствие особых условий залегания, не способствовавших их сохранности.

Каменные орудия и керамика типичны для стоянок валдайской культуры; в них представлены все ведущие формы¹. Все орудия изготовлены из цветного валунного кремня, широко распространенного в этих местах, преимущественно желтого и серого, реже красноватого. Наконечники стрел встречены трех типов: удлинненно-ромбовидные, черешковые и близкие к листовидному (рис. 66 — 2—6). На некоторых экземплярах отчетливо

¹ Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура. — СА, 1958, № 3, стр. 30—45.

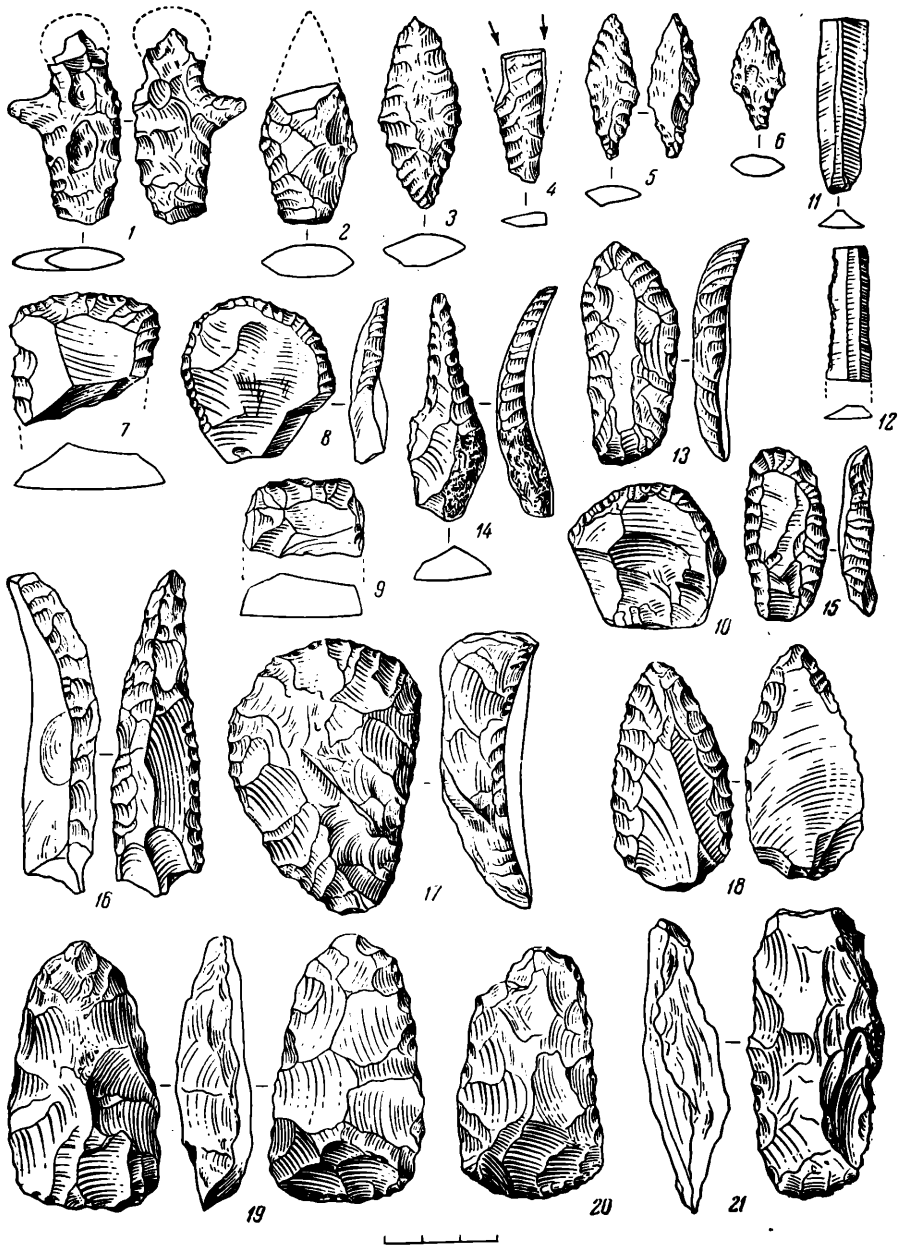

Рис. 66. Каменный инвентарь стоянки Щепочник:

1 — фигурка человека из кремня; 2—6 — наконечники стрел; 7—10, 17 — скребки; 11, 12 — perforированные пластинки; 13—16, 18 — ножи; 19—21 — крупные рубящие орудия

выступает уплощенность — черта, характерная для наконечников стрел неолитических стоянок оз. Селигер. Часть наконечников, преимущественно средней величины, изготовлена ретушью, покрывающей в одинаковой мере обе стороны орудия (рис. 66 — 3); другие ретушированы преимущественно со стороны спинки и меньше — с брюшка (рис. 66 — 5—6). Наконечники копий представлены одним обломком, обработанным крупной ретушью. Большую долю кремневого инвентаря стоянки составляют ножи и ножевидные пластинки; последние в большинстве случаев очень тонки, правильных очертаний. Зазубренность краев свидетельствует о том, что часть их использовалась в качестве ножей без предварительной обработки (рис. 66 — 11, 12).

Собственно ножи различны по форме. Один из них имеет вид тонкого пластинчатого отщепа, удлинённых очертаний, с ретушью и следами сработанности на двух длинных гранях и на конце орудия, что указывает на использование его дополнительно в качестве скребка. Второй нож — массивный, удлинённый отщеп неправильно-овальных очертаний (рис. 66 — 18). Рабочей частью его служит прямая уплощенная сторона, обработанная мелкой ретушью. Противоположная сторона, более утолщенная, не обработана. Тыльная часть ножа слегка притуплена ретушью. Следы заполированности на лезвии свидетельствуют об использовании инструмента в процессе работы.

Наиболее типичны для валдайской культуры два ножа и удлинённые отщепы с неправильно-округлым рабочим концом, спинка которых покрыта сплошь тщательной мелкой ретушью, а плоское брюшко оставлено без обработки. По всей вероятности, они употреблялись в качестве особого ложкарного инструмента для обработки вогнутой поверхности и в качестве ножей, о чем свидетельствуют следы сработанности на удлинённых гранях (рис. 66 — 13, 15). Близки к ним по назначению два кремневых орудия — краевые отщепы, обработанные только со спинки очень тщательной крупной ретушью (рис. 66 — 14, 16). Меньшее по размеру орудие имеет хорошо выраженные плечики. Вместе с тем заостренные концы² указывают на использование их и в качестве проколов.

Среди скребков, наряду с небольшими округлыми и подтреугольными, распространенными почти во всех неолитических стоянках лесной полосы, видное место занимают специфические валдайские формы — концевые, на массивных ножевидных пластинах (рис. 66 — 7, 9) и плоские овальные скребки на отщепе, отчетливо сохранивших раковистый излом (рис. 66 — 8, 10). Выделяется очень массивный концевой скребок с округлым рабочим краем, обработанным крутой ретушью, резко суженный к тыльной части (рис. 66 — 17).

В коллекции есть и крупные кремневые орудия, особенно характерные для валдайских стоянок, изготовленные при помощи сколов, без применения шлифовки. Одно из них — удлинённый топорик с округлым рабочим концом (рис. 66 — 21), два других — тесла с острым обушком и вогнутым лезвием, образованным сравнительно крупными сколами (рис. 66 — 19, 20)³. Одно из орудий слегка фрагментарно в результате того, что оно побывало в огне. Наконец, найдены еще два рубящих орудия — небольшие топорики, один из которых — более массивный, с сильно сработанным лезвием, а второй — плоский, с округлым рабочим концом.

Особого внимания заслуживает кремневая фигурка, очень тщательно изготовленная (рис. 66 — 1). К сожалению, побывавшая в огне верхняя часть ее раскололась, и восстановить полностью форму изделия нельзя. Отчетливо видны лишь выступ с одной стороны и суженная часть при

² Конец одного орудия обломан.

³ Такие орудия известны в литературе под наименованием «pic» и «tranchet».

переходе от туловища к голове. Вероятнее всего, этот предмет изображал фигуру человека с одной рукой или какого-то животного⁴.

Керамика типична для валдайской культуры; основную массу составляют сосуды средней величины, со сравнительно тонкими (3—5 мм) стенками. В глиняное тесто, как правило, добавлен в качестве примеси очень мелкий кварцитовый песок, реже — органические вещества. Края сосудов прямые, днища острые; на внутренней поверхности сосудов часто видны штрихи заглаживания. В большинстве случаев орнамент покрывает всю внешнюю поверхность. Несмотря на известное разнообразие слагающих его элементов — различного рода гребенка, неправильной формы ямки, тонкие прочерченные линии, оттиски очень мелкого шнура, намотанного на стержень, и крошечные нарезки, — в целом сосуды могут быть объединены в группу гребенчатых и противопоставлены типично ямочным, украшенным глубоким рельефным узором.

Композиция узора — обычная для валдайских стоянок. Чаще всего мелкие ямки или наклонные оттиски гребенки расположены горизонтальными поясами. Изредка они, пересекаясь, образуют клетки (рис. 67 — 1—18).

Особо выделяется группа сосудов, орнаментированных оттисками очень тонкой и четкой гребенки, расположенными близко один к другому в виде горизонтальных полос, сочетающихся с полосами из очень мелких, попарно расположенных ямок (рис. 67 — 3). Интересен также сосуд, украшенный длинной гребенкой с очень узкими и резко вытянутыми зубчиками. При орнаментации, путем нажима на один край гребенки, достигалось углубление двух зубчиков, в то время как все остальные едва касались поверхности (рис. 67 — 2). От углубленного края гребенки отходили еще одна или две линии из поверхностных вдавлений штампа, отчего узор получался как бы лучеобразным. Вследствие различной глубины оттисков зубчиков гребенки нарушалось однообразие орнамента и создавались светотени.

Помимо гребенчатого штампа, для небольшой группы сосудов применен иной способ нанесения узора: отступающей круглой палочкой образованы косые, короткие или длинные линии, направленные под углом к краю сосуда и дополненные по самому краю мелкими круглыми ямками.

Особо нужно отметить и еще один сосуд, отличающийся от прочих небольшим количеством примеси к глине, сильной залощенностью внешней поверхности и едва заметными следами окраски охрой. На внутренней поверхности видны четкие следы заглаживания (рис. 67 — 18). Сохранившиеся части позволяют составить представление о форме сосуда. Величина его — средняя; диаметр верхней части 29 см, высота 23 см, край прямой, днище сильно оттянуто книзу (рис. 68 — 10). Верхняя часть украшена четырьмя параллельными друг другу и краю сосуда линиями из редких наколов подтреугольных очертаний. Остальная часть свободна от орнамента, за исключением днища, украшенного одной линией из тех же накольчатых вдавлений.

Расположение стоянки на берегу тихого, очень богатого рыбой, залива указывает на то, что одной из главных отраслей хозяйства древних обитателей этих мест было рыболовство. Однако присутствие в инвентаре различных наконечников стрел свидетельствует и о важной роли охоты. Небольшая площадь поселения, незначительная мощность культурного слоя и относительно слабая его насыщенность находками позволяют заключить, что люди жили здесь в течение сравнительно короткого времени.

Материал стоянки Щепочник содержит орудия и керамику, типичные для валдайской культуры. Вместе с тем некоторые детали позволяют наи-

⁴ С. Н. Замятин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы. — СА, X, 1948, стр. 85—123.

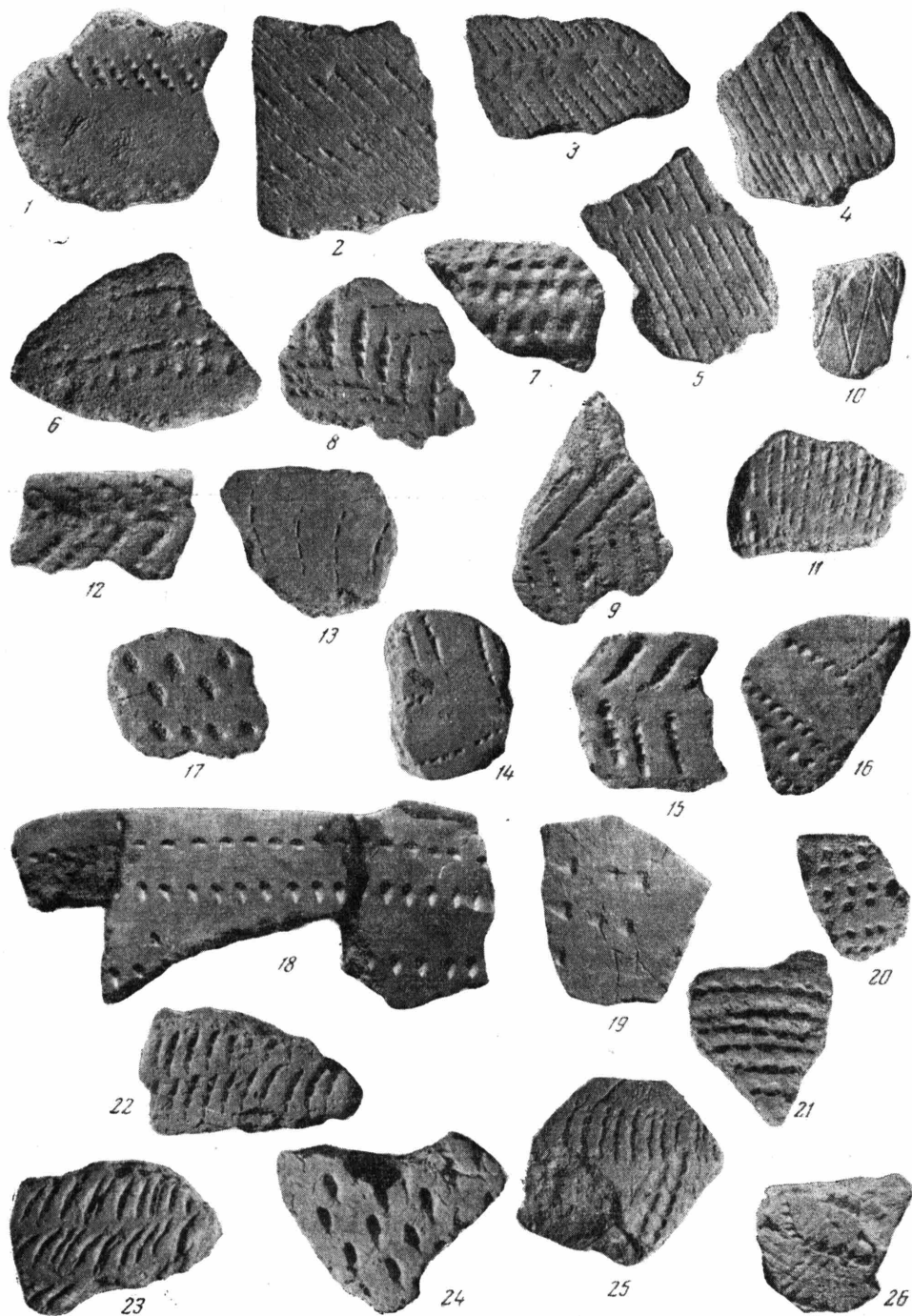

Рис. 67. Обломки сосудов со стоянки Щепочник и стоянок на р. Сож.

1—18 — стоянка Щепочник; 19—26 — р. Ипуть, приток р. Сож, дер. Романовичи

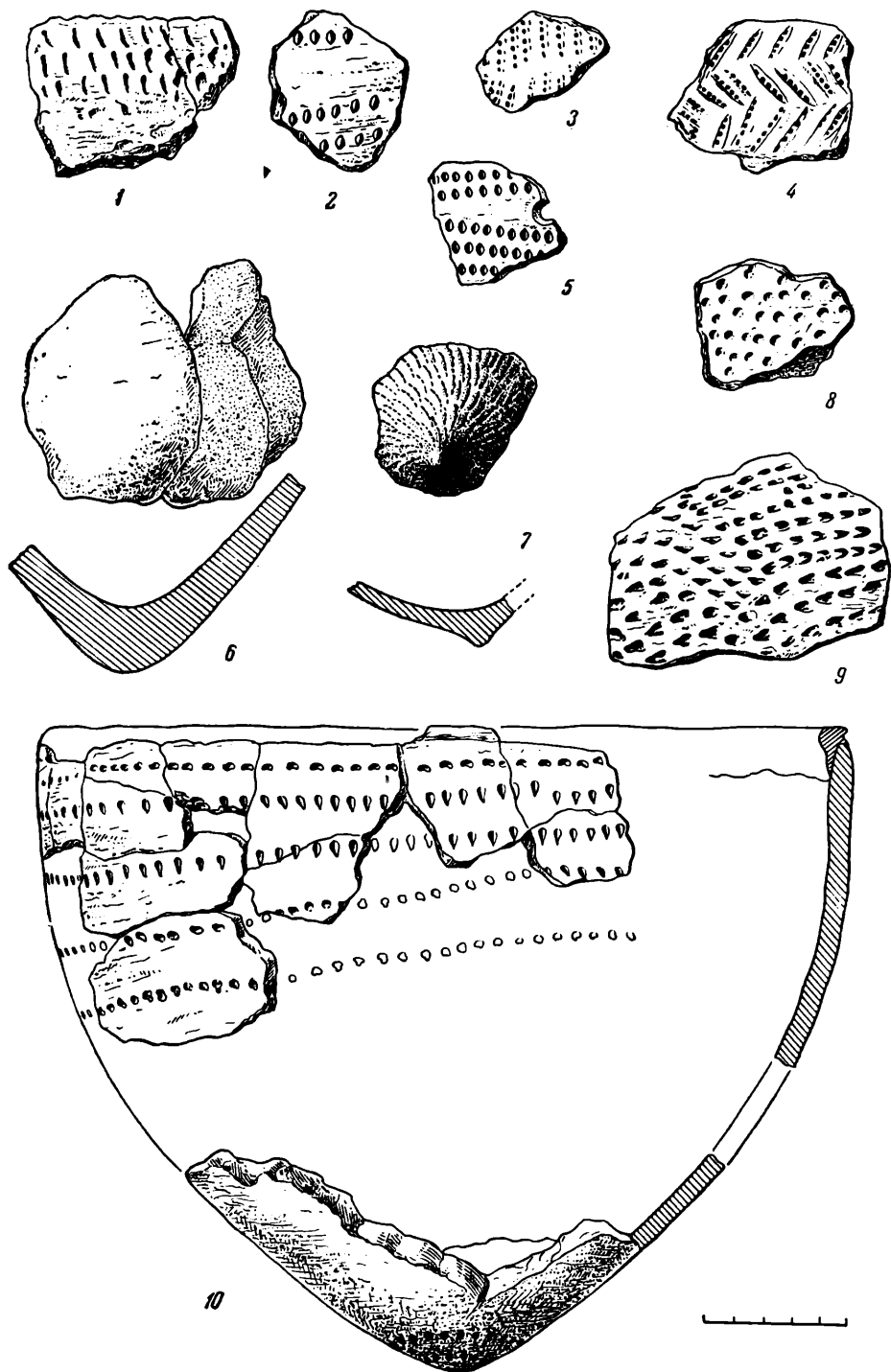

Рис. 68. Орнаментация сосудов с валдайских и поднепровских стоянок:

1 — Сурский остров (Днепр); 2 — урочище Глинище (р. Сож); 3 — урочище Калясище (р. Сож); 4 — урочище Лоши (р. Сож); 5 — урочище Городок (р. Сож); 6 — остров Колачек (Днепр); 7 — урочище Цыганский бугор (р. Сож); 8 — урочище Перегарец (р. Сож); 9 — Комсомольская (Украина); 10 — остролопный сосуд (реконструкция)

более отчетливо уловить черты, общие для памятников валдайской культуры и для памятников других культур.

Валдайская культура, как следует из карты ее распространения⁵, занимает район, который заходит узким языком в область, занятую стоянками с ямочной керамикой: с юга и востока — льяловскими и балахнинскими, с севера — ильменско-приладожскими, с запада — латвийскими. Сходство с этими стоянками меньше, чем с расположенными к юго-западу от территории распространения валдайской культуры в верхнем и среднем Поднепровье.

Вследствие слабой изученности неолита Литвы и северной Белоруссии трудно пока сказать что-либо определенное о связи валдайских стоянок с этими районами. Однако собранные к настоящему времени материалы позволяют, правда, пока еще предварительно, отрицательно решить вопрос о возможности включения Литвы и северной Белоруссии в область распространения ямочной керамики. Неолит их имеет ряд специфических особенностей и некоторое сходство с частью неолитических стоянок Польши.

Общие черты инвентаря валдайских стоянок, в особенности керамики, с инвентарем памятников верхнего Поднепровья⁶ прослеживаются в характере теста, из которого изготовлены сосуды (преобладание растительной примеси), в сравнительной тонкостенности, залощенности внешней поверхности и в особенности орнаментации — украшения сосудов мелкими треугольными наколами тонкой, тесно расположенной гребенкой, напоминающей машинную строчку. Особенно хорошо это сходство заметно на сосудах стоянки Щепочник, где типичный для верхнего Поднепровья накольчатый орнамент сочетается с очень характерной оттянутой формой днища, не свойственной сосудам с ямочным орнаментом, и залощенностью внешней поверхности (рис. 68—10).

Благодаря любезности И. И. Артеменко, предоставившего свой еще не опубликованный материал, мы получили возможность сопоставить орнаментацию сосудов стоянки Щепочник с узором на сосудах поздненеолитических стоянок верхнего Поднепровья (рис. 67—19—26; рис. 69). Сходство их заставляет искать общие корни в тесной связи или родстве древних племен, оставивших после себя эти памятники. Учитывая территориальную изолированность валдайской культуры, окруженной культурами с ямочной керамикой, трудно предположить, что это сходство могло родиться лишь в результате обычного общения племен с целью обмена. По всей вероятности, причину следует искать глубже — в общности их происхождения. И в этом случае «островное» положение валдайской культуры заставляет отрицательно отнестись к поискам прародины поднепровских неолитических племен на Валдайской возвышенности, тем более, что пока мы еще не имеем достаточно полных данных о характере памятников на этой территории, предшествующих стоянкам валдайской культуры. Наоборот, по всей вероятности, правильнее предположить, что племена, оставившие после себя многочисленные неолитические памятники в пределах современных Калининской и части Псковской и Новгородской областей, пришли сюда с юго-запада, т. е. с верхнего и среднего Поднепровья, где ими была заселена значительная территория. В соответствии с общепринятой датировкой

⁵ Н. Н. Гурина. Указ. соч., стр. 42, рис. 6.

⁶ К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа. — Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Книга 5. Працы катэдры археалёгіі, т. 1. Менск, 1928, стр. 121—252; его же. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга Сажа. — Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Працы Археалёгічнай Камісіі, т. 11. Менск, 1930, стр. 382—472; О. Г. Шапошнікова. Пам'яткі неоліту та трипільської культури в районі Києва. — Археологія, VIII. Київ, 1953, стр. 138—147; В. М. Даниленко. До питання про ранній неоліт південної Наддніпрянщини. — Археологія, III. Київ, 1950, стр. 145, рис. 6; А. Добровольський. Восьма Ігріньська неолітична стоянка. — Археологічні пам'ятки УРСР, т. II. Київ, 1949, стр. 250, рис. 4.

поднепровских памятников это переселение могло произойти во II тысячелетии до н. э., что согласуется и с датировкой памятников валдайской культуры.

Тесные связи племен, обитавших на территории, включающей в себя не только указанные области, но и, по-видимому, северную Белоруссию и

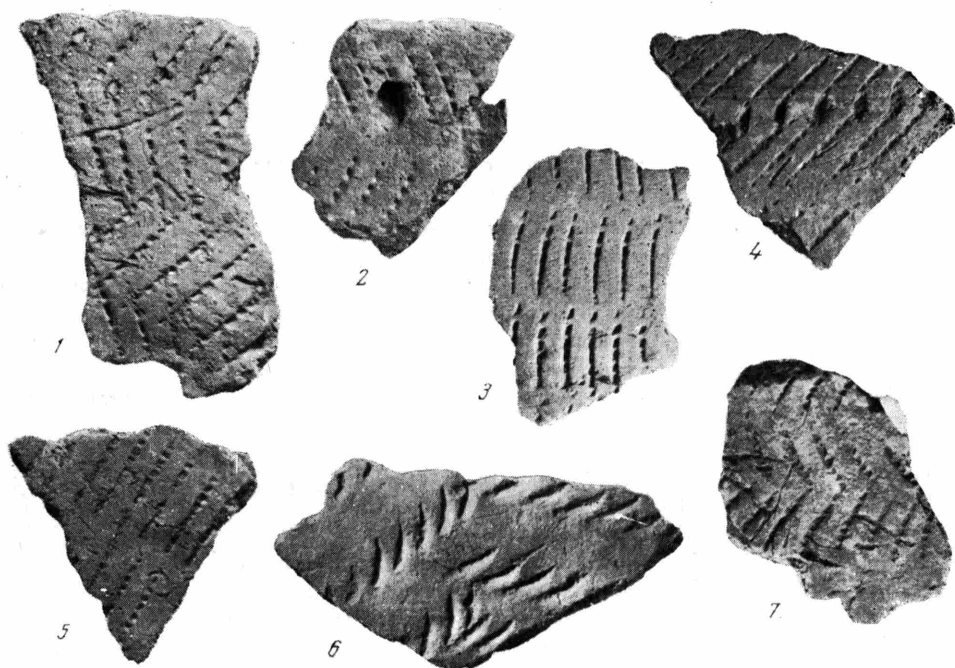

Рис. 69. Обломки сосудов со стоянок Поднепровья:

1—4 — Днепр, дер. Лучин, уроч. Сосонка; 5—7 — Днепр, дер. Лучин, уроч. Борок Семеновский

Литву, прослеживаются и в более раннем периоде, о чем достаточно наглядно свидетельствуют вновь открытые мезолитические памятники северной Белоруссии и Псковской области⁷.

Решение проблемы взаимоотношения северных и южных племен в эпоху неолита весьма существенно для понимания древней истории Европейской части СССР. Оно может быть получено лишь в результате углубленных исследований не только территорий Верхнего Поволжья и Поднепровья, но и разделяющей их области — лесостепи.

⁷ Работы неолитического отряда Прибалтийской экспедиции 1957—1958 гг. Материал хранится в ЛОИИМК и Псковском историко-краеведческом музее.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ	— Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
ВГО	— Всесоюзное географическое общество.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГИН	— Геологический институт АН СССР.
ИАН	— Известия Академии наук СССР.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИГ	— Институт географии АН СССР.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
ИЭ	— Институт этнографии АН СССР.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии.
МГУ	— Московский государственный университет.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МОИП	— Московское общество испытателей природы.
КИЧП	— Комиссия по изучению четвертичного периода.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛОИИМК	— Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР.
РГО	— Русское географическое общество.
СА	— Советская археология.
СЭ	— Советская этнография.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Сергей Николаевич Замятнин	3
С. Н. Замятнин. Сталинградская палеолитическая стоянка	5
А. А. Чигурьева и Н. Я. Хвалина. О характере растительности в районе Сталинграда в эпоху среднего палеолита	37
В. И. Громов. Геологический возраст Сталинградской стоянки	42
М. З. Паничкина. Новые палеолитические находки на реке Псекупс (Кубань)	49
В. П. Любин. Верхнеашельская стоянка Джрабер (Армения)	59
А. П. Окладников. Ходжикентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана	68
А. П. Черныш. Мустьерские слон стоянки Молодова V	77
А. Н. Рогачев. Аносовка II — новая многослойная стоянка в Костенках . . .	86
Э. А. Абрамова. Изображения животных с палеолитической стоянки Александровка	97
П. И. Борисковский. Кремневые мастерские в окрестностях Валук на реке Оскол	104
М. Д. Гвоздовер. Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки	112
Г. Ф. Дебец. Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском Логе (Костенки XVIII)	120
М. М. Герасимов. Круглое жилище стоянки Мальта	128
О. Н. Бадер. Уникальная палеолитическая фигурка со стоянки Сунгирь	135
В. В. Федоров. Новые изображения рыб с палеолитических стоянок Европейской части СССР	140
Е. А. Векилова. К вопросу о свидерской культуре в Крыму (стоянка Сюрень II)	143
Н. Н. Гурина. Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской культуры)	150
Список сокращений	158

**Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института археологии
Выпуск 82**

*Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР*

*Редактор издательства М. Г. Воробьева
Технический редактор Г. А. Астафьева и С. П. Голубь*

*

РИСО АН СССР № 102—87В. Сдано в набор
19 XII/1960 г. Подписано к печати 6/VI 1961 г.
Формат $70 \times 108^{1/16}$. Печ. л. $10 + 3$ вкл. Усл.
печ. л. $13,7 + 3$ вкл. Уч.-изд. л. $12,7 + 3$ вкл.
Тираж 1300 экз. Т-08615. Изд. № 5104. Тип.
зак. № 37

Цена 82 к.

*

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография Издательства
Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
5	20 сн.	проводившим	проводившему
55	1 сн.	скербла	скребла
58	12 св.	оспыпи	осыпи
72	17 св.	скошены	не скошены
85	8 сн.	N. Mogoşon	N. Mogoşan
95	9 св.	(Рис. 42...	(Рис. 44...
106	2 сн.	М. В. Гвоздовер	М. Д. Гвоздовер
157	12 сн.	Поднестровья	Поднепровья